

Серик
МУКАНОВ

ВКУС
КУРТА

2020

Серик МУКАНОВ

Вкус курта

'Алматы-Болашак' АҚ

АЛМАТЫ

2020

УДК 821. 512. 122
ББК 84 (5Каз.-Рус.) > 45
М 78

"Выпущено по программе "Повышение конкурентоспособности сферы культуры и искусства, сохранение, изучение и популяризация казахстанского культурного наследия и повышение эффективности реализации архивного дела", по подпрограмме "Приобретение, издание и распространение социально-важных видов литературы" Комитета языковой политики Министерства культуры и спорта Республики Казахстан".

62410

М 78 Муканов Серик Кабиденович.

"Вкус курта" (рассказы, эссе, очерки). С. Муканов - Алматы: АО "Алматы-Болашак", 2020. - 128 стр.

ISBN 978-601-7461-91-1

В настоящий сборник североказахстанского журналиста Серика Муканова вошли невыдуманные истории, рассказы, эссе и очерки разных лет. Многие из них опубликованы в областных и республиканских печатных изданиях. Книга адресована для массового читателя.

УДК 821. 512. 122
ББК 84 (5Каз.-Рус.)

ISBN 978-601-7461-91-1

© Муканов.С., 2020

© АО "Алматы-Болашак", 2020

«Если прав,
будь с гордым горд:
он не отец пророка,
будь с робким робок:
он тебе не раб».
Олжас Сулейменов

От автора

Сначала расскажу одну старую казахскую притчу.

В коровьем стаде подрастал бычок. Со временем он вырос и стал красивым, статным быком с могучей грудью, крутыми рогами. Все коровы и телки были от него без ума. Бычок ни в чем не знал отказов. Возгордился бык от такого внимания и решил, что стадо не достойно его. Он может занять место среди «равных себе» благородных и быстрых коней. И вскоре он действительно ушел в косяк лошадей. Стал жить с ними, учился ржать, фыркать, бить копытами... Словом, вести себя как настоящий конь. Но полного взаимопонимания, как и сходства, не было. Порой, получая копытом в лоб, рога в ход не пускал. Затаившись, терпел до лучших времен.

Может, так бы все и продолжалось, но однажды на косяк напали волки. Рванули быстрее ветра скакуны. Бросился за ними и бык. Вначале бежал быстро, но спустя время стал тяжело дышать, вскоре перестали слушаться ноги. Кони умчались за горизонт, а волки обложили обессиленного быка. «Видно, пришел мой конец», – подумал он и на всю округу раздался его предсмертный рев, который услышало и узнало отыхавшее в тени деревьев стадо бывших соплеменников. Смело бросились они на волков и спасли быка. С тех пор наш герой стал более осмотрительным в своих поступках и до конца дней своих комфортно жил в среде себе подобных.

Книга, которую ты держишь в руке, уважаемый читатель, могла увидеть свет гораздо раньше, если бы я, подобно тому бывшему бедолаге, в последние годы не был бы в другой компании. Задорные новые друзья и коллеги, нагуляв «жирок» на северном «разнотравье», подались на поиски лучшей доли в другие края. Нам задумали не угадаться...

Если серьезно, то я рад, хоть и запоздалой встрече с тобой, дорогой читатель. Автором этой или подобной ей книги мог бы стать и ты. Ведь в жизни каждого из нас случается немало забавных и поучительных случаев и историй. Обычно мы их рассказываем в узком кругу друзей, родных и близких. Пока рассказываешь один, на ум приходит другой. Успевай только записывать! Сюжеты их незатейливы, как наши теплые летние дожди. Если жизнь – дождь, то капельки – ее фрагменты. Вот так из этих капелек и родилась эта книга, в которой я попытался рассказать дорогие мне, порой забавные, простые истории из своей жизни. Написаны они в разные годы и основная часть была опубликована в различных областных и республиканских газетах и журналах. Многие затерялись в подшивках газет. Но, как говорят японцы, чтобы понять вкус моря, не обязательно пить всё море – хватит и малой толики.

Но в этом сборнике, моем первенце – моя душа, мои мысли, мои несбывшиеся мечты... Буду рад, если после прочтения моих рассказов, эссе, очерков читатель почерпнет что-то полезное для себя.

Когда взошла Звезда народа

Этот скромный, в темно-синем переплете двухтомник, что стоит на полке моей домашней библиотеки, особенно памятен и дорог – на нем автограф его автора, Героя Советского Союза, писателя Бауржана Момышулы. Мне посчастливилось, хотя и недолго, быть за его достарханом в алма-атинской квартире. Но об этом чуть позже.

Воистину, война железным резцом выскла в народной памяти немало славных имен. Имя панфиловца, гвардии полковника в отставке, писателя Бауржана Момышулы популярно, а если быть точным, то и горячо любимо не только у нас в Казахстане.

Вот что писал о Бауржане Момышулы известный публицист Александр Кривицкий, первым из журналистов поведавший миру о подвиге 28 гвардейцев-панфиловцев. Цитирую: "...При всем своеобразии его натуры он офицер, каких в нашей армии было немало – умный, храбрый, стойко выполнивший свой долг. А известен он больше других, больше многих тысяч и тысяч фронтовых комбатов, что доблестно командовали тогда своими подразделениями. И причина тут в том, что он стал героем не только подмосковных боев, но и повестей Александра Бека. Герой писателя вошел в его произведение с подлинной биографией".

В этом плане вспоминается один исторический факт. Когда артисты знаменитого МХАТа приехали в Алма-Ату ставить "Волоколамское шоссе", то Георгий Бурков, который играл генерала Панфилова, сказал: " Я всегда говорил, и буду говорить, что Москву отстояли казахи!".

Хотелось бы напомнить читателям некоторые автобиографические данные Бауржана Момышулы.

Родился 24 декабря 1910 года в ауле Кольбастау Джувалинского района Джамбулской области, в семье казаха-скотовода. После окончания школы работал учителем, служащим банка, начальником районного отдела милиции. В 1932 году Бауржан Момышулы был призван на действительную военную службу, спустя полтора года получил звание командира запаса. После небольшого перерыва, в 1936 году, он снова в рядах Красной Армии, проходит службу

в различных уголках Советского Союза, последовательно занимая должности от командира взвода до командира гвардейской дивизии.

После войны окончил Академию Генерального штаба и занимался военно-педагогической работой в одной из академий Советской Армии. В 1956 году герой “Волоколамского шоссе” в звании полковника подал в отставку, и уже сам занимается литературной работой. Его произведения тесно связаны с его биографией. К числу первых книг Бауржана Момышулы относятся “История одной ночи” и “Наша семья”. Вскоре он пишет новую книгу – роман “Занами Москва”, посвященную боевым делам Панфиловской дивизии. Бауржан Момышулы писал на казахском и русском языках. За отвагу, проявленную на фронтах Отечественной войны, награжден орденами: Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, несколькими медалями.

Такова его краткая биография. Но какую плодотворную, интересную, богатую событиями жизнь прожил этот человек! Естественно, что меня после прочитанных книг Бека, Нуршаихова, постоянно мучил журналистский зуд – вот бы встретиться с этим человеком, о котором ходят в народе столько легенд, переходящих порой в небылицы! Отправляясь в Алма-Ату, я постоянно брал с собой его двухтомник, втайне надеясь, “Может, удастся взять хотя бы автограф”.

Хорошо помню ту буйную и неповторимую алма-атинскую весну одна тысяча девятьсот восемьдесят первого. Приближался День Победы. Повод поздравить Бауке был весьма удобный.

– Да выбрось ты из головы эту пустую затею, – то ли подзадоривая, то ли действительно не веря в успех моей задумки, пытался отговорить меня мой старший брат, журналист Сакен Нурланов. – Струсишь. До дверей дойдешь, а позвонить побоишься. Не тебе чета журналисты пытались у Бауке взять интервью, а чем у некоторых это заканчивалось, знаешь. Если не знаешь, хочешь, расскажу случай из моей собственной практики?

– Ну, расскажи.

– Так вот, это было лет пятнадцать тому назад. Мне, тогда еще зеленому журналисту, редакция поручила взять интервью у Бауржана Момышулы ко Дню Победы. Нашел его телефон. Созвонился с ним, договорился о времени встречи. Это было несложно. Ну, думаю, не так страшен черт, как его малют.

Но радовался я, оказывается, преждевременно. Чем ближе становился день нашей встречи, тем больше усиливалось мое волнение. В назначенный час стою у дверей квартиры Бауке. Тогда он жил на Комсомольской улице. Гулко колотится сердце, вспотел изрядно, рука который уже раз не решается нажать кнопку звонка. А

минуты текли... Я переминался с ноги на ногу, собирался с духом и никак не мог решиться.

– Сынок, тебе плохо, или домой не пускают? – спросила меня пожилая женщина, поднимающаяся по лестнице.

Этот вопрос и привел меня в чувство.

– Спасибо, не беспокойтесь, – твердо ответил я и с силой надавил на кнопку звонка.

За дверью послышались шаги. Щелкнул замок, и передо мной возник легендарный, суровый, живой Бауке. Не успел я и рта раскрыть, как услышал его зычный командирский голос:

– Молодой человек! Вы опоздали ровно на пять минут! С разгильдяем дело не имею! Кру-у-г -ом! Ша-а-гом марш!

Не повиноваться мужества не хватило. Машинально разворачиваюсь через левое плечо и, как учили в “учебке”, двинул строевым. Было стыдно за себя и досадно за срыв редакционного задания.

– Жду тебя завтра в одиннадцать ноль-ноль! – гулко прокатился по подъезду его голос. Это был второй шанс. И я его не упустил.

А вот еще одна история с журналистом, тоже бравшим интервью у Момыш-улы. Не зная горячего характера своего собеседника, он простодушно спросил:

– Говорят, что на фронте вы были очень храбрым. Скажите, пожалуйста, только правду. Вы, действительно, ни разу не испытывали страха?

– Сказать вам правду? – кротко подняв брови, переспросил Бауржан.

– Только правду, – улыбаясь, повторил журналист.

И тут Бауржан, вскочил с тахты, схватил лежавший рядом нож и замахнулся им на гостя. Тот побледнел и чуть не свалился со стула.

– Кажется, я ответил на ваш вопрос? – сказал Бауке с занесенным в руке ножом.

– Может ли человек не испытывать страха, если смертельная опасность нависла над ним? А на войне она подстерегает бойца на каждом шагу. Я объяснил доходчиво?

Оторопевший журналист поспешил закивал.

Все эти легенды я знал. Но, думаю, будь что будет. В конце концов, главное – увидеть его. И вот я у заветных дверей квартиры Бауке, на втором этаже дома №42 по ул. Гоголя. Открыла мне Жамиля-апай, супруга Бауке:

– Вам кого?

– Хотел бы с Бауке встретиться...

– Он отдыхает, уже поздно.

— Эй, кто там? Пусть заходит, — раздался вдруг мужской грохочущий голос.

Сразу налево, по широкой прихожей — кухня. Между небольшим холодильником и столом, в простой белой ситцевой сорочке, величественно восседал седовласый Бауке. Высокий лоб, скуластое лицо, точно высеченное из гранита, щетинка жестких усов, бороздки морщин. Вот то немногое, что врезалось в память от облика этого мужественного человека. Меня поразили его слегка прищуренные, колюче-пронизывающие глаза. От них становилось не по себе. Мандраж усиливался. Стараюсь взять себя в руки:

— Ассалом алайкум, Бауке!

— Кто такой? — строго спросил он по-казахски, кивком головы принимая мое приветствие.

— Я из Северного Казахстана, — назвал свою фамилию, кратко и четко рассказал свою родословную и добавил, что работаю в районной газете.

— Что привело тебя ко мне? — перешел он на русский. Это меня успокоило немного. Но в голове настойчиво сидел один вопрос: “Прогонит, не прогонит?”.

— Бауке, поздравить вас с наступающим Днем Победы...

— Сынок, — не дав договорить приготовленное поздравление, поблагодарил Бауке и, напрочь разрушая мои планы, предложил:

— Интервью я тебе не дам. А автограф — получишь. Что стоишь, как истукан, проходи к столу! Налейте ему чаю, — обратился он к сухонькой старушке, тихо сидевшей по другую сторону стола. Это была его теща. Чай без молока я пить не привык, но выбирать не приходилось.

Мелкими глотками, отпивая уже остывший чай из цветастой пиалы, осторожно осматриваюсь. Баурсаки, сахар-рафинад, на блюдце — сливочное масло. Не таким представлялся мне достархан человека, прославившего мой народ, мою Родину. Не зная, как себя вести дальше, пытаюсь собраться с мыслями.

Стратегия моего поведения при встрече с Бауке, тщательно обдуманная заранее, безнадежно рухнула.

— Кроме чая, ничего тебе предложить не могу, — в упор, глядя на меня, продолжил Бауке. — Сегодня был съезд писателей Казахстана — посидели с друзьями. Было в холодильнике немного...

— Спасибо, мне с вашего стола достаточно и чаю, — пытаюсь “бросить леща” грозному хозяину. Но мою реплику Бауке как будто и не слышал:

— Где мои очки? — вдруг неожиданно гаркнул он кому-то в соседней комнате, придвигая к себе принесенный мной его двухтомник.

– Да Вы их вчера сами, бросив, разбили, Бауке, – отвечала бесшумно появившаяся Жамиля-апай.

– Ручку!

Молча, подаю ему свою ручку-самописку.

– Без очков плохо буквы различаю. А латынь понимаешь? А старый казахский шрифт?

– Нет.

– Тогда смотри и учись, – далеко откинув красивую голову, он начал преподавать мне орфографию прямо на титульной странице первого тома книги.

– Вот так пишется цифра один, вот так – два...

– Бауке, а “Бранденбургские ворота” Кривицкого и ваш договор с Беком – это правда? – осторожно спрашиваю в паузах, когда он медленно выводит арабскую вязь. (*Очерк Кривицкого “Бранденбургские ворота” – интереснейший рассказ об истории написания А. Беком “Волоколамского шоссе” – достоин отдельного расслояния. Прим. авт.*)

– Ты и Кривицкого знаешь? – с ехидцей, вопросом на вопрос, отвечает он.

– И Нуршаихова читал, – в тон добавляю, не задумываясь, имея в виду тогда недавно изданную прекрасную книгу “Истина и легенда”.

– Что касается Кривицкого и Бека – правда. Ты, однако, так и хочешь меня разговорить. Я же тебя предупреждал – устал сегодня.

– А почему Бек среди многих офицеров в штабе у Панфилова выбрал именно Вас?

– Это ты у него спроси.

– Он же умер...

Последний вопрос был задан не случайно. Тогда я уже слышал версию о том, что пррабушка А. Бека – дворянка. Как участница декабрьского восстания на Сенатской площади 1825 года, в юном возрасте отбывала ссылку в Пресновском районе Северо-Казахстанской области. И у нее здесь был роман с местным зажиточным казахом по фамилии Бек. Он женился на ней. Родился мальчик, которого молодая женщина через несколько лет переправила своим родственникам на воспитание в Петербург. Это был будущий дед Александра Бека. И в том, что среди множества достойных офицеров-панфиловцев писатель остановил свой выбор именно на Бауржане, мне кажется, был явный зов крови предков. Как говорят казахи: “Кан тартады”.

Больше со своими вопросами я не совался. Получив автограф, радостный и счастливый, не помню, как вылетел на улицу. Было

ощущение прикосновения к человеку священному и очень дорого-
му, испытавшему на себе трагические и триумфальные периоды в
судьбе моей многострадальной Родины.

Долго я пребывал под впечатлением той памятной встречи 17
апреля 1981 года. Рассказывал о ней друзьям, родным. А, сегодня,
накануне дня рождения Бауке, решил поделиться воспоминаниями
и с вами, дорогие читатели.

И, как писал Азильхан Нуршаихов: “Не меньше ста акынов, пи-
сателей, журналистов, ученых посвятили и до сих пор посвящают
ему стихи, очерки, статьи, исследования. А сколько легенд (при
жизни!) – сложил о нем казахский народ. Разве не удивительна его
судьба? Да, счастлив должен быть батыр, имя которого прославля-
ют в народе, а жизнь воспевают, превращая ее в легенду!”.

И еще. Только с обретением независимости нашего государства
стало достоянием гласности письмо в Президиум Верховного Со-
вета Союза ССР бывшего командира 8-й Гвардейской стрелковой
дивизии гвардии полковника Серебрякова, написанное им еще в
июле 1944 года. Перечисляя боевые подвиги Бауржана Момышу-
лы, он писал: “...мною в августе месяце 1942 года был оформлен
наградной лист на звание Героя Советского Союза, судьба которо-
го до сего времени не известна. Излагая далеко не полно подвиги
Момышулы, считаю своим долгом донести Вам и прошу на осно-
вании вышеизложенного, согласно статусам орденов Союза ССР,
отметить товарища Момышулы в пределах, которые считаете воз-
можными Вы, ибо справедливость этого от меня требует...”.

Вдумайтесь в последнюю строчку: “справедливость этого от
меня требует”. Да, справедливость восторжествовала только спу-
стя почти полвека.

Вот как об этом вспоминает единственный сын Бауржана Мо-
мышулы – Бахытжан: “И все же Звезду Бауржан получил. 11 дека-
бря 1990 года Михаил Горбачев подписал Указ об этом, а 31 дека-
бря я получил ее из рук первого Президента Казахстана, который
сумел-таки выбить бауржановскую Звезду из Кремля. Мне кажет-
ся, что если бы отец получил ее при жизни, то это была бы про-
сто очередная награда, но поскольку это случилось через восемь
лет после его смерти, как раз накануне раз渲ала Союза и обретения
Казахстаном независимости, то она приобрела совсем другое зна-
чение. Нурсултан Абишевич Назарбаев в поздравительной теле-
граммме написал нашей семье: “День, когда Бауке получил Звезду”,
можно считать днем, когда взошла Звезда народа”.

Айтиев

4 октября 1920 года первый съезд Советов Казахстана провозгласил образование Казахской Автономной Советской Социалистической Республики и сформировал первое правительство республики – Совет Народных Комиссаров.

В состав правительства вошли 12 руководителей народных комиссариатов – наркомов. Система народных комиссариатов просуществовала до марта 1946 года.

Всего за этот период сменилось 403 наркома (включая первых заместителей). Среди наркомов первых составов были лидер Алаш-Орды А. Байтурсынов, его единомышленники Ж. Аймаутов, А. Кенжин, С. Садуакасов. Нередко наркоматы возглавляли бывшие меньшевики, эсеры, анархисты. Но уже с середины 20-х годов все противники большевиков, пусть и бывшие, были изгнаны, и руководителями государственных органов становились исключительно члены Коммунистической партии.

Наркомы одними из первых попали под жернова сталинских репрессий. Так, из 126 наркомов, назначенных в 1920-1938 годах (исключая шести человек, к тому периоду умерших), были репресированы семьдесят четыре. Причем в 1937-1938 годах арестованы семьдесят два человека. Из них расстреляны – пятьдесят один, приговорены к различным срокам заключения – двадцать один, двое покончили жизнь самоубийством, не дожидаясь вынесения приговора.

Хочу рассказать об Абдрахмане Айтиеве – одном из легендарных наркомов самого знакового наркомата того времени – НКВД. Через его застенки прошла большая часть всех сталинских наркомов, расстрелянных или погибших в муках. Их путь впоследствии повторили и почти все руководители самого НКВД.

Кого-то из них мы помянем добром, кого-то – совсем другими чувствами, но история остается беспристрастной...

В октябре 1921 года наркомат возглавил Абдрахман Айтиев. Выходец из бедной семьи, он принадлежал к людям, которых не без оснований называли пламенными революционерами. В качестве наркома НКВД Айтиев оказался “долгожителем”, занимая должность почти два с половиной года (обычный срок пребывания

в этой должности тогда редко превышал год). В характеристике на Айтиева, выданной секретарем Казобкома РКП(б) Г. Коростелевым, указывается: "Политически устойчив, колебаний от большевизма не было. Энергичный, настойчивый в проведении принятых решений. Имеет организаторские способности". На посту наркома он возглавил комиссию по приему Семипалатинской и Акмолинской губерний от Сибирского ревкома в состав Казахстана.

Известно, что 26 августа 1920 года Первый Все казахстанский Учредительный съезд, на основе декрета ВЦИК и СНК РСФСР за подписями М. Калинина и В. Ленина об образовании автономной Киргизской (Казахской) Социалистической Советской Республики как составной части Российской Советской Федерации, торжественно объявил территорию края республикой Советов и этим осуществил многовековую мечту казахского народа о создании национальной государственности. Тогда четыре уезда Акмолинской области (Атбасарский, Акмолинский, Kokчетавский и Петропавловский) временно оставались в ведении Сибревкома до окончательного решения Чрезвычайной полномочной комиссии КазЦИК по приему данной территории. Две главные задачи стояли перед комиссией. Во-первых, подготовить условия для проведения управленческой реформы, в результате которой Петропавловск из уездного города должен был стать административным центром губернии. Во-вторых, установить границы этой губернии с Россией.

Крестьянская война намного усложнила работу комиссии. Петропавловский уезд и раньше остро нуждался в управленческих кадрах, теперь же, после гибели многих советских работников, административная реформа казалась неосуществимой. Не был решен и вопрос и с северо-восточной границей республики.

Вот что сообщал в Оренбург, тогда столицу Казахстана, посетивший север молодой республики председатель КазЦИК Сейтгали Мендешев: «Прибыв в Петропавловск 19 марта, мы остановились на два дня для ознакомления с состоянием петропавловских уездных учреждений и с положением этого уезда вообще. Из доклада председателя уездного ревкома тов. Барлебена и секретаря укомпарта тов. Смирнова, сообщений других ответственных работников установлено следующее. Советская работа в уезде совершенно расстроена. Наладившаяся было посевная кампания сорвана... Продовольственная работа сорвана вконец. Работники, какие есть в Петропавловске, производят хорошее впечатление, но их очень мало. Их совершенно недостаточно не только для развертывания губернских аппаратов, но даже для правильной постановки работы в уездном масштабе. По всему видно, что без переброски работников из других губерний и областей Казахстана не обойтись».

Такая «переброска» кадров была завершена 26 апреля 1921 года, когда вышло постановление Чрезвычайной полномочной комиссии КазЦИК о приеме и организации Акмолинской губернии с административным центром в городе Петропавловске. Документ знакомил с личным составом Акмолгубревкома, о высоком авторитете которого свидетельствовали такие имена, как С. Шарипов, В. Барлебен, А. Асылбеков и другие. Председателем губревкома был назначен член КазЦИК, нарком внутренних дел республики Абдрахман Айтиев.

В материалах Северо-Казахстанского областного архива хранится немало документов, характеризующих титанический труд председателя Акмолгубревкома. Пожалуй, главной особенностью его деятельности были постоянные корректировки в связи с новыми проблемами, которые «подбрасывала» жизнь. Так, в начале лета в Петропавловске на фоне еще не затухших очагов тифа с мощной силой неожиданно вспыхнула эпидемия холеры. По этому поводу приведу телеграмму Айтиева от 22 июля 1921 года, направленную правительству Казахстана, ее текст, скорее напоминает сводку с мест боевых действий: «Город Петропавловск и его уезд признаны неблагоприятными по холере. Холера достигла громадных размеров со смертностью 50%. Для борьбы с эпидемией организована под моим председательством Чекахол, мобилизован весь военно-гражданский персонал. Оборудуется барак на 100 коек, забронирован необходимый материал, строятся водохранилища, усиленными темпами идет прививка против холеры. Закрыт въезд мешочникам из Самарской и Челябинской губерний, охваченных эпидемией холеры. Уже въехавшие из этих губерний выдворены принудительными мерами. Организован санитарный отряд. Испытываем острый недостаток в медперсонале».

Но как бы ни был загружен председатель губревкома неотложными делами, его ни на минуту не покидала мысль о границе. Как вспоминает местный краевед Тамара Макарова, в областном государственном архиве хранилась целая подшивка телеграмм, в которых значатся города Омск, Тюмень, Оренбург, Новониколаевск (ныне Новосибирск), Москва, а также многие другие документы, свидетельствующие об изнурительной и довольно долгой тяжбе, связанной с установлением границы Акмолинской губернии.

В центре пограничных споров был Айтиев. 8 мая 1921 года он возглавил Представительство Казахстана в Сибревкоме по определению данной границы республики. Вот о чем поведали архивные материалы, рассказывающие, в частности, об установлении границы с Ишимским уездом Тюменской губернии. В январе 1920 года ряд пограничных волостей, расположенных на востоке Ишимско-

го уезда, решением Сибревкома, были присоединены к Петропавловскому уезду. В мае того же года ВЦИК отменил постановление Сибревкома, и отторгнутые волости вернулись к прежнему управлению. Однако, чехарда в руководстве на фоне других бедствий не могла не сказаться на настроении крестьян.

Именно в этом районе Ишимского уезда 31 января 1921 года началось мощное антикоммунистическое движение, которое вскоре перекинулось на территорию Петропавловского уезда. В марте 1921 года Сибревком снова принял решение о присоединении тех же волостей (на этот раз временно) к Петропавловскому уезду для беспрепятственного преследования отступавших повстанцев. В начале мая, с установлением мира и порядка, которых в одинаковой степени жаждали теперь противоборствующие стороны, подчиняясь приказу Сибревкома, Айтиев вывел войска из Ишимского уезда. Однако дальнейшие события приняли неожиданный оборот: жители соседних приграничных волостей на своих сходах выразили желание остаться в Петропавловском уезде Акмолинской губернии.

Просьба крестьян побудила Айтиева к новым решительным действиям. Не могла председателя губревкома не тревожить и мысль о непредсказуемости событий в Ишимском уезде, граница которого находилась тогда всего в десяти километрах от Петропавловска. Тем более, что в ишимских волостях, ранее охваченных восстанием, ни уездная, ни местная власть никак себя не проявляла.

Заручившись поддержкой представителей ВЦИК, Айтиев 9 июня подписал приказ, на основании которого волости Бугровская, Красноярская, Соколовская, Налобинская и Беловская были присоединены к Петропавловскому уезду. О своем решении председатель губревкома поставил в известность ВЦИК, Совнарком и КазЦИК. «Принимая во внимание настояние населения восточных волостей Ишимского уезда, – сообщалось о одной из его телеграмм, – катастрофическое положение этого района после февральского восстания, плохое обслуживание ишимскими органами в административном и хозяйственном отношениях, неработоспособность органов власти на местах, а также в целях сохранения политической стабильности, административное совещание Акмологубревкома признало необходимым принять эти волости в состав губернии и водворить здесь революционный порядок. Созданный райревком уже приступил к проведению в жизнь необходимых мероприятий».

Энергичные меры Айтиева вызвали бурную негативную реакцию в Тюмени. На следующий день после опубликования приказа в его адрес поступили сразу две срочные телеграммы. Если первая

из них выражала категорический протест разгневанного председателя Тюменского губисполкома, то вторая угрожала. «О ваших захватничаниях доведено до сведения Центра, – говорилось в телеграмме. – За могущие быть недоразумения отвечать будете вы!».

Конечно, последнее слово в этом серьезном конфликте было за Москвой. А там не торопились с ответом, чем приводили стороны в состояние сильнейшего напряжения. Точка в пограничном споре была поставлена лишь 9 сентября 1921 года. В этот день ВЦИК принял постановление о включении пяти волостей в состав Петропавловского уезда Акмолинской губернии КазАССР. Эта важная новость совпала с началом работы первого губернского съезда Советов. Открывая съезд, в своей краткой вступительной речи Айтиев отметил два положительных фактора за период деятельности губревкома, а именно: установление мира и спокойствия на территории края и победу над эпидемией холеры. 15 сентября, в заключительный день заседания поступила телеграмма съезду от строителей железнодорожной линии Петропавловск-Кокчетав. В ней сообщалось о досрочном введении в эксплуатацию рельсовой колеи, проходившей до села Сухотино (станция Таинча). Таким образом, была завершена основная часть намеченного железнодорожного строительства.

Съезд избрал Айтиева председателем президиума Акмолинского губернского исполкома. 16 сентября он подписал приказ №1, в котором оговаривалась ответственность каждого члена президиума за решение тех или иных насущных задач времени. В этом документе Айтиеву вменялось руководство губернской комиссией по улучшению положения детей. Именно эта проблема, связанная с массовым непрерывным поступлением детей-сирот в Петропавловск, являлась первоочередной для председателя губисполкома. 19 сентября вышел его следующий приказ, который носил служебный характер. Вот его текст: «Отъезжая сего числа на Краевой Всеказахстанский съезд Советов в городе Оренбург, заместителем своим оставляю тов. Смирнова, коему предлагаю немедленно вступить в исполнение обязанностей». Никто тогда не мог предположить, включая самого Айтиева, что эта поездка станет завершением его деятельности на североказахстанской земле. Тем не менее, руководство республики посчитало целесообразным вернуть Айтиева на прежний пост наркома внутренних дел.

По статусу как нарком, Айтиев входил в состав КазЦИКа и принимал непосредственное участие в разработке декретов. Среди подготовленных Айтиевым таких законодательных актов, имеющих особую значимость, было три: о запрете калыма, многоженстве, об отмене феодального суда биев и введении народного суда.

С участием Айтиева было принято постановление КазЦИКа о мусульманских праздниках и днях отдыха: «С уважением относясь к религиозным чувствам народа.., объявляется днем обязательного еженедельного отдыха пятница вместо воскресенья. Также объявляются обязательными в КССР праздники казахского народа: 1. Ураза-айт – три дня; 2. Курбан-айт – три дня; 3. Наурыз – один день – 22 марта».

А. Айтиеву и возглавляемой им группе, принадлежит заслуга в подготовке декретов об отмене куна, калыма, запрещении многоженства и амнегерства, сыгравших неоценимую роль в раскрепощении казашки. Нельзя не отметить, что это были первые на Советском Востоке законы о защите интересов женщин.

Еще в одном, важном для молодого государства вопросе, как районирование республики, принял активное участие А. Айтиев. Интересно, что в ходе его обсуждения возник вопрос о переводе столицы республики из Оренбурга в другой город. Причин было немало. Специальная комиссия по административно-территориальному районированию под председательством А. Айтиева подготовила несколько вариантов будущих столиц: Актобе, Акмола, Шымкент, Аулие-Ата, Акмечеть. Заметьте, члены комиссии первыми предложили Актобе и Акмолу, остальные – на выбор. Но последнее слово было за Москвой. Складывается впечатление, что Центр еще в те годы с аппетитом посматривал на северные регионы Казахстана. Это предположение подтверждает и тот факт, что Комиссия ВЦИК вопреки здравому смыслу, приняла решение о переводе столицы КССР в г. Акмечеть (ныне Кызылорда). Правительство РСФСР выделило 4 миллиона рублей на строительство зданий для размещения правительственные учреждений.

И вот еще малоизвестный факт. 6 апреля 1925 года Президиум ВЦИК принял постановление о выделении Оренбургской губернии из состава Казахской АССР, поручив специальной комиссии ВЦИК уточнить территориально-экономические вопросы. В состав России ушли районы с преобладающим русским населением, а также часть Илекского уезда Уральской губернии. После административного деления Казахская АССР объединяла Адаевский уезд (приравненный к губернии), Актюбинскую, Акмолинскую, Уральскую, Семипалатинскую, Кустанайскую, Жетысускую, Сырдарьинскую губернии и Каракалпакскую автономную область.

Это были последние дни кипучей деятельности Абрахмана Айтиева на государственном посту. Непросто сложилась его дальнейшая судьба. Переломным в его карьере стал 1925 год, когда на пост секретаря Казкрайкома партии был назначен Голощекин. Вскоре Айтиев был выведен из состава правительства республики.

Далее в его послужном списке начался калейдоскоп должностей, масштабы которых из года в год стремительно сужались. А. Айтиев работал в системе Казгосторга, проректором Алма-Атинского зооветинститута, директором Центрального музея Казахстана. В 1934 г., будучи директором Алма-Атинского заповедника, был исключен из партии, потом восстановился, работал директором курорта. Должность, которая стала последней в его жизни – учитель фабричной школы.

После Алма-Аты последние годы своей жизни Айтиев провел в ссылке в городе Джамбуле. «Тяжело больной, прикованный к постели, как вспоминает его дочь Роза, он не терял силу духа, по возможности занимался творчеством – писал очерки истории казахов, непоколебимо верил в будущее Казахстана. В 1935 году на экраны страны вышел фильм «Чапаев». С В.И. Чапаевым отец в Лбищинске под Уральском до последнего патрона вместе отбивал ожесточенные атаки белоказаков. Тогда он чудом остался жив, а начав тогда погиб. И мы, дети, по несколько раз ходили смотреть это кино. И каждый раз папа все спрашивал, упоминается ли его имя. И когда мы отрицали, он очень сокрушался...» (*Из книги «Әбдірахман Эйтиев-ерлік пен қасіретке толы өмір*. Авторы Т.Көлбаев, Р.Эйтиеев. 2006 г. Прим. автора)

Как ни прискорбно, но Айтиева от расстрела спасла болезнь. Чекисты морально добивали его больного в постели. При регулярных обысках они конфисковывали дорогие ему памятные вещи: именной клинок за мужество и отвагу в годы гражданской войны, памятную книгу от мирового судьи.

Конечно, Айтиев не мог не знать, что означает пренебрежение к его личности, к его заслугам перед страной. Но он, как и тысячи лучших сынов народа в годы репрессий был бессилен.

Вот так трагически сложилась судьба первого наркома МВД республики Абдрахмана Айтиева, пламенного революционера, патриота, беззаветно служившего народу. Айтиев разделил участь многих своих соратников, коллег и друзей, тех, кого сегодня с полным правом причисляют к золотому генофонду нации. Он умер 16 ноября 1936 года в возрасте 50 лет. Выросли его дети: Калима, Роза, Тельман. Раствут внуки.

Его деятельность у нас, в Северном Казахстане, продолжалась недолго, всего полгода, однако, трудно найти в истории края время более сложное, более напряженное, чем то, которое было отмечено созидательной энергией выдающегося государственного деятеля.

Он отстоял Мангышлак

Малоизвестный факт: в том, что полуостров Мангышлак не отошел в состав Азербайджана, прежде всего, заслуга Шахмардана Есенова.

Во все времена земельные территории становились и становятся яблоком раздора, начиная с дачных соток и кончая тысячами квадратных километров. Порой чья-то личная или групповая алчность, агрессия, политические амбиции, а, порой, и элементарная паранойя лежат в основе начала военных действий и, как итог, переделка мира и изменения государственных границ целых государств. Сильные мира сего, не задумываясь о последствиях своих деяний, одним росчерком пера решали и решают судьбы миллионов людей. Примеров этому множество.

Их немало и на постсоветском пространстве. Наиболее наглядный – передача Крыма Украинской ССР в 1954 году. Вот откуда сегодняшняя трагедия Севастополя и русского населения в Крыму. И повинен в этом один человек – Никита Сергеевич Хрущев.

Создание материально-технической базы коммунизма было неразрывно связано и с ростом темпов добычи нефти. К примеру, в 1961 в СССР было добыто 166,1 млн. тонн нефти (в 1940 – 31,1 млн. т., а в 1913 – лишь 9,2 млн. т.). В 1980 году планировалось добывать до 700 млн. т. Но и этого было недостаточно. Уступая США по абсолютным объемам добычи жидкого топлива, СССР в то же время не имел себе равных ни по темпам развития нефтяной промышленности, ни по технике бурения и эффективности использования нефтяных ресурсов. Но установка партии была одна: догнать и перегнать Штаты по всем показателям. Это была бредовая идея генсека Хрущева.

Наиболее меткая, как представляется, обобщенная характеристика деятельности Н. Хрущева была дана человеком, который непосредственно соприкасался с ним по работе. Д.Ф. Устинов уже на последнем году жизни, когда зашла речь о Хрущеве на Политбюро, сказал так: «Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также в отношении Сталина».

Вот еще одна характеристика. В конце ноября 1964 г. в парламенте Англии на праздновании 90-летия У. Черчилля за него был предложен тост как за самого ярого врага России. Ответ Черчилля прозвучал так: «К сожалению, сейчас имеется человек, который нанес вреда стране Советов в 1000 раз больше, чем я. Это Никита Хрущев, так похлопаем ему!»

Член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д.А. Кунаев вспоминал: «Под руководством Хрущева я проработал около десяти лет. Одна из первых стычек у нас произошла, когда он предложил мне передать несколько казахстанских хлопкосеющих районов Узбекистану. Я выступил категорически против. Как раз в это время первый секретарь Южно-Казахстанского краевого комитета партии Юсупов Исмаил написал письмо Никите Сергеевичу, в котором выступил с подобным предложением. Несмотря на мои возражения, Хрущев обязал меня в партийном порядке передать Узбекской ССР Жетисайский, Кировский и Пахтааральский районы. Впоследствии все они были возвращены назад.

Кроме того, Хрущев внес предложение об организации Целинского, затем Западно-Казахстанского и Южно-Казахстанского краев. Я опять не согласился. Время показало, что я был прав – позднее все эти края упразднили.

Не сошлись наши мнения и о будущем Мангышлака. Как-то Хрущев сказал: «Мангышлак – полуостров несметного богатства. Освоить нефть там могут только туркмены. Надо его им отдать». Мои контраргументы он пропустил мимо ушей, поэтому я попросил его переговорить с министром геологии Сидоренко. Тот поддержал меня, и Хрущев был вынужден оставить Мангышлак Казахстану».

Эти факты из воспоминаний Д.А.Кунаева по официальным данным, мягко говоря, разнятся с реальностью.

Еще в 1956 году огромные территории южно-казахстанского Бостандыкского района – 418 тысяч га – с плодородной землей и многотысячными отарами овец “ушли” из Казахстана в Узбекистан. Позднее половину площадей Д. Кунаеву с помощью Л. Брежнева удалось вернуть, но – только половину. “Отчасти в этом мы сами виноваты, – пишет академик Хайдар Арыстанбеков. – Сказались наши извечная беспринципность, равнодушие, нерасторопность”.

В 1962 году Центр заговорил о передаче полуострова Мангышлак теперь уже Азербайджану – на том лишь основании, что там давно занимаются нефтяным промыслом. Противостоять Москве,

означало вступить в схватку с всесильным Хрущевым. В руководстве республики тогда уже не было решительного человека, подобно Жумабеку Ташеневу, отстоявшему четыре северные области Казахстана, которые Хрущев волевым решением хотел передать в состав РСФСР. Ташенев за это поплатился должностью главы правительства и был сослан в Чимкент заместителем председателя облисполкома. Поэтому отношения с Кремлем никто портить не хотел, считая вопрос передачи Мангышлака решенным. Нужен был крайний. После недолгих споров в ЦК КПК было предложено попытаться защитить полуостров министру геологии Шахмардану Есенову. Этим руководители Казахстана убивали двух зайцев: сберегали себя и проверяли в серьезном деле, подающего надежды молодого Есенова. В то время ему было тридцать пять лет.

Выпускник Казахского горно-металлургического института Шахмардан Есенов был в начале своей карьеры весьма удачливым геологом, проработавшим свыше 10 лет в Джезказганском медно-рудном районе. Именно в те годы его заметил и оценил Каныш Сатпаев, который и способствовал его выдвижению в заминистры геологии республики. В те годы поговаривали, что Кунаев готовит его себе в преемники и ведет Есенова наверх примерно по тем же ступенькам, по которым шел он сам. Но жизнь внесла свои коррективы.

Решая судьбу исконно казахского Мангышлака, Москва не удосужилась спросить у Азербайджана, примет ли эта республика сей бесценный подарок. В те годы у первого секретаря ЦК КПА Вели Ахундова была своя старая нерешенная проблема – Нагорный Карабах. Дело в том, что к нему обратилась группа известных представителей армянской интеллигенции с просьбой получить разрешение на переход Карабаха в состав Армении. Москва предложила Ахундову удовлетворить просьбу “братской республики”. И тот период в жизни Вели Ахундова был особенно напряженным и полным драматизма. Потребовались невероятная сила воли и дар убеждения, научная эрудиция и смелость, чтобы, вопреки желанию Москвы, остановить этот процесс. Это был еще один отпор волюнтаризму неугомонного генсека. Владея ситуацией, Хрущев решил схитрить: добиться согласия об отчуждении Мангышлака у казахов и поставить Ахундова перед фактом, хотя вряд ли азербайджанская сторона согласилась бы на этот беспрецедентный шаг Центра. Но как знать…

Между тем Шахмардан Есенов основательно и тщательно готовился к защите Мангышлака. Он хорошо понимал о государственной важности поручения руководства республики. Защитит

он полуостров – будет на щите, не защитит – конец его карьере гарантирован. Но не это было главным. Только от него зависела судьба богатейшей части территории его родины, будущее Казахстана. Это и волновало больше всего.

О важности рассматриваемого вопроса говорит и тот факт, что обсуждение было вынесено на совместное заседание Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР. В одном из кремлевских залов, перед первыми лицами страны, Есенов приводил неопровергимые цифры и факты в доказательство того, что Казахстан решает и может успешно решать не только сельскохозяйственные, но и индустриальные задачи. С помощью диаграмм и иллюстраций он наглядно убеждал присутствующих согласиться с тем, что в республике есть квалифицированные специалисты, есть материальные ресурсы, есть и солидный опыт промышленной разработки месторождений нефти и других полезных ископаемых.

Обсуждение единственного вопроса повестки дня было бурным. Чаша весов заколебалась не в пользу казахстанского министра. Но, к нашему счастью, в руководстве страны были и здравомыслящие люди. На сторону Есенова встал Алексей Косыгин. Авторитетному мнению Премьер-министра СССР возразить было некому. Ему понравился толковый, смелый и напористый молодой казахский министр. Аргументированы были его доводы, расчеты и реальными выглядели перспективы нефтяной отрасли республики. Каждое его слово, жест были в центре внимания руководителей СССР – мировой державы. И убедить их было не так-то просто. Но Есенову это удалось. Вот так, вопреки всесильному Хрущеву, Шахмардан Есенов отстоял Полуостров сокровищ, наш Мангистау.

К слову, А. Косыгин не относился к числу тех начальников, которые любят, чтобы им заглядывали в рот и ловили каждое слово. В подтверждение – такой малоизвестный эпизод. Однажды Алексей Николаевич пригласил помощника Простякова к себе, чтобы посмотреть присланный от Байбакова (*председатель Госплана. – Прим. авт.*) проект плана на предстоящий год. За беседой начальник и помощник так увлеклись, что перешли на повышенные тона, доказывая свою правоту. И тут Простяков осекся и, подумав, «на кого я повышаю голос», отпрянул. Косыгин тонко уловил то, что произошло в душе молодого человека, и сказал:

– Ты – мой помощник! Спорь со мной, возражай, доказывай, если считаешь по-другому, а поддакивать мне не надо.

Известно, что в 1965 году в СССР началась экономическая реформа, которую называют косыгинской. Для премьера было важно

материально заинтересовать не только все предприятия, но и чтобы у каждого отдельного работника был стимул к высокопроизводительному труду. Вскоре народное хозяйство стало развиваться такими темпами, которые раньше и не снились. Но это к слову.

Придавая огромное значение освоению нефтегазовых месторождений на Мангыстау, Совет Министров Казахской ССР принял специальное постановление «Об усилении геологоразведочных работ на нефть и газ на полуострове Мангышлак и на территории юго-восточной части Прикаспийской впадины и о подготовке к эксплуатации нефтяных месторождений, выявленных в этих районах». Для промышленного освоения богатств Южного Мангыстау в январе 1964 г. было создано производственное объединение «Мангышлакнефть». На освоение нефтяной целины приехали тысячи квалифицированных рабочих и опытных инженерно-технических работников из Азербайджана, Татарии, Башкирии, Краснодарского и Ставропольского краев. Выросли поселки нефтяников Ералиево, Жетыбай, теперь всемирно известный город Новый Узень (Жанаозен). 10 июня 1965 года первый эшелон Мангыстауской нефти по железной дороге был отправлен на Гурьевский нефтеперерабатывающий завод. Тогда это был прорывной проект Казахстана. И во всем этом есть доля труда Ш. Есенова, в те годы работавшего министром геологии республики.

Родом он из Кызылординской области. Непростой сложилась его судьба. Он сполна испытал взлеты и падения в служебной карьере. С 1967 по 1974 годы руководил Академией наук Казахской ССР, воспитывал молодых геологов страны. Академик Ш.Е. Есенов удостоен звания лауреата Ленинской премии за открытие и промышленное освоение богатейших нефтеносных месторождений полуострова Мангышлак. В нефтяной столице республики его имя носит ныне Актауский университет.

Маленков

Пожалуй, одной из самых загадочных фигур высшего эшелона власти СССР был Георгий Максимилианович Маленков. И мало кто знает, что он почти десять лет плодотворно трудился директором Экибастузской ТЭЦ.

Родился в семье потомка выходцев из Македонии Максимилиана Маленкова и мещанки дочери кузнеца Анастасии Шемякиной. В 1919 закончил классическую гимназию и был призван в Красную Армию. После вступления в апреле 1920 года в РКП(б) служил политработником эскадрона, полка, бригады Восточного и Туркестанского фронтов. Должности в его в политической карьере менялись стремительно, как в калейдоскопе. С последнего курса электротехнического факультета высшего технического училища (ныне «Бауманка») по протекции своей жены Валерии Голубцовой – сотруднице ЦК РКП (б), он был принят на должность инструктора Оргбюро ЦК РКП (б). Это было весной 1920 года. Через семь лет, «обкатанного» в орготделе, толкового и расторопного большевика назначили уже техническим секретарем Политбюро ЦК. А это означало, что в возрасте 26 лет Маленков максимально приблизился к «олимпу» и предстал перед вождем всех народов, генсеком Сталиным, готовым исполнителем его любых указаний.

Организационное бюро было мозговым центром ЦК. Сюда со всего Союза стекалась и была сосредоточена вся информация о руководящем кадровом составе партии большевиков, начиная от секретарей первичных парторганизаций до руководителей Центрального Комитета. Учет и контроль, подбор и расстановка кадров были организованы на высочайшем уровне. Личные дела действующих и двух-трех резервистов партийной номенклатуры всегда были под рукой Маленкова. У него была возможность в считанные часы получить полную информацию о любом члене многотысячной правящей партии.

Кроме этого, сотрудники бюро не только организовывали и проводили мероприятия, но и готовили доклады и выступления секретарям ЦК, вели протоколы, составляли проекты постанов-

лений всех пленумов, конференций, съездов партии и заседаний Политбюро. И в этой кропотливой партийной службе, Маленков был незаменим. Его дотошность и скрупулезность в подготовке и оформлении важнейших государственных документов, нравились руководству.

Случай с Засядько

Почти анекдотичен случай с подбором кандидата на пост министра угольной промышленности страны. Рассказывают, что список из пяти резервистов Сталину представил Маленков. Он знал всю подноготную каждого. Все кандидаты были вызваны в Кремль, и в соседнем с приемной вождя кабинете, ждали своей участи. Stalin не стал даже читать представления. Только спросил:

- Кто, Георгий, из них самый толковый?
- Засядько, товарищ Stalin. Из шахтеров. Работал директором шахты на Донбассе. Сейчас замнаркома строительства. Толковый организатор и дело знает. Но...
- Договоривай, Георгий.
- Он любит выпить, товарищ Stalin...
- Позови его. Пусть зайдет. А ты принеси сюда две бутылки водки.

Через несколько минут заходит Засядько. Stalin после приветствия, приглашает его за стол и наливает себе бокал грузинского вина, а в 200-граммовый граненый стакан наливает водки и предлагаєт:

- Давай выпьем, товарищ Засядько.

Засядько не растерялся:

- За Вас, Иосиф Виссарионович!

И одним махом опустошил содержимое стакана.

Посидели, поговорили. Stalin вновь наполнил стакан. Засядько не отказался:

- За Вас, Иосиф Виссарионович!

Снова посидели, поговорили. Хмель Засядьку не брал. Отвечал четко, предлагал интересные проекты, говорил о проблемах отрасли. И когда Stalin третий раз наполнил ему стакан водки, Засядько решительно отодвинул от себя горькую и твердо заявил:

- Товарищ Stalin, Засядько меру знает!

Политбюро ЦК утвердило Засядько министром угольной промышленности СССР. На этом заседании генсек, поздравляя его с назначением, многозначительно произнес:

- Засядько меру знает!..

Кстати, А.Ф. Засядько с 1948 по 1955 годы плодотворно работал на этом ответственном посту. Стал Героем Социалистического Труда. Он много сделал для шахтеров, для улучшения качества их жизни. От повышения зарплаты, снабжения горняцких районов, ряда льгот до введения особых мундиров, Дня шахтера, специальных отличий. Передают такой его разговор со Сталиным: «А зачем им мундиды?» – спросил вождь неугомонного министра. – «Они, товарищ Сталин, люди солдатского склада. Форма подчеркнет их содержание». Stalin согласился: он любил, когда министры философски осмысливали обычные житейские дела.

Вот другой пример ответственного похода к порученному делу. Прекрасно зная дотошность Сталина, Маленков, перед назначением его министром промышленности Союза ССР, тщательно готовился. 18 дней изучал он все сводки и справочную литературу, отчеты и законодательные акты этой отрасли. Назубок знал, сколько пудов стали или чугуна выплавляла любая домна Украины, Урала или Казахстана, как и знал, сколько членов КПСС состоят на учете в районной или областной парторганизации Узбекистана или Киргизии. Помнил поименно секретарей райкомов и обкомов всех союзных республик. Память у Маленкова была феноменальной.

Карьерный рост Маленкова впечатляет. Путь к вершине власти был тернист. Как опытный аппаратчик, он был предельно осмотрителен и умел прекрасно балансировать. Спустя годы он стал вторым лицом в государстве.

Двоевластие

Смертельная болезнь Сталина заставила его ближайших соратников срочно принимать меры для сохранения и укрепления своих позиций. За 40 минут – с 20 часов до 20 часов 40 минут 5 марта 1953 г. на совещании, которое назвало себя “Совместным заседанием пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР” состоялся передел власти. На этом совещании по предложению Берии Маленков был назначен Председателем Совмина Союза. Его первыми заместителями стали Берия, Молотов, Булганин, Караганович.

Союзник Маленкова в последние годы Л.П. Берия получил пост первого заместителя председателя Совмина и министра нового министерства под старым названием – Министерство внутренних дел, куда было включено и Министерство государственной безопасности. Таким образом, ликвидировалось соперничество прежнего МВД и МГБ, Берия становился во главе огромного ведомства,

с непосредственными возможностями вмешательства практически в любой вопрос внутренней и, через органы разведки – внешней политики страны.

По воспоминаниям современников, «Маленков как председательствующий на Президиуме ЦК и в Совете Министров старался вести дело вполне демократично. С большим тактом и деликатностью он пытался объединить вокруг стоящих задач усилия разных людей, всего руководящего ядра. Причем, в его поведении не было и тени претенциозности. Он старался ничем не выделять себя по сравнению с другими членами Президиума.»

После реформ Маленкова начался быстрый рост продукции сельского хозяйства. Это был невиданный в истории России скачок сельскохозяйственного производства. Впервые с начала XIX века, люди на селе стали питаться нормально. Если годовой денежный доход семьи, полученный из колхозной кассы в 1946 году составлял 105 рублей, то в 1953 – 845,2 рублей, в 1960 – 3763 рубля. 14 июля 1956 года было принято решение выплачивать колхозникам пенсии. Такого рода резкого подъёма жизненного уровня людей советская деревня не знала со времён НЭПа. Приостановилось бегство из деревни, а вместе с тем закономерный процесс урбанизации постепенно входил в нормальное русло. Имя Маленкова приобрело широкую популярность, особенно среди крестьян.

Ранее своеобразными налогами были «обязаловки»: каждый крестьянский двор должен был продавать государству по гос. цене: 9 % молока, 16 % шерсти, 38 % овчин и козлин, 18 % куриных яиц и т.д. Был и денежный налог – 374 рубля с хозяйства в год. Плюсуйте сюда и обязательные займы, которые беспощадно «драли» с крестьян при Сталине. Выпускались военные займы. На двор приходилось 1400 рублей за 4 года войны. Платить могли не все. Их судили. Вот такая была ужасная сталинская эксплуатация! И все эти поборы одним росчерком пера отменил Предсовмина Маленков. И как после этого колхозникам не любить его?! Народ отреагировал подобающее: «Пришел Маленков – поели блинков».

Другой популярной стала реформа рабочего времени, объявленная Маленковым 25 августа 1953 г. Было решено нормализовать рабочий день во всех учреждениях, особенно правительственный. Stalin работал ночами, и поэтому гос- и партчиновники вынуждены были оставаться на своих местах допоздна. Они редко видели свои семьи. Но эта реформа не смогла скрасить недовольство номенклатуры отменой Маленковым регулярных денежных конвертов.

Первый, а по сути второй

Хотел этого Маленков, или не хотел, но Казахстану он помог. Продолжение реализации программы освоения целины – еще одна его заслуга. И рассчитана она была на энтузиазм молодежи. В 1954-55 годах в Казахстане было поднято 18 миллионов гектар земель. В 1954-1956 году пахотный клин был увеличен на 35,9 млн га, что соответствовало пахотной земле всей Канады. Улучшалась коммуникационная сеть, быстрыми темпами шло домостроение, появлялись почти в голой степи целые города. Земледелие в 1953 – 1958 годах росло в Казахстане с гигантской скоростью: посевные площади расширились с 9,7 до 28,7 миллионов гектар, валовой сбор зерна с 332 миллионов до 1343 миллионов пудов. Народное хозяйство было не готово к таким масштабным изменениям. Были сбои, которые усилили дезорганизацию хозяйства, вызванную началом реформ в 1953 году. Поскольку руководил правительством Маленков, то все неудачи по нехватке горючего, доставке техники на целину (а технику часто сваливали прямо в поле) были списаны на Маленкова.

В 1955 году была засуха, но уже в 1956 году целина дала отличный урожай. Но уже без Маленкова. 9 февраля 1955 года сессия Верховного Совета СССР освободила его от должности Председателя Совета Министров СССР – ключевой в тогдашней политической системе. И надо признать, он особо и не сопротивлялся. Как убеждают факты, у Маленкова не было желания оставаться лидером страны. Наверняка, у него для этого были веские основания. Тайн власти немало. Ведь пока никто не может достоверно сказать, что же действительно произошло 1 марта 1953 года и 26 июня 1953 года? Почему Сталин оказался без медицинской помощи в течение 30 часов? Кто дал санкцию на это? Почему 5 марта вдруг Хрущев был назначен 5-м секретарем ЦК и стал координатором среди секретарей ЦК? Кто разрешил ввести танки в Москву 26 июня 1953 года? Вопросы, вопросы... Подробно эти вопросы разбираются в книге Мухина “Убийство Сталина и Берия”, где убедительно доказано, что Сталин был убит путем неоказания медицинской помощи.

Маленкова вообще вряд ли можно было рассматривать как самодостаточного лидера. По складу характера он таковым не был и, по-видимому, понимал это сам, охотно делясь властью с другими. Он мог играть роль первого, оставаясь, по сути, вторым – как это было в его отношениях с Берией и как это могло сложиться и в его

отношениях с Хрущевым. Несмотря на то, что он наследовал пост Сталина, никогда не был, подобно своему предшественнику, единоличным лидером. Он делил власть сначала с Берия, Хрущевым и отчасти Булганиным, затем только с Хрущевым. Маленков командовал Советом министров, а Хрущев – партией. И если Маленкова это двоевластие вполне устраивало, то Хрущева его двойственное положение явно тяготило.

Однако Хрущеву удалось перехватить инициативу, присвоив себе «крестьянские» лозунги Маленкова. Соперничество шло не между программами, а между двумя руководителями, из которых один опирался на партийные органы, другой – на хозяйствственные. И исход этого соперничества зависел от двух вещей. Во-первых, от того, какая бюрократия (партийная или правительства) окажется сильнее. Во-вторых, от того, кто из конкурентов сможет получить более горячую поддержку своей бюрократии. Власть над аппаратом ведет к концентрации власти в руках того, кто за аппарат отвечает. Скорее всего, именно Хрущев был главным инициатором отставки Маленкова.

Маленков в тот период был чем-то подавлен и чего-то боялся. Эта гипотеза, хотя и очень спекулятивная, во многом проливает свет на несколько странное поведение лидеров в январе 1955 года. Почему Хрущев заменил Маленкова Булганиным, который тоже имел свои амбиции, а сам отказался стать премьером? Ведь Маленков не мешал Хрущеву и даже помогал ему в его аппаратном росте. Ведь и Сталин, обладая большей властью, в 1924 году шесть лет терпел Рыкова на посту Председателя СНК.

Согласимся с Мухиным и предположим, что Сталин был убит путем неоказания медицинской помощи, а 26 июня 1953 года Берия был убит у себя на квартире в момент ареста. Как в этом случае будет выглядеть поведение Маленкова?

Скорее всего, 1 марта 1953 года Хрущев и Игнатьев уговорили Маленкова не беспокоить Сталина и не принимать меры к его лечению. Даже, если инсульт Сталина был вызван естественными причинами, то для того, чтобы добиться его смерти, было достаточно не оказывать ему долго медицинскую помощь. Он был убежден Хрущевым согласиться на неоказание медпомощи Сталину. Затем согласился скрыть убийство Берия. После убийства Берии Хрущев стал нужен Маленкову, который это прекрасно понимал. В январе 1955 года Маленков, видимо, заявил о том, что он придаст гласности убийство Берии. И был снят с должности. Таким образом, создается впечатление, что Маленков дважды уступил Хрущеву и

скрыл беззаконие, а затем оказался заложником своей уступчивости и моральных компромиссов.

Маленков после снятия с должности Председателя Совета Министров был назначен заместителем предсовмина и одновременно министром электростанций СССР. Оставили его и в составе презиума ЦК.

В июне 1957 года Маленков, Молотов, Каганович на заседании презиума ЦК предложили снять Хрущева с должности первого секретаря ЦК и назначить министром сельского хозяйства. Их поддержали многие старые большевики. Но с помощью министра обороны Г. Жукова и председателя КГБ И. Серова Хрущев сумел оперативно собрать пленум ЦК и его противники были объявлены антипартийной группой и потерпели поражение. 29 июня 1957 года Маленков был снят со всех должностей, выселен из квартиры, из дачи и удален из Москвы «за принадлежность к антипартийной группе».

В ссылке

В августе 1957 году Маленков был направлен директором Усть-Каменогорской ТЭЦ под неусыпный контроль местного комитета госбезопасности. Вот как вспоминает о приезде в Усть-Каменогорск дочь Г. М. Маленкова – Воля (Валентина): «Встречать отца поднялся весь город на демонстрацию – с флагами, с его портретами. И чтобы не произошло встречи с этой демонстрацией, нас остановили в степи, посадили в автомобиль и по бездорожью тайком привезли...»

Надо полагать, эта информация была немедленно сообщена в Москву. Возможно, по указанию Центра, популярного и опального Маленкова из областного центра было решено спрятать еще подальше. Ровно через год, по неизвестным причинам, его назначают директором Экибастузской ТЭЦ. Есть сведения, что Маленкова из Усть-Каменогорска на катере доставили в Ермак (теперь Аксу). А оттуда ночью на автомобиле привезли в Экибастуз. Даже новый дом, где поселили Маленкова, стали заселять только после него. И эта воля Кремля оказалась благоприятной для экибастузцев. И вот почему.

Несгибаемый Маленков не впал в унынье, а присуще ему ответственностью и основательностью, впрягся в работу. За короткий срок изучил состояние дел, познакомился с личными делами и на рабочих местах встретился со всеми руководителями и специалистами производственных подразделений предприятия, побывал

на стройплощадках, цехах и участках. Территория была захламлена: через горы металлома, строительного мусора не то что проехать, но и пройти было трудно. А состояние самой станции было удручающим. От него ждали разноса. Но профессиональный инженер-электрик Маленков на первой производственной планерке заговорил о перспективах теплоэлектроцентрали и обозначил конкретные задачи: во-первых, всем учиться без отрыва от производства, во-вторых, в ближайшее время для удешевления энергии и тепла перейти на стопроцентное использование местного угля. Остальные проблемы будем решать по ходу работы. Первая задача была понятна: профессионалов были единицы, в основном трудились самоучки. А вторая установка для инженерно-технического персонала была шокирующей. Специалисты знали, что все ТЭЦ Союза работали на дизельном топливе или мазуте. ...

В те годы страна нуждалась в дешевом топливе. Немало заводов и предприятий Урала были рассчитаны и до сих пор продолжают работать на экибастузском угле. Поэтому, по большому счету, строительство ТЭЦ в Экибастузе предназначалось не только для тепла молодому городу, а в основном, для подачи электроэнергии технике и механизмам, участвующим в строительстве угольных разрезов, в том числе и знаменитого разреза «Богатырь». До ТЭЦ с 1949 года эти функции выполняли передвижные дизельные электростанции на колесах и электропоезда. Действовали они по принципу: сегодня – здесь, завтра – там. Но они едва покрывали бытовые нужды строителей. В Москве было принято решение строить ТЭЦ. Всю техническую документацию разработал Киевский НИИ «Укргипрошахт».

Стройка началась в мае 1952 года и была объявлена всесоюзной. А строили её заключенные из местных лагерей СтепЛАГа и бригады из строй управления треста «Иртышуглестрой». Сроки сдачи были жесткие. Поэтому строительство велось круглосуточно: днем – зеки, ночью – вольнонаемные. Об этом хорошо рассказал в своей повести «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицын, который, будучи зеком, принимал участие в строительстве ТЭЦ.

4 декабря 1956 года Экибастузская ТЭЦ дала первый промышленный ток. По своей мощности один турбогенератор заменил все передвижные дизельные электростанции и энергопоезда, находящиеся в Экибастузе. Поэтапно вводились и другие турбогенераторы. С монтажом и пуском котлов вскоре город получил и тепло.

Теплоэлектроцентраль набирала обороты. Но на проектную мощность она вышла с приходом Маленкова. Воистину, гени-

альный сталинский девиз «Кадры решают всё» был еще раз подтвержден Григорием Максимилиановичем в Экибастузе. Ему в ту пору было 57. За плечами громадный опыт организатора, государственного и партийного деятеля, дружеские связи не только в Москве, но во всех союзных республиках, чисто человеческие и профессиональные качества, непростая жизненная школа – всё это он сполна использовал в руководстве теперь уже не СССР, а маленьким государством – Экибастузской ТЭЦ, площадью в несколько сотен гектар. Мыслил Маленков масштабно и к делу относился по-хозяйски.

– С первых дней его пребывания в директорском кресле, – рассказывал бывший главный инженер Н.М. Веселов, – стало ясно, что за руль управления берется человек государственный. После первого знакомства со станцией он мне сразу заявил: «Примитивом заниматься не будем, а пойдем в фарватере технического прогресса. И негоже нам выдавать дорогую продукцию. Помните пословицу: «За морем телушка – полушка, да рубль перевоз»? Вот и у нас так получается: на дизельном топливе энергию вырабатываем, а завозим за тысячи километров. Накладно? Безусловно! А сами сидим на топливе. Вот на него и будем ориентироваться».

По личному приглашению Маленкова в Экибастуз приехали ученые, видные специалисты и эксперты ведущих всесоюзных научно-исследовательских институтов, министерств и ведомств. Задача перед светилами науки была поставлена конкретная: возможно ли использовать только экибастузский уголь для топки вместо дизтоплива. Если возможно, то как?

Аналогов этому тогда не было в мире. По сути, это был инновационный проект. Надо было сделать экономические расчеты, найти и научно обосновать технологию дробления угля до пылевобразного состояния, изготовить для этого механизмы и оборудование, обучить кадры и т.д. и т.п. Маленкова отговаривали от этой затеи. Были и серьезные противники идеи. Директор был упрям. И своего он добился. Вскоре на ТЭЦ был полностью осуществлен перевод топок вместо дизтоплива на местный уголь. Это была победа. За опытом в Экибастуз потянулись посланцы многих ТЭЦ не только СССР, но и зарубежные специалисты. Сегодня по-маленковской методе на экибастузском угле работает около шестидесяти электростанций Казахстана, ближнего и дальнего зарубежья. Благодаря таланту Маленкова были сэкономлены миллиарды государственных рублей. Кажется, таким образом он «отблагодарил» власть за ссылку в Казахстан.

Но, как говорится, «факты – священны, комментарии – свободны». Если следовать этой журналистской этике, то могу предположить, что Г.М. Маленков из Усть-Каменогорска в Экибастуз напросился сам. И вот почему. Работая министром электростанций СССР, Маленков владел полной информацией об Экибастузской ТЭЦ, о громадных запасах угля, о перспективах молодого предприятия и т.д. Кроме этого, его гражданская жена Валерия Алексеевна Голубцова, доктор технических наук, была директором Московского электротехнического института. Могли два профессиональных энергетика дома, за чашкой чая, поговорить о своей дальнейшей судьбе, о будущем троих детей и внуках после хрущевских гонений? Могли. Маленков, как опытный аппаратчик, всегда держал нос по ветру. Он один из немногих, выживших в мовоах сталинских репрессий. И самое главное – он был носителем информации о действиях Хрущева в период смерти Сталина. А в руках непредсказуемого Никиты тогда уже была сила. Тихо убрать Маленкова он мог в любое время. Маленков понял, что ему крайне важно напомнить о себе и только делом. Ему нужна была реабилитация в глазах народа и власти. Экибастуз был его козырным тузом. Идею перевода ТЭЦ на уголь, наверняка, они обдумали с женой еще в Москве. Может быть, и поэтому он напросился в Экибастуз и так настойчиво решал этот вопрос. Это ему удалось. Какой-то подстраховки он все же этим добился, несмотря на все чинимые ему козни со стороны партийных органов и местного КГБ. И вполне возможно, что ссылка стала благоприятным стечением обстоятельств. Он остался жив сам и сохранил семью.

Добрый след

Так это или иначе, но след в Экибастузе он оставил добрый. Мне понравился город. Скромная современная архитектура, продуманная планировка широких улиц, много насаждений.

По утверждениям директора Экибастузской ТЭЦ АО «Павлодарэнерго» Виктора Карловича Вебера, озеленение города пошло от Маленкова. В первый год своего пребывания на посту директора, он плотно занялся благоустройством территории ТЭЦ. На еженедельных субботниках, после очистки её от металлолома, мусора и грязи, высаживались деревья, прокладывались аллеи и разбивались клумбы. Специальные бригады на грузовиках привозили саженцы сосен и елей, берез и плодово-ягодных кустарников с Баян-Аула, Алтая, Тюмени. Была установлена персональная ответственность руководителей подразделений станции за прижива-

емость каждого дерева или кустарника. Маленков за этим следил и спрашивал строго. Утверждение, что на сухой земле деревья не растут, Маленков опроверг практикой и убедительно доказал обратное. Более тысяч деревьев разных пород прижилось здесь на прежде выжженной солнцем земле.

Так общими усилиями зашумел рукотворный лес. По примеру энергетиков, начал озеленяться и город.

— Он был доступен и прост в общении,— рассказывает бывший дежурный станции при Маленкове Виктор Васильевич Семенов.— У меня была одна проблема: никак не мог помирить начальника смены и машиниста котла. Их ежедневные стычки, вносили нервозность в работу коллектива. Прихожу к Григорию Максимилиановичу мол, так и так, помогите помирить. Он выслушал и говорит, завтра воскресенье, вот вы, втроем, и приходите ко мне домой. Я знал, что его простая трехкомнатная благоустроенная квартира в 65 квадратных метров находилась на втором этаже дома по улице Строительная, 89. Во дворе дома Георгий Максимилианович под деревьями смастерил небольшую беседку, где летом они пили чай. В назначенное время мы подошли к дому Маленкова. Оставив своих спутников у беседки, я поднялся в квартиру директора. Он пригласил меня в квартиру, предложил сыграть партию в шахматы, а товарищи, мол, пусть посидят, подумают. Я согласился. В шахматы он играл хорошо. Этой игрой я увлекался со школьной скамьи. Играли где-то под первый разряд. Но все три, сыгранные партии, проиграл. Запомнился в тот день еще и мандариновый мармелад, приготовленный немкой — домработницей Маленковых, поданный к чаю. Такой вкуснятины больше никогда не пробовал. Сделан он был из кожуры редких в те годы обыкновенных мандаринов по особому рецепту. Маленков был в хорошем расположении духа, шутил. Заметил, в доме было много книг. Это я уже потом узнал, что половину ежемесячной зарплаты Георгий Максимилианович попросил бухгалтерию перечислять в книжный магазин. Все литературные новинки в городе он читал первым. А что касается, поссорившихся, то Георгий Максимилианович сказал, передай им, что Маленков их помирил. И чтобы больше не ссорились. Потом они и в самом деле подружились.

На работу Маленков ходил постоянно в кителе и фуражке сталинского покроя. Ежедневно вначале восьмого он обходил цеха и участки, встречался с дежурными смены. Летом по биркам с фамилиями ответственных лиц, осматривал чьи саженцы прижились, а чьи требуют замены или обильного полива. Поэтому-то теперь

летом за деревьями зданий производственных не увидишь.

— Все мы слышали,— это уже вспоминает бывший первый директор горно-строительного техникума А.И. Ковтун,— что директором ТЭЦ стал Маленков. А вот увидеть его никак не удавалось. На пленумы и активы он не приглашался, а ехать специально из любопытства было нетактично. Вот однажды, уже было поздно, заходит ко мне Георгий Максимилианович. Так и познакомились. Он подробно расспросил меня о техникуме, его нуждах и проблемах. Я, конечно, поплакался немножко: того нет, этого нет, пособия нужны и т.д. Он, правда, ничего не обещал. Но потом, всё что просил, для техникума, привезли. Ремонтом здания помог. Других руководителей веревкой не затащишь, а этот сам приходил не раз. Многие рабочие ТЭЦ учились у нас. Он даже отметками интересовался.

Маленкова уважали не только в министерстве электростанций, но и на родственных заводах и станциях Союза. Об этом рассказывали снабженцы и гонцы завода. В большинстве случаев срабатывала не личность командированного, не пробивные способности, а имя директора.

Веселов вспоминает такой случай. «Бывало, вижу, что на месте ответственный товарищ крутит мои документы на выписку и отправку заказов. Чувствую, может отказать. Тогда говорю вслух:

— Огорчится Маленков, если пустой приеду..

— Какой еще Маленков,— с удивленным лицом вопрошают ответственное лицо.

— Как какой,— говорю,— Георгий Максимилианович, тот самый, что...

— Да ну, он у вас директором? И давно? Ну, как он там? Расскажи хоть немного, а то ведь ничего не знаем, в газетах не пишут.

Контакт установлен. Командировочные отмечены, документы оформлены, наши грузы подаются в вагоны. Значит, уважаемым человеком был Маленков.»

Помнят экибастузцы, как он организовал грязелечебницу при ТЭЦ. Грязь завозили с санатория Мойылды. Лечились не только рабочие станции, но и горожане. А в баню Маленков ходил только в тэцовскую.

Это при нем была организована и считалась лучшей в городе художественная самодеятельность. Развивался спорт. А какой был единственный в городе духовой оркестр! Ни один праздник не обходился без музыкантов энергетиков. Самодеятельные артисты обменивались концертами с соседними городами. Семейно и коллективно выезжали энергетики отдыхать на природу, на Иртыш.

Сколько было впечатлений! Директор с женой был с ними. После московских подковерных войн и интриг, казалось, здесь, в казахской степи, он отдыхал душой и телом.

Рядом со станцией по ходатайству Маленкова местные власти выделили земельный участок под жилой поселок, в основном для работников аварийных бригад ТЭЦ. Десятки семей справили новоселье в маленковских домах. Теперь он так и называется: аварийный поселок.

Открытие технического института состоялось не без его участия. Практически основной профессорско-преподавательский состав вуза помог скомплектовать Маленков. Приглашали из Павлодара, Акмолинска, Омска. Здесь готовились кадры и для станции.

Люди умеют ценить добро. Поэтому и трудились с полной отдачей, дорожили рабочим местом. При Маленкове ТЭЦ всегда была на лучшем счету среди предприятий и организаций Экибастузы и получила постоянную «прописку» на городской Доске Почета. Правда, фамилию директора никогда не называли. За десять лет его даже ни разу не поощрили. Ни в городе, ни в области. И что интересно, он никогда и никому не высказывал обиды на этот счет. Как и не упоминал поименно ни об одном руководителе государства. Как будто их и не было на этом свете. Жизнь научила его многому.

На ноябрьской демонстрации 1958 года случилось непредвиденное. Несколько горожан, стоящих у трибун, узнав в головной части колонны энергетиков Маленкова, бросилась к нему пожать ему руку, поговорить, поблагодарить за реформы. Движение колонны приостановилось. Такое же было и во время первомайской демонстрации 1959 года. Ликовали все, кроме блестителей порядка и тех, кто стоял на высокой трибуне. Они были в шоке. Горком запретил директору Экибастузской ТЭЦ выходить на демонстрацию, чтобы не было нарушений движения колонн. Своеобразное выражение благодарности бывшему председателю Совета Министров СССР было маленькой толикой переполненных чувствами миллионов сельчан Союза, уставших от поборов советской власти.

Вспоминают ветераны и забавный случай с фотографией. Фотограф-любитель из тэцевских на территории станции встретил Маленкова и осмелился попросить его попозировать для истории. Маленков не отказал. Фотограф отпечатал снимки и раздал друзьям. И эта любительская фотография стала причиной разборок в КГБ. Размноженные снимки Маленкова, были в спешном порядке конфискованы чекистами. «За попытку завоевать дешевый авто-

ритет у рабочих» Маленкову по партийной линии объявили выговор. Таких, надуманных выговоров, за период директорстваования у него было несколько. За десять лет он никуда не выезжал. Не разрешали. «Стучали» на него и завербованные спецслужбами соседи, и сослуживцы. Каждый чих Маленкова был известен. Он терпел.

Знаменитый XXII съезд КПСС наряду с новыми разоблачениями культа личности Сталина, вспомнил и антипартийную группу Молотова, Кагановича и Маленкова. И признал «невозможность их пребывание в партии». 17 ноября 1961 года коммунисты ТЭЦ (секретарь Чусовитин К.) на партийном собрании единогласно проголосовали за исключение Маленкова из рядов КПСС. 18 ноября бюро Экибастузского ГК КП Казахстана постановило: «За грубое нарушение Устава КПСС, революционной законности, антипартийную фракционную деятельность Маленкова Г.М. исключить из рядов КПСС». Таким образом, инакомыслящий Маленков, основательно дискредитированный партией, стал рядовым гражданином. Что и требовалось. Но жизнь продолжалась. В должности директора ТЭЦ его оставили.

Летом 1968 года Маленков тайно уезжает в командировку в Москву. Власти узнали об этом с опозданием. Стали искать: кто виноват и кто разрешил. Через несколько недель Маленков приезжает уже с приказом министра об его увольнении с должности директора, в связи с выходом на пенсию. Маленкову было тогда 67. Передача ТЭЦ и прощание было в узком кругу и чисто мужское, деловое. Не было торжеств и длинных речей. На поезде «Павлодар-Москва» Георгий Максимилианович Маленков после десяти лет плодотворной работы директором ТЭЦ, навсегда покинул Экибастуз. В Москве он добился, чтобы ему вернули квартиру, дачу. Дети его нашли свое место в жизни. Два сына – известные в стране учёные, врачи наук. Не почувствовал он тепло «хрущевской оттепели». Брежневский застой, он пережил спокойно. Но, как вспоминает сын Андрей, в начале горбачевской перестройки отец сказал только: «Давно это надо было начинать». Ведь Маленков первым выдвинул тезис на демократизацию общества и мирного сосуществования двух систем, за борьбу с привилегиями и бюрократизмом партийного и госаппарата, отмечая «полное пренебрежение нуждами народа», «взяточничество и разложение морального облика коммуниста». Разве это сегодня не актуально? Он на два года пережил свою жену, верную соратницу Валерию Голубцову. Они так и не расписались, и 66 лет прожили в гражданском

браче. На это, видимо, были свои причины. До конца своих дней Георгий Максимилианович поддерживал связь с экибастузцами, с кем семейно хлебосольно общался: Веселовыми, Колесниковыми, Анцовыми. Они бывали в гостях у Маленкова в Москве, будучи в командировке подолгу жили на его подмосковной даче.

Умер Маленков в январе 1988 года в возрасте 86 лет. Отставного премьера похоронили узким семейным кругом на Кунцевском кладбище рядом с супругой. Вот так закончился жизненный путь третьего вождя страны Советов после Ленина и Сталина, Героя Социалистического Труда, кавалера трех орденов Ленина, генерал-лейтенанта. Партийный билет у него был под номером 3. Это был единственный человек в окружении Сталина с высшим образованием. С ним ушла и целая эпоха, откуда все мы родом. И как пишет павлодарский краевед А. Захаренко: «в конечном итоге незаурядный человек канул в Лету. И смерть его прошла незамеченной, и жизнь до сих пор остается неизвестной широкой общественности. Маленкова не стерли в «лагерную пыль» во времена Берии, а из общественного бытия вычеркнули».

Но это не относится к экибастузцам. Ибо я убедился, что с памятью у них в порядке. Они не забыли о неистовом трудоголике Маленкове. Он станцию сделал образцовой в Союзе. Сюда приезжали за опытом. В.К. Вебер любезно показал мне открытый недавно музей станции. И основная часть её экспозиций посвящена Г.М. Маленкову. Разыскали где-то даже его рабочий стол и многофункциональный телефон. Сохранившиеся документы, записки и фотографии, бережно размещены на специальных стендах. На стене из красного кирпича главного корпуса тех лет, установлена мемориальная доска. Скажу честно, порадовался за энергетиков. Конечно, музей ещё пополнится, работа только началась.

Последний Император

Воистину талантливый человек, талантлив во всем. Даже не знаю с чего начать: с таинственного города Семипалатинск-21, которого не было на карте, но он был там мэром или с экзотических африканских страусов, которых близ Алматы он сегодня разводит?

Не раз в истории Рима были трагические моменты. Однажды империя была на грани краха. Для спасения государства нужен был мудрый и сильный император. И в провинции Паннония, что простиралась до территории современной Венгрии, такой человек был найден. Новый Цезарь заявил, что править государством будет триумвират и через двадцать лет, когда страна восстановит былое могущество, он уйдет на покой. Свое слово он сдержал. Бывший император уединился в своей Паннонии и занялся любимым делом – выращиванием овощей. Долго ли, мало ли занимался странным для окружающих увлечением, но через несколько лет к нему явились сенаторы Рима с предложением вернуться на трон. В ответ на настоятельную просьбу уважаемых римлян, бывший Цезарь повел гостей в огород и, показывая восхитительные плоды своего труда, грустно произнес:

– Если бы вы раньше видели мою капусту, то вы бы никогда не предложили то, что сейчас предлагаете...

Вспомнилась эта легенда при встрече с бывшим мэром города Курчатов – засекреченной столицы Семипалатинского ядерного полигона Евгением Владимировичем Чайковским.

Из предварительного разговора по телефону было понятно, что свидеться с нами у него особого желания не было. Он, явно, что-то не договаривал. Наша настойчивость или его врожденная интеллигентность все-таки не позволила ему отказать столичным журналистам.

Сухопарый, семидесятилетний Чайковский с аристократической внешностью и манерами, в простой крестьянской одежде, действительно напомнил мне чем-то того последнего императора из легенды. Настороженно-изучающий взгляд его явно уставших глаз. Прекрасная память, при грамотной и сдержанной речи. Было

заметно, что как вести себя с незнакомыми людьми для человека, долгое время работавшего на режимном объекте, давно уже вошло в привычку. Вид болезненный. И он это не скрывал:

— Извините меня за непротокольный вид. Недавно я перенес сложнейшую шестичасовую операцию, трое суток в реанимации. Поэтому без белой рубашки и без галстука...

Как это было

...В семидесятом году из института атомной энергии им. Курчатова в Москве группу специалистов из 12 человек привезли на Семипалатинский испытательный ядерный полигон, сокращенно СИЯП. Среди них был и Евгений Чайковский. Молодым и амбициозным инженерам было поручено испытание советских ядерных реактивных двигателей для ракет. В то время это была приоритетная государственная задача. Испытанием же ядерного оружия занимались военные из Минобороны. Разместили молодых атомщиков, как и военных, в секретном городе Курчатове с адресом – Москва 400, Берег, Семипалатинск-21, станция Конечная. На географических картах это место, как правило, показывалось как «Конечная» (по наименованию станции) или «Молдары» – село вошедшее в состав Курчатова. Полигон занимал 18500 кв. км. Официальное название: второй государственный центральный испытательный полигон (2 ГИП). Начальником его был генерал-лейтенант А. Ильенко.

На территории полигона находился объект, где раньше хранилось самое современное ядерное оружие. Таких объектов в мире всего четыре.

Курчатов был закрытым, но комфортным, спальный город на берегу Иртыша. Московского подчинения и снабжения. Несмотря на свою компактность, здесь было четыре школы, по 800 учащихся в каждой, музыкальное училище, стадион, библиотеки, кинотеатр, Дом быта, различные магазины.

Все работы проводились на специальных пяти площадках. Военные и гражданские ядерщики с понедельника на неделю уезжали на работу. В пятницу возвращались. Жили они там в гостиницах. Им были созданы все условия для плодотворной работы. Так продолжалось до начала восьмидесятых. С перестройкой пришло и понимание, что нет смысла в дальнейших испытаниях. Всё, что можно было выдавать из атомного и водородного оружия, было выдано. Гонка с американцами у кого больше боеголовок становилась бессмысленной тратой громадных средств. И СССР объявил мораторий на испытания и атомного оружия, и ядерных дви-

гателей. Не было средств. Первый и последний Президент СССР М. Горбачев прекрасно понимал, что нет смысла продолжать испытания. Прекратилось финансирование и снабжение города. Министерства обороны часть своих специалистов переселило в Приозерск, что под Ленинградом на ядерный полигон на Новой Земле. Многих уволили, уезжали и гражданские служащие. Немалое городское население было в неведении: что делать и куда идти.

Мэр Курчатова

В 1989 году впервые были проведены наиболее демократичные в РК выборы в местные советы. Чайковскому предложили баллотироваться в депутаты горсовета. Посоветовался с друзьями. Комуто надо было защищать гражданскую часть города – свой человек в горсовете нужен. Выборы он выиграл. Более 40 тысяч избирателей проголосовали за него. Через несколько дней его приглашает первый секретарь Семипалатинского обкома партии К. Бозтаев:

– Есть мнение, Евгений Владимирович, рекомендовать Вас председателем горисполкома.

Чайковский возразил:

– Я же даже не член партии. Как можно рекомендовать меня беспартийного председателем горисполкома закрытого города?

Ответ был однозначным:

– Эту проблему мы решим.

Вот так Чайковский, не ведавший ранее значения слова «бюджет», стал мэром Курчатова.

На одной из сессий Верховного совета республики Кешрим Бозтаев познакомил его с Олжасом Сuleйменовым – лидером движения «Невада – Семипалатинск». После продолжительной беседы с ним, Чайковский, убедившись в верности националистической направленности этого движения, заручился поддержкой и согласился с Олжасом на тесное сотрудничество.

«За последствия я не ручаюсь...»

До мельчайших подробностей помнит Е. Чайковский своё памятное первое и последнее выступление на известном съезде Верховного Совета СССР. По списку выступающих он был четвёртым. Зал уже практически никого не слушал. Но, когда мэр Курчатова в конце своего выступления твердо заявил:

– Уважаемые депутаты! Если вы примете решение за продолжение испытаний на Семипалатинском полигоне, то я, как мэр Курчатова, буду вынужден призвать гражданскую часть населения полигона к профессиональному неповиновению. Знаю, что закон этого не запрещает. И не исключено, что на колючей проволоке по

периметру полигона повиснет полреспублики. Где гарантия, что у некоторых из них за пазухой не будет обрезов? И не дай Бог, если кто-то выстрелит! За последствия я не ручаюсь...

Тишина в зале установилась жуткая. Никто и никогда в этом громадном зале таких слов не говорил. Где это видано, чтобы русский публично и так яростно защищал интересы казахов?!

Помнит Чайковский, когда с трибуны он шел к своему месту, кто-то в проходе зала тихо, но внятно прошипел:

– А ты уверен, что сегодня из Кремля живым выйдешь?

Обошлось. Ночью делегация Казахстана спокойно улетела домой.

А на следующий праздничный день 8 марта на улице Курчатова к мэру подходили и жали ему руку знакомые офицеры и гражданские:

– Молодец, хорошо сказал.

Оказывается, прошедшей ночью по Центральному ТВ выступление Чайковского было передано на весь Союз с повторами.

После этого случая началось жесткое противостояние с Москвой и с Министерством обороны СССР. Несколько раз Чайковский встречался с министром обороны Язовым, который открыто признавал свое бессилье с бюрократической машиной разваливающейся ядерной державы. Но мэр Курчатова был не одинок. Его активно поддерживали и помогали Н. Назарбаев, У. Кахарманов, К. Бозтаев, О. Сулейменов, московские друзья и коллеги.

Покаяние

Когда настала пора расставания с госслужбой, которая его никогда не прельщала, Чайковский решил реализовать свою давнюю задумку заняться страусоводством. Еще в восемьдесят шестом году на страусиной ферме в Бельгии, где ему довелось побывать в командировке, и появилась мысль о том, что под Семипалатинском немало мест, где мы изрядно нагадили. И, наверное, рано или поздно по долгам надо платить. И почему бы России, как правопреемнику СССР не взять на себя заботы и профинансировать какую-то часть новой подотрасли сельского хозяйства Казахстана – страусоводство? И это было бы неким искуплением вины перед казахстанцами за причиненный вред. Чайковский убежден, что при наших природно-климатических условиях можно и нужно выращивать страусов. Судите сами. Если одной из самых скороспелых отраслей животноводства считается свиноводство, то на одну кормовую единицу прирост массы тела этой птицы в 2,5 раза больше чем у свиньи! Это единственное животное в мире с такими поразитель-

ными темпами роста. Только до пятимесячного возраста с ними приходится повозиться, а потом – проще.

Долго жить и не болеть

Почему японцы являются крупнейшими импортерами страусиного мяса? Да потому что больше всех в мире они сознательно употребляют мясо страуса, чтобы долго жить и не болеть.

16 марта 2001 года отставной Император выкупил свиноферму ХОЗУ Совмина, что в Енбекшиказахском районе в 55 км от Алматы, рядом с городом Есик и открыл там фермерское хозяйство «Фауна» по разведению африканских страусов. А уже в начале мая того же года в два приема завез из Европы 440 суточных страусят. 127 из них выжили. Они сегодня и составляют маточную стаю, 70 процентов которой отвечают мировым стандартам.

Страусиная ферма Чайковского – первая в Центральной Азии. На 120 гектарах из прилегающей арендной территории засевается люцерна, ячмень, кукуруза, пшеница. Это идет на корм и реализацию. Другой источник дохода – экскурсии. До 900 человек посещают ферму в воскресные дни. Для этого здесь содержат не менее экзотических местных оленей, пекут дешевые, вкуснейшие беляши из страусятины. Кроме этого на ферме продают целебный жир, яйца, мясо, перья и кожу этой птицы.

Кстати, африканский страус – самая большая из ныне живущих птиц. Их рост достигает 2,7 метра, а вес 100 и более килограммов. Продолжительность жизни – около 70 лет. К 10 месяцам страус достигает репродуктивного возраста и максимального веса. Ежегодно от одной самки с помощью инкубатора можно получить около 40 птенцов. Здоровые птицы остаются производительными в течение 40 лет. Поэтому закупка пар для размножения может рассматриваться как многолетняя инвестиция. Суммарная мясная продуктивность одной самки за период ее жизни может достигать 72 тонны! Зимой страусы комфортно себя чувствуют в неотапливаемых помещениях с глубокой соломенной подстилкой. Страусы издавна живут в саваннах Африки, поэтому они стойки и к казахстанской жаре. Дневной рацион страуса составляет около 2 кг люцерны, немного зерна и примерно 10 литров воды. Страусятина отличается низким содержанием холестерина, высоким набором богатейших микроэлементов и белка. Её рекомендуют людям с повышенным артериальным давлением, страдающим сердечной недостаточностью, сахарным диабетом, анемией. Кроме этого мясо страуса – диетический продукт по всем показателям: нежирная, легкоусвояемая организмом и, безусловно, является одним из са-

мых заманчивых блюд ресторанныго меню. Страустина легка в приготовлении, что немаловажно для поваров. Очень постная (филе содержит только около 1,7 % жира), она не становится жесткой при термической обработке и при правильном приготовлении, как филе, так и бифштекс из страуса, получаются исключительно нежным на вкус. Кроме того, страустина хорошо впитывает разнообразные специи, что делает её вкус ещё более пикантным. И еще рассказывают, что сегодня в некоторых ресторанах южной столицы предлагают изысканную яичницу из одного страусиного яйца для 8-10 человек.

Минсельхозу «бәрібір»

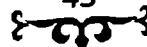
Шестой год торгует ферма двухнедельными страусятами. Приобрели их предприниматели из Караганды, Жезказгана, Омска, Астаны. Были покупатели из Узбекистана.

По словам Чайковского, приезжающих на ферму много. Здесь перебывало полправительства, полпарламента. Охают, ахают, а поддержки никакой. Заезжие же евреи из Израиля, прежде всего были восхищены Алматой, а потом уже крайне удивлялись малоизвестным Казахстаном, где занимаются выращиванием страусов.

– Сегодня терпимо. А было время, – вспоминает Е. Чайковский, неустанно затягиваясь сигаретой – чтобы прокормить страусят, платить рабочим зарплату, мне пришлось продать однокомнатную квартиру в Алматы, выделенную мне нашим президентом «за особые заслуги». Мне одному приходилось тянуть этот воз. Это, пожалуйста, непросто. А теперь для перевода производства фермы на промышленную основу нужна команда. Ищу компаньонов. Минсельхоза ферма не интересует. Как ни прискорбно, мне предлагают содержать здесь баранов и лошадей. Психология людей не изменилась.

Говорят, что история пишется нам в назидание. Покидали мы ферму со смешанными чувствами. Если бы каждый, кто был причастен к открытию Семипалатинского ядерного полигона, хотя бы покаялся публично, как Последний Император Курчатова Евгений Чайковский, или чем-то компенсировал свои чудовищные деяния, наверно, меньше было бы человеческого горя не только в этом регионе, но и в Карагандинской, Восточно-Казахстанской, Павлодарской областях, к которым отошли земли СИЯП.

Сегодня в аулах и селах, прилегающих к полигону, каждый третий ребенок рождается мертвым или с врожденным заболеванием. По современным представлениям науки многие мутации радиационной породы имеют скрытый характер и у

жителей региона проявятся в виде тяжелых врожденных заболеваний через 100-200 лет. У радиации есть прошлое, но у нее есть страшное настоящее и чудовищное будущее. И прав на все сто Чайковский утверждая, что «под Семипалатинском немало мест, где мы изрядно нагадили. И наверно, рано или поздно по долгам надо платить». Под словом «мы» он подразумевает Россию. Но платить по долгам и по совести она и не думает, ибо счетов на оплату им никто и не предъявлял. А надо бы... Парадокс в том, что и сейчас, и уже много лет на полигоне живут люди.

Ужин при свечах у министра

Воистину судьбу любого человека может крутого изменить Его Величество Случай. Меня, наивного выпускника сельской средней школы, мечтавшего о спортивной карьере, имевшего к тому времени два первых места в области по двум видам спорта и заранее приглашенного на факультет физического воспитания местного пединститута, отработанная советская система профориентационной работы с помощью ТВ, вынудила-таки поступать в сельхозинститут.

Сборы были недолгими. Мама накрепко зашила в потайной кармашек моих новых сатиновых трусов двести рублей. А пять рублей дала на карманные расходы:

— Не потеряй, сынок, больше нет. Ты же знаешь, кроме тебя на моих руках остаются шесть ртов. Сердце мое спокойно — значит поступишь. До стипендии тяни...

И вот в общем вагоне пассажирского поезда Свердловск — Алма-Ата я рванул навстречу матушке-судьбе.

Дорожная суeta общего вагона мне понравилась. Две бодренькие бабульки, потеснившись, предложили мне присесть и тут же начали накрывать на стол:

— Перекуси, сынок, потом поговорим. Поступать, небось, едешь? Наверно, на прокурора будешь учиться?

— Нет. На инженера.

— Вот и правильно, родной. Село всех кормит. Закончишь, ехай к нам в колхоз главным инженером. Наш ведь пьет безбожно, к тому времени совсем сопьется. Прости меня, Господи!

В дороге почему-то аппетит всегда отменный. До сих пор помню вкус бабулькиных желтых помидоров, малосольных огурцов, всмятку сваренных куриных яиц и неповторимый запах домашнего серого хлеба. Остались в памяти и милые лица этих добрых

женщин, как оказалось, блокадниц Ленинграда, и их уставшие руки, с синими набухшими прожилками вен.

После сытного ужина, под мерный стук колес и дембельские песни в соседнем купе, меня, сладко задремавшего на верхней полке, разбудил приятный женский голос:

– Сынок, дай руку, на счастье тебе погадаю! Ручку позолоти! Правду скажу, что тебя ждет, молодого, в дальних краях?

– Иди отсюда и не трожь ребенка! – Чую, это уже мои бабульки берут оборону и вытесняют молодую цыганку из прохода.

– Какой он ребенок!? На полку не вмещается!

Впервые в жизни мне погадать предлагает цыганка. Что же меня, интересно, ждет в дальних краях? Наивное любопытство берет верх. С трудом нашел один из запрятанных рублей, и на раскрытой ладони, протягиваю его гадалке:

– Расскажи.

– Удача тебя ждет, дорогой. И встреча с большим человеком. Очень большим человеком!

– Ага, с министром ждет его встреча, – ехидно хихикнул на соседней полке пожилой мужчина.

– А может и с министром, – сверкнула черными глазами, удаляясь, цыганка...

В те годы сто четвертый поезд прибывал в Алма-Ату ночью. Мой брат тогда жил на улице 8 Марта. На четвертом троллейбусе добираюсь до места. Улица, из одноэтажных частных домов, не освещена. Фонарь горит только на остановке. В кромешной темноте, проблуждая среди пирамидальных тополей около часа в поисках нужного дома, решил ехать обратно на вокзал.

Стою на остановке в ожидании последней “четверки”. В руках небольшой чемодан с учебниками. Кругом – ни души. Вдруг слышу стук каблучков. И, как в сказке, из темноты появляется в светлом коротком платье прелестная, не пойму, девушка или женщина и направляется прямо ко мне:

– Вы на вокзал?

Такую красивую казашку я видел впервые. Естественно, растерялся, засмутился. Выслушав мои сбивчивые объяснения, она решительно сказала:

– Переночуете у меня, а утром мы разыщем вашего брата. А вон и наш троллейбус идет!

Я и вовсе онемел. От всяких мыслей закружилась голова. Сошли на Коммунистическом проспекте. Среди пятиэтажек прошли через большой темный двор. Вшли в подъезд одного из них.

В прихожей квартиры на всю стену, один к одному, вижу цветную картину с моей незнакомки...

Заметив мое замешательство, она пояснила:

– Меня зовут Гайша. Мы даже не познакомились. А это моя афиша. Я – актриса. Не стесняйтесь. Вот Ваша комната. Сейчас быстренько с дороги примите душ, потом будем ужинать – приведут муж и гости.

Тогда я ванную и душ не только не принимал, но и отродясь не видел. Пришел в себя и сориентировался я, видимо, не скоро, потому и постучали и попросили поторопиться.

От бешбармака на столе шел легкий пар. В глазах рябило от красивых бутылок вин, салатов и фруктов. Впервые в жизни я ужинал при свечах. Хозяин и гости оказались простыми и милыми людьми. Были песни, звучала домбра. А все-таки украшением компании была милая Гайша...

На другой день, когда я рассказал брату о своих приключениях, он спросил меня:

– Ты хоть знаешь, в чьем доме ночевал?

– У Гайши.

– Эх, деревня. Её муж – один из министров Казахстана...

Вот так мне, начинающему самостоятельную жизнь сельскому пареньку, тогда был преподан урок классического степного казахского гостеприимства и радушия.

Вкус курта

С обретением Казахстаном суверенитета у каждого из нас появилась возможность бывать за границей. Бум шоп-туров начала девяностых еще свеж в памяти многих. За «бугор» не выезжал, наверное, только ленивый. Понятно, что ехали, в основном, за товаром, но были среди этой пестрой массы и туристы-романтики. В числе последних на предложение съездить в Венгрию не отказался и автор этих строк.

Поездом через Москву на четвертые сутки добрались до Будапешта. Отель «Лиде», где поместили нашу группу из 20 человек, мало чем отличался от наших райцентровских гостиниц. Единственное, что отличало – удобства были не во дворе.

Венгерским языком никто из нас не владел. С местными изъяснялись жестами и мимикой. Это в городе. На вещевом же рынке, что поразило, всюду звучала родная русская речь.

Местных продавцов отличить от их коллег из бывшего Союза было очень сложно. Дело доходило до курьезов.

Понравились джинсовые брюки – давняя мечта. За прилавком две миловидные девушки. Пытаюсь торговаться:

– Мадам, минимум мани?

– Смотри, Валя, турок джинсы захотел! – ответ одной из них меня просто огорошил.

– Я те дам «турок»!

– Ой, да он, свой, советский, оказывается, – обрадовалась торговка.

Оказалось, девчата москвички, работают на «хозяина».

В памяти остался не только этот случай.

Нас в группе было три казаха. На бартер или реализацию, как получится, мы привезли на троих десятка два неликвидных в наших магазинах серпов, несколько будильников, метчиков, плашек для нарезки резьбы, сверл, рожковых ключей и прочую дребедень, плюс по две поллитровки «Русской» на брата. Вот и весь наш товар, который разместился на одном столике.

Была поздняя осень. Пока стояли, продрогли на сыром ветру. Естественно, бутылочку «Русской», для согрева, распечатали. Смотрю, проходят два крепких чернявых симпатичных молодых человека. Один из них на русском и говорит:

– Так, мужики, слушайте сюда! Базарная такса: по сто форинтов и по бутылке водки с каждого. Приготовьте. Будем через полчаса. В случае невыполнения – весь товар подлежит конфискации.

Пока мы «переваривали» эту установку, рэкетиры спокойно пошли вдоль торгового ряда дальше. Для них, видимо, эта прогулка было делом будничным. Возмутиться, потребовать разъяснений мы могли у себя дома, на родине. А здесь была заграница...

Первым опомнился и сообразил, что к чему, старший из нас – Капез.

– Постойте! Главный у вас есть? Хотим с ним поговорить.

– Хорошо. Он к вам скоро подойдет, – ответил тот, что помоложе.

Главный не заставил себя долго ждать. Коренаст. Походка борца. Возраст – за сорок. Взгляд колючий. Национальность определить трудно.

– Мы – казахи, а ты кто? – огорошил кавказца неожиданным вопросом Капез.

– Чеченец.

– А историю своего народа знаешь?

– Знаю.

– В годы войны, какой народ многих из вас, чеченцев, приютил, дал кров и еду, спас от гибели? Теперь же в знак благодарности вы нас грабите в чужой стране! Это справедливо?

И тут произошло то, чего мы никак не ожидали.

– Успокойся, айналайн, – на чистом казахском языке, протягивая через прилавок обе руки для приветствия, ответил крепыш. – Это поправимая ошибка. Прости, брат. Успокойся, прошу тебя. Никто в Будапеште, пока я здесь, вас не обидит. Отвечаю...

Вот так на венгерской земле состоялось наше знакомство с представителями криминального бизнеса. Дело прошлое. Аллах ему судья. Суть не в этом.

Звали его Гасан. Родился он в одном из аулов Кокчетавской области.

– Что ты, брат, удивляешься моему казахскому? Учился до 5 класса в казахской школе, пока наша семья не переехала в Грозный. Гостеприимность и щедрость казахов знаю не понаслышке. Родители рассказывали, как их больных и голодных, разутых и раздетых, приехавших в товарных вагонах, встречали в этих местах. В своей землянке с глиняным полом размером в тридцать квадратных метров семья аксакала Каирбая приютила три семьи чеченцев. Одна корова выкормила 15 человек. Благодаря ей все остались живы. Курт из старых запасов Каирбая-ата спас от голода не только моих родителей. Его вкус вспоминаю до сих пор. Он был не только лакомством, но и сытной пищей. Так что вы мне не только земляки, но и братья. Приглашаю вас в гости...

Слушая исповедь Гасана, я был горд за свой народ, толерантность и гостеприимство которого оценивается по достоинству другими нациями и народностями, если их представители, хоть раз были за казахским достарханом. И как не вспомнить стихи Бахтыгирея Исакова в переводе Ольги Савельевой:

*Когда в дому полно гостей,
Домбра не замолкает.
Собакам мяса и костей
На много дней хватает.
Хозяин высший достархан
На весь аул накроет,
Как будто гость из дальних стран
Вернулся к нам героем.*

*Всегда готовы показать
Свое гостеприимство.*

*Казах умеет угощать -
И этим мы гордимся.*

*Экватор можно обойти
Без денег и без страха,
Если чудом на пути
Встречался дом казаха.*

Ерулик

Тот коварный приказ Сталина не многие знают. Но это исторический факт. Парашютно-десантный полк красноармейцев, владеющих немецким языком и переодетых в форму вермахта, осенью сорок первого десантировался ночью под Энгельсом – административным центром автономной республики. Нашлись-таки среди поволжских немцев те, кто встретил десантников с хлебом и солью. Что и требовалось доказать. Немедленно последовала команда на депортацию немцев в Сибирь и Казахстан.

Вольдемару было всего три годика, когда в одну ночь их погрузили в товарные вагоны и повезли неизвестно куда. Из того кошмара он помнит только плач мамы и собачий холод товарняка.

Тысячи ни в чем не повинных семей не по своей воле, бросив годами нажитое добро, оказались вдали от родных мест.

Так молодые Эйсвальды – Карл и Эльза – и их трехлетний сын оказались в казахском ауле Карагай. И приютил их тогда одинокий аксакал Бейсембай. Отдав переселенцам большую гостевую комнату, хозяин обосновался на кухне. В тот же день вместе с Карлом он сладил из старых досок возле печки добротный настил – сакы, накрыв его толстым, расшитым национальным орнаментом теке-метом из овчиной шерсти. Это был и лежак, и кровать, как оказалось, на долгие годы. Здесь же, рядом, уместился и казахский круглый стол с короткими ножками, накрытый старой цветной клеёнкой.

Этот самодельный достархан и тот первый вечер при свете керосиновой лампы в землянке Бейсембая, Вольдемар помнит до сих пор. Аксакал говорил тихо и только на казахском. И среди его неизвестных для переселенцев слов, в тот день чаще всего повторялось одно – ерулик. Что оно означало – было не понятно.

На дворе была ранняя весна. Старик затопил печь. Принес из кладовки несколько небольших кусочков копченого мяса. Помыл и бережно положил их в небольшой казанок с водой, который по-

ставил на плиту. Вскоре по дому пошел незнакомый, но потом ставший родным для Вольдемара запах копченой конины. И когда достархан был накрыт, аксакал, показывая на угощение и на своих квартирантов, произнес:

— Ерулик, конак асы.

Какими тогда были вкусными желтые засохшие баурсаки и белые твердые шарики куртаг Бейсенбая! А какая была конина с заметным запахом березового дыма! Полуголодные Эйсвальды уплетали все подряд. И откуда им знать, что это угощение — остатки поминального аса после сорока дней со дня смерти старухи Бейсембая Раушан. Не выдержало её сердце потерю единственного сына. Кара кагаз — похоронка с фронта — в те дни метила многие семьи аула. Но первой ушла в мир иной Раушан.

Много лет прошло с тех пор. И уже живя в Германии, вспоминая тот достархан при тусклом свете керосинки, Вольдемара всегда мучает один и тот же вопрос: «смог бы он, будь на месте Бейсембая, поступить как аксакал?». Ответить откровенно сложно.

Еще до прибытия депортированных немцев, колхозный баскарма — фронтовик, потерявший руку при обороне Сталинграда, с единственной медалью «За отвагу» на застиранной солдатской гимнастерке, шолак Токаш, ломал голову, у кого поселить пять немецких семей по негласной районной депеше. Сорок пять дворов в ауле. Каждого аульчанина он знал в лицо, и знал, что ел каждый из них на завтрак и на ужин. За горсть украденного колхозного зерна ждал суд. Могли и расстрелять по законам военного времени. Все жили впроголодь, но беззаботно верили в скорую победу.

Как-то шолак Токаш, проезжая мимо верхом на лошади, встретил заметно сдавшего после потери сына и жены Бейсенбая. После приветствия, аксакал, зная проблему баскармы, сам предложил:

— Приму любую семью, только с мальчиком... Мы же казахи, традиции наши нарушать негоже. Они тоже люди и нет у них вины.

Токаш тогда молча сполз с лошади, обнял мудрого Бейсембая. Плакали молча, не стесняясь скучных непрошенных слез. Баскарма всё понял: мальчик поселенцев будет Бейсембаю вместо родного внука, которого аксакалу уже не суждено нянчить никогда. Он мудр, как его народ. Всё простил и со всем смирился.

Только два слова обронил тогда шолак Токаш, садясь на лошадь:

— Жарайсын, Беке!

Что в переводе означало: «Я горжусь тобой, Бейсембай!».

Только Эйсвальды начали обживаться, как Карла призвали в трудармию. За два года из карагандинских шахт от него пришло

всего несколько писем, да две посылки и немного денег. И больше ни слуху, ни духу. Куда только не писала Эльза, к кому только не обращалась. Сгинул Карл неизвестно когда, и неизвестно где.

Остались они жить втроем. Вольдемар заметно подрос. Все время крутился возле аксакала, помогая ему по хозяйству. Быстро, как и Эльза, научился говорить по-казахски. С первых дней совместной жизни Бейсембай звал его «балам» – сынок. А Вольдемар Бейсенбая звал аташкой. Об этом аксакал попросил сам и это обращение ему очень нравилось. Эльза научилась шить на швейной машинке «Зингер», перед войной подаренной покойной Раушан за добросовестный труд на слете передовых колхозниц. Прослышиав о мастерстве Эльзы, зачастили с заказами аульские женщины. За работу рассчитывались продуктами: кто курт принесет, кто молоко.

Уже после войны, когда жизнь стала понемногу налаживаться, старый Бейсембай посоветовал Эльзе:

– Ты, дочка, помаленьку делай запас продуктов. Вдруг гости приедут. Наш достархан всегда должен быть накрыт для них достойно.

И как-то за вечерним чаем, он рассказал им старую легенду:

– Давным-давно жил в наших краях казахский бай. Был он мудр и богат. Тысячами голов лошадей, коров и овец исчислялись его стада. Состарился бай и перед смертью позвал троих своих взрослых сыновей и дал им такой наказ:

– Всё мое богатство и скот разделите на четыре равные части. Преумножайте свое состояние и живите дружно.

– Почему на четыре части, нас же у тебя трое, – не выдержал младший сын.

– Правильно. Вас трое. Четвертая часть тоже разделится между вами, но эта будет долей ваших будущих гостей – конак асы (конак – гость, ас – угощение). В любое время года, в любое время суток казах должен принять гостя, предоставить ему кров, постель и накрыть достархан. И кто бы ни был вашим гостем, он отведает свою долю, завещанную мной. Если он стеснительный или робкий, напомните ему, что это его доля и принадлежит ему по праву.

Сыновья исполнили наказ отца. Каждый из них стал впоследствии родоначальником трех казахских жузов. Вот где кроются корни казахского гостеприимства и история происхождения слова «конак асы»!

– Аташка, я помню, когда мы приехали, Вы еще говорили слово «ерулик». А что оно означает? – отпивая остывший чай, спросил Вольдемар.

— Э-э, балам, а я не думал, что ты запомнил эти слова. Молодец, всегда слушай и запоминай сказанное старшими. Я тебе поясню.

Когда в аул переезжает жить какая-то семья, то новоселов для более тесного общения или знакомства, по традиции наших предков, приглашают в гости родственники, соседи или знакомые. Эта традиция и называется ерулик...

... Сорок лет прошло с того вечернего чаепития. До мельчайших подробностей помнит Вольдемар Карлович и другие неспешные рассказы аташки Бейсенбая. Он заменил ему папу Карла. Растил и лелеял его как сына. Не каждый родной отец может так тепло относиться к своему ребенку. Его аташка — смог. Это благодаря ему, он получил образование, встал крепко на ноги. С благословения Бейсембая по любви женился на чернобровой красавице Шолпан. Очень жаль, что он умер, не увидев своих правнуоков. Как бы радовался он им сегодня...

— Что ты всё в окно поглядываешь,— прервала его воспоминания слегка располневшая Шолпан. — Погулял бы хоть на улице, пока Эльза-апа с внуками не приехала.

— Куда я пойду? Никого не знаю. Поговорить не с кем. Здесь каждый сам по себе. Бюргер он и есть бюргер.

— Я забыла тебе сказать. Вчера на соседней улице видела мужчину, вроде казах. Вещи с контейнера разгружал.

— Что же ты так долго молчала? А? Из родных мест приехали люди, а она молчит! Это какой дом?

— Кажется третий от угла по Бильд-штрассе.

— Накрывай, дорогая, дастархан. Доставай казы, карта,— командовал повеселевший Вольдемар Карлович, решительно направляясь к выходу. — Наши традиции надо соблюдать. Я пошел их приглашать на ерулик. Лишь бы люди были хорошие...

Тайна старой конюшни

Это древнее сооружение, из покосившихся камышитовых стен, когда-то было конюшней. Дощатый пол давно прогнил, а перегородки из отесанных березовых жердей, отполированных боками лошадей, кое-где сохранились. Трухой стала в кормушках солома, а где были россыпи овса, весной сквозь щели между досок пробивались полоски нежной изумрудной зелени. Через некоторое время они неизвестно ком и когда, как будто, подстригались. И так до глубокой осени, каждый стебелек этих зеленых ленточек был одной и той же высоты. Чья это была работа – оставалось тайной.

Из-за ветхости сарая его худая крыша, крытая дерном, давно поехала набок, потому скотину Косан там не держал. Но на кривой двери пустой конюшни по-прежнему висел на надежном, штучной работы запоре, единственный в хозяйстве амбарный замок. На то была особая причина.

Немтой Косан – так незлобно звали его соседи, хозяйство вел крепко. В доме всегда был достаток. Рядом со старой конюшней лет десять тому назад он построил из осин добротный просторный сарай. Любая живность у него водилась: и кони, и коровы, и овцы, и птица всякая. Прижились даже индюки. А у его соседа, Рамазана, тоже всё водилось, а вот кони не приживались: или украдут, или заболеет какая лошадь, или оклеет ни с того, ни с сего. Что только не предпринимал Рамазан против такой напасти – не помогало. Смирившись с судьбой, бросил это занятие. Коням-красавцам Косана завидовал. И эта зависть не давала ему покоя. А везение соседа Рамазан связывал с тайной старой конюшни. Разгадать ее пытались многие.

Любопытство соседей усилилось, когда они увидели, как Косан ставит крепкие подпорки на падающую стену старой конюшни. Казалось, толкни чуть-чуть эту развалюху – и она упадет. А тут подпорки ставит. Неспроста это. Рамазана распирало от любопытства. Через щели забора было видно, чем занимается его сосед. Не выдержал – подошел к Косану, трамбующему большой колотушкой основание одной из подпорок.

– Ты что, сосед, Пизанскую башню спасаешь от падения? Разобрал бы, дров-то сколько будет!

Косан в архитектуре и истории был не силен. Про Пизанскую башню и слыхом не слыхивал. Поэтому слова соседа пропустил

мимо ушей и усердно продолжал свое дело. А Рамазан тем временем через худые стены внимательно рассматривал внутренности сарая. Все было по-прежнему, как и два, и три года назад, когда он украдкой как-то обследовал сарай. Только птичьего помета на полу стало больше. Паутина на дверях – значит никто не заходит. При желании забраться внутрь несложно, но опасно. Упасть это сооружение на голову могло в любую секунду. А этот немтой подпорки ставит...

Только после в пятый раз заданного вопроса: для чего он укрепляет развалюху, Косан, закончив дело, сел на чурбан для колки дров, неспешно достал из кармана брюк свой любимый «Беломор», прикурил, сладостно затянулся и, глядя соседу в глаза, произнес:

– Надо!

Загадочно заулыбался и замолчал. Рамазан понял бесполезность своих усилий, со злости плонул себе под ноги, матюгнулся и пошел прочь.

…Косану было лет восемь, когда его отец – Ахмед построил эту конюшню. Лошадей он любил и содержал их отдельно от домашней живности. Водил дружбу с цыганами. Но воровство презирал, а менять коней, покупать и продавать их – обожал. Их было у него всегда три: для упряжи, под седло и для работы. Каждой лошади соответствовала по размеру сбруя и седло. Потемневшей от времени серебряной окантовкой были украшены уздечки, шлеи, хомуты, дуги. Отец терпеть не мог, когда один из соседей на кобылку монгольской породы надевал хомут тяжеловоза.

– Что ты из красавицы чучело-то сделал, а? Она же у тебя из хомута выпрыгнет и ноги себе сломает, а? – возмущался он, бранясь. А если Косан был рядом, внушал ему:

– Вот так, сынок, никогда не делай. Гармония должна быть между лошадью и сбруей. Понял? Гар-мо-ни-я!

Много воды утекло с тех пор, но помнит Косан тот светлый весенний день. Он спал, а отец тормошил его:

– Вставай, сынок! Пойдем, что-то покажу. Они прилетели!

– Кто прилетели? – кулачками потирая глазенки и, не понимая о чем речь, спрашивал Косан.

– Карлыгаштар! Ласточки! Счастье к нам прилетело! Вставай же!

Схватив в охапку своего единственного сына, Ахмед выскочил во двор и показал на открытые двери конюшни.

– Смотри, сейчас увидишь.

Вдруг в проеме двери тенью м

елькнула одна из ласточек. Косан на фоне красной грудки птицы заметил маленький прутик, зажатый в клюве. Не задерживаясь долго, она вылетела. Через несколько минут уже другая летела с кусочком глины в клювике.

— Гнездо строят. Выбрали наш дом. Это на счастье, сынок. Беречь надо это гнездо. Пока оно будет — будет и счастье в нашем доме. Понял?

Чтобы не спугнуть ласточек, Ахмед месяц привязывал коней во дворе, а дверь конюшни держал открытой. Домашним строго запретил лишние хождения. И именно в тот день, за чаем, Ахмед рассказал старую легенду-быль.

... Во времена нашествия джунгар Толе бий жил на юге Казахстана. Узнав от гонцов о приближении врага, аул начал сниматься с летовки. Спешно разбирались юрты, в табуны сбивался скот, в большие арбы, запряженные волами и верблюдами, грузился домашний скарб. Направление было на север. Почему-то эти паника и суета не трогали только одного человека — Толе би. Он, отправив домашних, молча сидел у своей не разобранной юрты. На уговоры сородичей отвечал однозначно:

— Не могу. За меня не беспокойтесь.

На рассвете следующего дня конница джунгар влетела в долину, где стоял аул Толе би. Вместо большой ожидаемой добычи они увидели одинокую юрту и сидящего у порога старца.

— А ты почему не бежал со своим аулом? — грозно спросил у аксакала предводитель воинов, не слезая с разгоряченного скачкой коня.

— Бросил бы ты, на растерзание врагу, своих малолетних детей, спасая собственную шкуру? — вопросом на вопрос ответил Толе бий, продолжая сидеть.

— Конечно, нет, — ответил джунгар, — но я не вижу твоих детей.

— Вон они, мои дети. И моя жизнь не дороже их жизней, — показывая на тройку желторотых птенцов ласточки в гнезде под куполом юрты, ответил аксакал.

— Оказывается, ты мудрый и мужественный человек. Как тебя зовут, — признавая свое поражение, спешился с коня вождь джунгар.

— Толе бий.

— Коня в подарок Толе бию — за ум и отвагу, — крикнул своим нукерам грозный предводитель.

Поэтому Толе бия в южных краях зовут Карлыгаш бием.

Такова легенда. На всю жизнь запомнил Косан рассказ отца. С тех пор прошло полвека. Столько же времени каждое лето выво-

дит и ставит на крыло своих птенцов не одно поколение ласточек в старой конюшне. Вместе с ними растут и радуют стареющего Косана его дети и внуки. И он глубоко верит, что существует прямая гармоничная связь между старым ласточкиным гнездом и его семейным очагом. И больше всего Косан боится нарушить эту гармонию. Она такая хрупкая...

Три наказа

Эту легенду я услышал давно. Кажется, незатейливый сюжет, но в нём мудрость моего народа. Как часто мы создаем себе проблемы, забывая прописные истины...

Смеркалось. В пустыне медленно, как бы нехотя, спадала жара. По раскалённой от зноя извилистой дороге устало брёл седобородый старец с посохом в руке и котомкой за плечами.

Вдруг из-за поворота навстречу ему выбежал юноша в длиннополом красивом бешмете. В руке – камча.

– Эй, старик, не видел ли ты здесь трёх всадников? – бесцеремонно обратился он к аксакалу.

– Нет, айналайын, никто мне не встречался. А ты чей будешь, как тебя зовут?

– Я сын Кожахмета, зовут меня Асет. Только что трое неизвестных ограбили меня, отобрали коня... Подонки...

– Не горюй так, айналайын! Благодари Аллаха, что разбойники не убили тебя. Знаю твоего отца. Уважаемый человек. В его табунах найдётся достойная замена для твоего аргымака.

– Довольно, стариk, меня успокаивать. Не коня мне жаль, а обидно, что пешим остался.

– Хорошо, Асет. На то воля Аллаха. Иншалла. Иногда полезно и пешком пройтись. Пойдём, попутчиком будешь моим.

И вот идут они вместе по пыльной дороге. Стариk не перебивает болтовню молодого спутника. Смеркалось.

– Что же ты, старый, всё молчишь? Расскажи что-нибудь интересное.

– Хорошо, Асет, но сначала выслушай мой наказ. Первый из них такой: всегда спрашивай имя своего спутника.

Идут дальше. После долгого молчания нетерпеливый юноша вопрошает: «Ну, а второй, какой?»

– Слушай второй: знай своё место. После минутного молчания аксакал произнёс:

– А теперь слушай мой третий наказ: если у тебя не спрашивают и не просят лично, не предлагай свои услуги.

– Чудной ты какой-то, старик, – в ответ на назидания сказал юноша. – Жизнь прожил, а путёвое что-то сказать не можешь.

Промолчал аксакал. Было видно, что он устал. Огромный красный шар солнца вскоре скрылся за горизонтом. Стало быстро темнеть.

– Сынок, видишь, вон огни? Это аул. Пойди и попроси, чтобы за мной, Лукманом Хакимом послали подводу. Видишь, я устал, не могу идти дальше.

Молодой человек кивнул головой и, словно обрадовавшись избавлению от обузы, побежал в направлении огней.

Весть о том, что приехал сам Лукман Хаким, быстро облетела аул. Для высокого гостя поставили отдельную белую юрту, зарезали жирного барашка. Иначе и быть не могло. Ибо согласно Корану, Лукман был праведником Аллаха, мудрецом, постигшим бытие единого Бога. Его именем названа 31 сура в Коране.

Вот несколько советов Лукмана:

- Благодари Аллаха за всё, ибо таково Его попечение о тебе.
- Выстаивай молитву.
- Побуждай к благому и удерживайся от запретного.
- Будь терпелив.
- Не ехидствуй.
- Не зазнавайся, но сохраняй достоинство.
- Понижай свой голос.

Лукман был молчаливым, мудрым и много размышляющим человеком.... Приход такого праведника в аул мог ли обойтись без торжественного ужина? В отведённой для гостя юрте Лукман Хакиму предложили пройти төрге – на самое почетное место.

– Ты, как и я, гость этого аула. Твой отец – уважаемый в этих краях бай. Поэтому твоё место возле меня, – обратился он к Асету, жестом приглашая сесть.

Несмотря на поздний час, юрта стала наполняться аксакалами, пришедшими приветствовать достопочтенного старца. Асет, уступая место старшим по возрасту, вскоре оказался у порога юрты.

Подали бешбармак. Гости, что помоложе, засучив рукава, приготовились крошить мясо. Ножей оказалось мало, и один из них обратился к присутствующим:

– У кого есть нож, дайте попользоваться.

На эту просьбу никто не откликнулся. Мужчина повторил свой вопрос. Снова в ответ молчание. Только Асет, по простоте душевной, достал из кармана редкой красоты острый складень ручной работы:

— У меня есть, вот возьмите...

Увидев складень, мужчина, вскочив на ноги и, указывая на Асета, закричал:

— Это нож моего отца, я узнал его! Из-за него этот парень убил моего отца. Вяжите его!

Джигиты мигом связали Асета по рукам и ногам и бросили в зиндан — сырую глубокую яму.

После утреннего намаза Лукман Хаким попросил аксакалов сбрат на лужайке аульчан и привести Асета.

От вчерашней спеси у молодого человека не осталось и следа. Удрученным предстал он перед праведником Аллаха и собравшимися людом.

— Асет, айналайын, я вчера тебе дал три наказа. Вместо того чтобы вникнуть в их суть, ты корил меня. Напомню тебе их ещё раз.

Всегда спрашивай имя спутника своего. Почему ты не спросил моё имя, когда я спросил твоё? Это была твоя первая ошибка.

Знай, своё место — это был второй мой наказ. Я тебя посадил рядом со мной. Несмотря на молодость, по обычаям наших предков, ты гость этого аула и почётное место принадлежит тебе по праву. Ты не должен был уступать его никому. Сидел бы на этом месте, и никто не посмел бы тебя обидеть.

Если у тебя не спрашивают и не просят лично, не предлагай свои услуги. И здесь ты не вник в суть. Кто лично у тебя просил нож? Обращение было ко всем, но не к тебе персонально. Твоя невыдержанность могла стоить тебе жизни. Но я поручаюсь за тебя. Пусть наша встреча будет наукой всем! И возблагодарим за это Аллаха! Аминь!

Промолвив это, великий старец неспешно скрылся в своей юрте...

Мамлютка

Не помню уже, где и когда я услышал эту фразу: «Не так страшен черт, как его Мамлютка».

Кому-то черт, а кому-то родные сердцу милые места...

Вначале тридцатых мой дед Ахмет, спасая семью от голошекинского голода и безжалостного раскулачивания, с четырьмя детьми, на двух подводах из родового непокорного аула Бирлестик, что на айиртауцине, двинулся в поисках лучшей доли в сторону Тюмени. Лишний натерпелись – не беда, а вот что младшую трехлетнюю дочь дед навсегда потерял в Петропавловске на барахолке – это было невосполнимым горем.

Была осень. Впереди ждала зима и неизвестность. Рисковать дед не стал. В селе с поэтичным названием Зоринка, что неподалеку от станции Кондратовка, добрые люди приютили изнемогающую от голода и усталости семью Ахмета. С той поры и остались здесь жить мои предки. Тогда моему будущему отцу было пять лет. Это уже потом, с окрепшей семьей, Ахмет переехал в Мамлютку, где облюбовал и купил на окраине землянку. Здесь он и пustил новые корни. Именно здесь ему было суждено впервые познать радость общения с родной кровинкой – первым внуком.

Жили мы тогда в северной части Мамлютки. Это была особая окраина райцентра, негласно очерченная до Беловского переулка, и называлась «татарским краем». Здесь, действительно, проживали в основном татары. Среди них бесконфликтно соседствовали мы, казахи, а также украинцы, немцы, чеченцы, поляки, белорусы, украинцы, башкиры. Была даже семья китайца Ван Си Фо. Но все уважительно звали его на русский манер почему-то Василием Ивановичем. Ему было за шестьдесят. Работал он старьевщиком. Закупал или обменивал на тряпки, кости, цветной металл, банки с порохом, шары, свистки, игрушки – по тем временам страшный дефицит.

По наивности, мы с дружком обменяли на баночку бездымного пороха единственный, оставшийся из бабушкиного приданого, красивый тульский медный самовар, с выбитыми на боках многими медалями. Узнав об этом, бабушка устроила разнос и нам, и китайцу. Самовар был водружен на прежнее место. А порох мы успели использовать по назначению.

Василий Иванович на бричке с деревянными бортами, запряженной красным крутогорим волом Мишкой, разъезжал по улицам поселка в любую погоду. До сих пор помнится его зычный, несмотря на тщедушную фигуру, голос:

— Кости, тряпки, медь, железо! Цоб, Мишка, уже близко!

В начале пятидесятых годов прошлого века жизнь была несладкой. Но на столе у всех были хлеб и картошка, молоко и яйца, творог. На зиму забивали птицу, скот. Труднее было семьям вдов фронтовиков. Но им помогали все, чем могли. Взрослые, в основном, работали. Умели и отдыхать. Ставили брагу, настойку из вишни, смородины. Редко, но гнали крепчайший самогон.

Помню, на свадьбу старшего сына Хасана, фронтовик-орденоносец Ибрай Мушарапов поставил три фляги браги. Было лето. Во дворе, у колодца, на три кирпича водрузили самогонный аппарат из дюралевой фляги. Змеевик пустили через колодезную холодную воду, налитую в самодельное корыто. К бокам фляги поставили три, гудящие от огня, паяльные лампы. Вскоре пошел первач. Тут же — проба.

— Хорош! — замахнув полстакана сивухи, крякнул от удовольствия хозяин, занюхивая рукавом.

Три мощные, работающие в полную силу лампы, дали о себе знать. Аппарат в начале начал дрожать. Брага во фляге от кипения клокотала. Из медной гнутой трубы на крышке аппарата от чрезмерного давления слетел змеевик. Как из ракетного сопла, струей рванулись пары самогона. Аппарат с кирпичей полетел на землю и стал юлой вращаться, набирая обороты, сбивая горящие паяльные лампы. Взрыв был неминуем. И в этот трагический момент раздался командирский голос Ибрая-абзы:

— Ложись!

Бывалый фронтовик, профессионально и мгновенно оценив обстановку, плашмя упал на землю и ящицией юркнул за сруб колодца. Мы же, многочисленные зеваки, в основном детвора, услышавшие команды, разлетелись, как спутанные ястребом, воробы. Самодельный самогонный аппарат мог взорваться в любую секунду. Но этого, к счастью, не произошло. Постепенно, выпустив весь пар, аппарат, шипя, затих. Через несколько минут он был водружен на те же кирпичи, и процесс, с учетом допущенных ошибок, возобновился.

У взрослых были свои забавы и праздники. А мы, ребятишки, с особым нетерпением ждали религиозные. Неважно, мусульманские или христианские. И что самое интересное, на Пасху мы, дети мусульман, славили вместе со сверстниками-православными.

Подносили нам крашеные яйца, куличи, сдобу. А на наш мусульманский праздник Курбан-айт всем без исключения давали айттык копейками или сладостями.

До пяти лет в моем словарном запасе было с десяток русских слов. Дома говорили только на родном языке. Как-то за вечерним достарханом бабушка, моя мудрая аже, сказала в категоричной форме своему сыну, моему отцу:

— Серику скоро в школу, а он двух слов по-русски не может связать. Как он будет учиться в русской школе? Казахской-то нет. Ты думал об этом? Договорись с Николаем Иващенко, пусть его Ленька поживет у нас, играть будут вместе. Так мой внук познает русский быстрее.

Так с легкой руки моей аже, Ленька, хоть и был младше меня, стал моим учителем русского языка, а я — его учителем казахского. Вскоре мы с ним общались на особом казахско-русском диалекте, понятном только нам двоим. А на улице нас ждал татарский. На нем говорили мы все — и Валька Гартман, и Юра Петренко, и Алик Гирский, и Вовка Токарев.

Помню, мой дружок Халиль Бекчентаев попросил меня перевести на казахский язык слово «пси» — кошка. Когда я ответил: «мысык», — он долго от души хохотал. Непривычное для его слуха слово смешило его.

Много интересных, радостных картинок детства сохранила память. Меня всегда поражала и восхищала сплоченность, взаимовыручка, терпимость жителей татарского края. Помню, как строил дом Салих Латыпов — большеглазый, красивый, весельчак и балагур. Привел он в родительский дом невесту — красавицу и певунью Асию Биктимирову.

Строили, как говорится, всем миром — асаром. Буквально за несколько дней на месте старой, просевшей по окна в землю землянки, выросли камышитовые стены. После набивки дранки — мазка. Возле дома на лошади месился большой круг красной глины вперемежку с соломой. Готовность замеса определяли спецы. Только после этого десять-пятнадцать женщин-соседок, дальних и близких родственниц Латыповых, Биктимировых дружно брались за мазку стен. На носилках, ловко балансируя по проложенным дощатым настилам, мужчины подносили глину. С шутками-прибаутками работа спорилась. К вечеру, когда внутренние и наружные стены были промазаны, начиналось главное действие: первое в новом, еще недостроенном, доме застолье с гармонью, без которой не обходилось ни одно торжественное мероприятие в татарском крае.

Было поверье: как оно пройдет – таков будет и достаток в доме. Поэтому новоселы не скучились. Со щедрого дастархана перепадало вкусненькое и малышне. Очень нам тогда нравился, и он до сих пор в праздничные дни на моем дастархане – национальный татарский балиш – с рассыпчатым тестом, начиненный тертыми сухофруктами, черносливом. В нашем крае особенно отменно готовили это блюдо соседки – лучшие подруги мамы Майнур Мушарапова и Марьям Жумагулова. До сих пор я помню вкус их, с любовью приготовленных, пирогов, булочек и пряников.

Вот такая она, моя Мамлютка!..

«Крес на крес»

Как-то на Пасху мой неразлучный дружок и учитель русского языка Ленька Иващенко взял меня с собой славить по немногим христианским семьям нашего татарского края. Он был года на два младше, ниже ростом, щупловат, но напорист.

Для меня, только к семи годам начавшего познавать язык Пушкина и Достоевского, Ленька был авторитетом непрекаемым.

– Серик, кабшик ал, – сказал мой дружок, прихлопывая рукой по своей холщовой сумке, разукрашенной большими фиолетовыми чернильными пятнами.

Я знал, что ее он стащил у сестры-старшеклассницы, а то, что за это получит тумаков, Леньку не пугало.

Его знак был ясен: надо собрать сумку. Но у меня такой не было. Зачем, для чего, он не объяснял. Да я бы тогда и не понял. Ибо изъяснились мы, в основном, жестами, смешивая русские, татарские, казахские фразы. Тащу Леньку к своей бабушке.

Кстати, она тоже по-русски, как у нас говорят – «не бельмес». Но мигом, с помощью больших швейных ножниц раскроила мешковину и на ручной швейной машинке сшила вещь, подобную той, что висела у Леньки на плече.

Обход мы тогда начали с семьи Худенко, что жила на соседней улице, за нашими огородами.

– Христос воскрес! – выпалил Ленька с порога.

Степенно перекрестился и положил поклон в сторону угла, где за любовно расшитым рушником виднелся лик святой Богоматери. Попытался креститься и я.

– Воистину воскрес! – это уже тетя Поля приветствовала нас.

– А це, кто с тобой, Ленька, крестится? – указывая на меня, спрашивала хозяйка дома.

— Что молчишь-то? Говори, зачем пришел?

Меня она, конечно, знала, но ей хотелось меня разговорить.

— Крес на крес, совхоз «Прогресс», — не раздумывая долго, выдал я свой первый в жизни рифмованный экспромт.

Реакция была мгновенной. Тетя Поля от души хохотала, содрогаясь всем своим дородным телом.

— Ой, уморил! Ой, уморил! Крес на крес! Ой, не можу! «Прогресс» — то зачем приплел, зараза ты эдакий? — приговаривала она, утирая цветным фартуком слезы и тут же громко сморкаясь в него.

Успокоившись, тетя Поля подала нам пасхальные дары: пышные куличи, крашеные яйца, приговаривая:

— Бувайте здорови, хлопчики! Бувайте здорови!

Спрятав в свои сумки-холщовки гостинцы, мы с Ленькой шли к другим соседям. К вечеру у нас было полно всякой вкуснятины, которой мы потчевали своих домашних.

Лысуха

В конце пятидесятых неподалеку от Мамлютки, у небольшого озерка Степное, открылся откормсовхоз «Прогресс». Мой отец, как и многие наши соседи, работал там.

С этим хозяйством крепко связано мое детство. Мне было лет десять, и на летних каникулах я подрабатывал там на ремонте баз. Бригада женщин мазала стены, а я на лошади месил им глину. Был в подпасках. Кроме зарплаты привлекало то, что за мной, как за взрослым, закрепляли лошадь. Это обстоятельство было главным.

Кроме того, здесь была приличная конюшня. А к коням меня тянуло всегда. Всех их знал наперечет. Немало связано с ними интересных и забавных случаев. Один из них помнится и ныне.

Для обзезда многочисленных тогда гуртов крупного рогатого скота, за моим отцом по штату была прикреплена кобыла по кличке Лысуха. Она была неброской стати. Кличку свою, видимо, получила от узенькой белой полосы, с детскую ладошку, на лбу. В меру была резва. Однаково хорошо ходила в упряжке и под седлом.

На службу к отцу она попала по неписанным законам судьбы, и по стечению обстоятельств, которые миновать было просто невозможно...

...В тот летний день была отправка лошадей на Петропавловский мясокомбинат. На весовой их взвешивали, бирковали и по крутым деревянному трапу загоняли в «ЗИСы» — мощные по тем временам грузовики с высокими нашитыми бортами.

После погрузки водители пошли в контору оформлять проездные документы.

Я проходил мимо одной из машин. Вдруг на мою наголо стриженую голову что-то капнуло. Первое, что пришло на ум – воробей нагадил. Потрогал ладошкой – нет. Поднимаю голову и встречаюсь с огромными фиолетово-карими глазами Лысухи.

Просунув голову через решетки, она плакала. Крупные, с горшину, слезы катились по худым скулам, оставляя узенькую блестящую полоску-ручеек. Тогда Лысуха была тощей и больной.

Во мне как будто что-то надломилось. Впервые в жизни я видел, как плачет животное. Не раздумывая, рванул бегом в контору.

– Папа, там, в машине, Лысуха плачет! Не отправляй ее! – выпалил я отцу, выписывающему отгрузочные документы.

– Успокойся. Кто плачет?

– Лысуха.

– Какая Лысуха?

– Та, что в машине.

– Не может быть, – не поверил отец.

– Ахметович, давай быстрее нам бумаги – ехать надо, – торопил кто-то из водителей.

Будто не рассыпав их, отец почему-то пристально посмотрел на меня и поднялся со стула:

– Пойдем.

Так была решена судьба Лысухи. Благодаря стараниям конюха – доброго дяди Вани Лукьянова, через несколько месяцев она превратилась в прелестную лошадку и стала служебным гужевым транспортом моего отца. И мне частенько доводилось быть у него кучером. Горд и счастлив был тогда безмерно.

Мой ангел хранитель

Была весна. Мы, несколько подростков, по раскисшему, от растаявшего снега переулку, осторожно обходя лужи, возвращались домой с похорон отца одного из друзей. По молодости горе, наверно, и свое, и чужое, забывается быстро, от того шли оживленно о чем-то болтая.

Вдруг смотрю и не верю своим глазам: на крыше нашего сарая рядышком стоят двугорбый облезлый верблюд и наша корова Майка и аппетитно уплетают остатки, сложенного в копёшку, зимнее сено. Первая мысль – откуда в наших краях «корабль пустыни», знакомый только по картинкам? И как они на крышу-то умудрись забраться?

Спешу с вопросами домой. В проеме дверей, с большим знакомым топором в руке, стоит моя бабушка и грозно, что не в её характере, спрашивает:

– Ты где, сорванец, шляешься?

Пытаюсь оправдаться и сам потихоньку отхожу от нее подальше.

– Пока тебя дома не было, кто-то из чулана украл все остатки мяса. Как жить будем дальше? А?

Неожиданно моя любимая бабушка, размахнувшись, метнула в меня топор, что держала в руке. Машинально, боксерским нырком, уклоняюсь влево. Вращающееся оружие со свистом пролетает в миллиметрах от моего правого уха...

Я в ужасе закричал и ... проснулся. О, Аллах, хорошо, что это был хоть страшный, но сон.

Утром следующего дня молитвой в мечети и садака, помянул бабушку и отошедших в мир иной своих предков.

Буквально через несколько дней ночью на своей легковушке возвращался из Мамлютки в Петропавловск. На посту ГАИ меня остановил инспектор и попросил подвезти до города молодого человека в форме таможенника. В кабине было тепло, уютно. Мы с ним разговорились. Несмотря на позднее время, движение на трассе было оживленным.

При скорости где-то около 90 км в час и приближающейся встречной машине, ближний свет фар моего ВАЗа выхватил из темноты повозку с двумя седоками, беспечно движущуюся в попутном направлении. Тормозить было бесполезно. Обогнать сле-

ва – встречная, справа – кювет. В доли секунды чья-то невидимая рука уверенно направляет мою машину между встречной и телегой. Помню застывшие от ужаса глаза мужчины и женщины, и отпрянувшую в сторону гнедую лошадь. От встречной и повозки нас отделяли сантиметры...

Пассажир молчал, крепко схватившись за дверную ручку. Чувствую, как онемели пальцы моих рук на руле. Чудом мы избежали трагедии. Чудом остались живы...

И вспомнился мне недавний сон, окрик покойной бабушки, свистящий топор и мой спасительный нырок влево...

Спектакль

Душным июньским днем на одной из улиц меня, спешащего по нескончаемым бренным делам, окликнула старая цыганка в цветастой, накинутой на плечи, шали:

– Сынок, угости сигареткой, родной!

Машинально, не приучившись отказывать в таких случаях, протягиваю ей открытую пачку.

– Вижу, хороший ты человек, – не меняя интонации, умело прикуривая и сладостно затягиваясь, продолжила она, – А хочешь, погадаю и всю правду про тебя расскажу! Ни копейки не возьму. Не золоти ручку, не надо.

Правды я не захотел. Уже потом ее цветастая шаль напомнила мне один случай из жизни.

В начале девяностых в городе были проблемы с алкогольной продукцией. Водку в магазинах продавали только по две бутылки на человека. Если свадьба – требовали справку из загса, если поминки – документ из похоронного бюро. Словом, спиртное было в дефиците.

С раннего утра у одной винно-водочной лавки образовалась длинная, угрюмо-пестрая очередь. Мужиков, страждущих потушить горящие шланги, прибывало с каждой минутой. Стояли молча.

Вдруг гнетущую тишину нарушил цокот копыт. Резвая вороная трехлетка, запряженная в легкий ходок на резиновом ходу, гарцуя, направлялась прямо к заветному зарешеченному окну.

Сонная, с бодуна, очередь встрепенулась.

– Эй, ты, цыган, куда, паскуда, прешь! – набычившись, встал грудью перед лошадью щетинистый верзила. – Видишь, люди стоят...

– Трр-рр, Машка! – натянул вожжи бородатый цыган средних лет.

Вороная, всхрапывая, встала, как вкопанная. Бородач проворно спрыгнул с тарантаса, отошел чуть в сторону и плетенным длинным кнутом резко, с оттяжкой, полоснул по спине сидящей в повозке цыганки в цветастой длинной шали. Та взвилась свечкой, взвизнула, залопотала что-то на своем, запричитала, но с телеги не убежала. А цыган: «Я тебе говорил: купи «Столичную», а не «Московскую»! Куда теперь я ее дену, если не примет магазин! Убью, зараза!».

– Эй, брат,— не выдержал кто-то из слабонервных обитателей очереди, — чо, ты бабу-то убиваешь почем зря! Продай нам лучше эту водку!

– И то, правда! — прекратив избиение и сверкнув злыми глазами, выдохнул цыган. Он как будто этого предложения и ждал.

Мужики рванули к повозке. Десятки рук взметнулись к цыганке, протягивая мятые трешки и пятерки. В давке кого-то снесли с ног. Не обращая внимания, что его могут затоптать, мужик неистово орал:

– Без сдачи дай мне бутылку!

Вмиг два ящика «Московской», а это 40 бутылок, были распроданы.

Счастливцы, ошалевшие от радости, на зависть очереди, осторожно прижимая белоголовые бутылки к груди, растворились в толпе.

Тем временем цыган сел в повозку, круто, на месте, развернул вороную на 180 градусов, хлопнул ее вожжами и громко гикнул:

– Н-ноо-оо, пошла родная!

Кобылка как будто ждала этой команды. Взяв резво с места, вытянувшись в струну, она растелилась в красивой рыси. Через минуту перед поворотом прощально мелькнула цветастая шаль цыганки.

Вопли, маты и проклятия в адрес цыгана были потом, когда кто-то из покупателей глотнул из одной распечатанной «Московской». Там, как и во всех проданных, была... обыкновенная водопроводная вода.

Спектакль был сыгран блестяще!

Когда бастуют доярки

Дело было летом. Тогда я работал литературным сотрудником в Мамлютской районной газете «Знамя труда». Помню, перед моим очередным отпуском редактор В.И. Казанцев попросил подготовить небольшой запас корреспонденций и снимков. При кучем штате моя персона была выгодна редакции, ибо в отличие от других творческих работников, я умел сносно пользоваться своим дембельским фотоаппаратом ФЭД. В командировку обычно посылали двоих: литсотрудника и фотокорреспондента, а яправлялся один. Поэтому на районный слет передовых доярок послали меня, дескать, и снимки сделаешь, и зарисовки напишешь.

Слет проходил в актовом зале райкома партии. Решив, что на такое мероприятие отстающих не привезут, начал снимать всех подряд – потом сгодятся. Сфотографировал и доярку одного известного совхоза, побеседовал с ними, записал фамилии, показатели и так далее. В редакции сделал фото, написал текстовки, отдал в секретариат и с чистой совестью ушел в отпуск.

Двадцать четыре дня пролетели, как один. Не успел появиться на работе, вызывает редактор:

– Вовремя ты вышел. Дуй в совхоз, найди директора, он тебя ждет. У него забастовка. Досятки второй день не выходят на работу. Коровы не доены. Виноват – ты. Разберись на месте. Понял?

– Ничего не понял. Причем здесь я?

– Досярок этого совхоза снимал?

– Снимал.

– Почему самую отстающую сфотографировал? Подруги-досятки обиделись, мол твое фото в газете дали, значит ты лучшая из нас! Тогда и работай, а мы не будем!

– А почему директор совхоза привозит на слет передовых доярок отстающую? Где логика? – пытаюсь парировать.

– Не философствуй, а поезжай. Понял?

Машину редактор не дал. Пришлось добираться на своем мотороллере.

– Ну, брат, заварил ты кашу, – «наехал» на меня у совхозной конторы встретившийся директор. – Досятки бастуют, сидят дома... Второй день коровы не доены. От их рева в базы зайти страшно. Что делать не знаю.

– Это Вы кашу заварили, когда на слет передовых доярок привезли отстающую. На кой черт ее везли-то?

– Да ты знаешь, честно говоря, кворума не хватало. Она под рукой оказалась...

– А я причем?

– Успокойся, с редактором я договорился, тебе ничего не будет. Узнает об этом райком – мне не поздоровится – ты же знаешь Кузьмина (первый секретарь).

Наконец-то до меня начал доходить хитрый ход директора.

– Тут недалеко, давай проедем на моей машине, поговори с дядками по душам – может, выйдут на работу.

Говорить пришлось с каждой одному, а директор, дав мне их адреса, сославшись на занятость, укатил по своим делам. Доярки в начале молчали. Мало-помалу разговорились. Оставалось только слушать. Оказывается, виновница всей этой шумихи женщина приезжая, ладная, молодая и одинокая. Выяснилось, что директор был к ней неравнодушен. В деревне же все на виду. Бабы узнали об их связи. Работает так себе, а всегда в почете, премии получает, на слеты и семинары ездит. А тут горбатишься годами и внимания никакого. Зависть не давала им покоя. Нужен был повод. Чашу терпения переполнило фото директорской зазнобы в газете. Вот и пошло-поехало...

Конфликт тогда был улажен. Уже потом, при встречах, директор хитро подмигивал мне и улыбался...

Арест

Весной семьдесят четвертого года завком профсоюза машзавода премировал меня бесплатной путевкой в один из профилакториев Алма-Аты. Места были дивные. Высоченные тянь-шаньские ели на белоснежных склонах Алатау после наших белоствольных берез были сказочно прелестны. Чистейший горный воздух. Катание на горных лыжах. Прекрасной была и кухня профилактория. Вечером местный затейник-культмассовик такие дискотеки закатывал! Что еще надо молодому человеку для полного счастья? Но, оказывается, жажду приключений в этом возрасте утолить не просто. Через неделю захотелось в столицу. Повод был. В те дни на Медео проходил чемпионат Европы по конькобежному спорту среди женщин.

Особенно настойчиво настаивал на поездке сосед по номеру – бывший матрос Балтийского флота Леха. После нелепого конфуза

он стал объектом острых приколов и шуток отдыхающих. А произошло вот что.

После обильного обеда мы остановились в фойе спального корпуса понаблюдать за игрой шахматистов. Пять или шесть мужчин средних лет играли «на интерес». Кто проиграет – едет в город за водкой. А это 25 км только в одну сторону на такси. В копейку влетал проигрыш. Поэтому и была напряженная тишина. В это время через фойе проходила молодая эффектная женщина в черном трико в обтяжку. При небольшом росте всех поразил контур её бедер при узкой талии. Среднему мужчине с нормальными руками обхватить их было бы весьма проблематично.

Челюсти у мужиков отпали. Все онемели, да так и остались с открытыми ртами. Не выдержал только матрос:

– Вот эт-тт-то задний мост?!

Услыхав нахальную реплику, дама остановилась. И, бросив оценивающий взгляд на моряка, эффектно бросила:

– Да не твоим, дурак, карданом его крутить!

Дружный, громкий и одобрительный мужской гогот потряс стены здания:

– Вот молодец! Отбрила так отбрила дурня!

Хохотали долго. На ужин и дискотеку бравый моряк в тот день не пошел.

К полудню следующего дня мы были на Медео. Вход на ледовый стадион был свободен. Но по периметру беговой дорожки было выставлено двойное оцепление – кольцо из солдат и кольцо из милиционеров. На трибунах народу было маловато. Облюбовав место с хорошим обзором, сделал на память несколько панорамных снимков. Был второй день соревнований. Стройные, высокие и мощные конькобежки, в разноцветных облегающих костюмах, потрясающе резали искрящийся лед знаменитого катка. Леха после вчерашней осечки созерцал их молча. Особенно эффектно смотрелся старт на «пятисотке».

Вдруг слышу, диктор стадиона объявляет, что мисс чемпионата единодушно признана западногерманская конькобежка Моника Пфлюг, которая в тот момент готовилась к старту и в знак приветствия помахала руками. Зрители одобрительно аплодировали спортсменке. Она была, действительно, поразительно красива внешне и хорошо сложена. Задумался, как бы её портретный снимок сделать? Эта идея требовала поиска форм реализации. Оглядываюсь по сторонам. Бросилась в глаза вывеска «Ложе для прессы». В те годы мой старший брат работал собкором Казрадио по Алма-Атинской области. Не думал и не гадал его здесь встретить.

После взаимных расспросов и ответов, прошу у брата его пропуск «вездеход», чтобы Монику сфотографировать. Беспрепятственно пройдя через два кольца оцепления, начинаю снимать своим «Феликсом» – ФЭДом спортсменку, которая, в свою очередь, фотографировалась на память со своими подругами по команде. Для надежности несколько раз менял экспозиции и точки съемки. Только собрался уходить, вдруг кто-то хлопает меня рукой по плечу:

– Молодой человек, следуйте за мной!

Оборачиваюсь и вижу удаляющуюся спину высокого седовласого мужчины в сером демисезонном пальто и в каракулевой папахе. Он уходил, не оглядываясь. Про себя думаю: «Уходишь – хорошо. А я пойду своей дорогой». Только сделал разворот от таинственного незнакомца, как мои руки были сдавлены, как клещами. Не успел «ойкнуть», как один из двух крепких молодых ребят прошипел на ухо:

– Не дергайся, следуй за папахой, молча.

Я – за ним. Двое – за мной. В такой очередности и зашли в какой-то кабинет под трибунами стадиона.. Первый вопрос незнакомца:

– Ваши документы?

Протягиваю ему спецпропуск на имя брата.

– Это же не Ваш документ. Где Вы его взяли?

– Одолжил на время ...

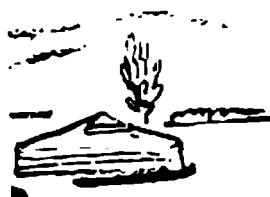
В это время в кабинет вбежал растерянный брат:

– Товарищ полковник, простите, это мой братишка из Петровского. Попросил Монику сфотографировать на память. Вина моя. Извините.

– То-то я смотрю, незнакомый фрукт. С допотопным ФЭДом среди наших и скандинавских фотокорров белой вороной выглядит. У них же аппаратура с полуметровыми объективами. А этот не пойму: то ли китаец, то ли японец...

Мне повезло, что брат с трибуна видел весь процесс моего ареста бдительными сотрудниками комитета государственной безопасности. Могло быть хуже. Парни, оказывается, серьезные.

А снимок Моники получился просто великолепным!..

Сеилхан

– Агатай! Нурсулу украли! Увезли на паре лошадей! В кошевке! – выдохнул соседский мальчуган. И, широко распахнув дверь дома, застыл безмолвно в клубах морозного пара у порога.

– Как украли? Кто украл? – поперхнувшись вечерним чаем, грозно и невпопад, зачем-то спросил Сеилхан. И когда до него дошло, что речь идет о его дочери, выскоцил из-за стола и заревел на весь дом, как раненый медведь:

– Убью-ю-ю-ю-у-у! Где моё ружьё? Застрелю скотину! Закрой дверь, сопляк!

Мальчионку как ветром сдуло. Сеилхан в растерянности и гневе метался по дому. То одевался, то раздевался, то садился, то вставал. И при этом успевал крыть трехэтажным матом ни в чем не повинную жену. Домашние в испуге попрятались по комнатам.

Его старшая любимая дочь – ладная и красивая Нурсулу, была на выданье. Втайне от всех Бабахан дал согласие отдать ее в жены одному овдовевшему областному начальнику за хороший калым. Узун кулак бумерангом, видимо, донес эту информацию и до его семейства. Часть деньгами он уже получил и израсходовал. И одна только мысль, что их, возможно, придется возвращать, приводила его в ярость.

– Убью сучку, убью-ю-у-у! – продолжал он кричать, сотрясая воздух мощными кулаками.

«Догнать и вернуть дочь. И все станет на свои места» – эта спасительная мысль отрезвила его.

– Эй, хатын, седлай быстро Кокдаула, пока я оденусь.

Жена тенью скользнула во двор. Надежда была только на коня. Не раз серый в яблоках жеребец выручал его. За ночь на нем Сеилхан за сотню километров пригонял подготовленных сообщником трех-четырех краденых лошадей, привязав их гуськом за хвост Кокдаула. Верный конь уносил его и от цыганской погони, и лихих барымтачей. А кони у них были добрые.

Теперь самым главным было узнать, в какую сторону умчались беглецы.

– Зови этого сопляка сюда, живо! – гаркнул он одной из дочерей. Вскоре она привела за руку напуганного, упирающегося мальчионку. Он был уже не рад, что принес эту весть. Из его бесполкового лепета Сеилхан все же кое-что понял.

— Ах, подлец,— только это и сказал. Теперь он знал, кто похитил его дочь. Это сын Каиржана из райцентра. Недавно все крутился возле его дома. До райцентра было километров тридцать. За полчаса далеко не ушли. Догоню.

Забросив двустволку за плечо, Сеилхан, несмотря на своё грузное тело, легко взлетел в удобное старинное казахское седло. Застоявшийся Кокдаул, с места пошел наметом под уверенной рукой хозяина...

...Мы жили в райцентре. Упомянутый Каиржан был нашим соседом. Поэтому информационное сообщение было отложено.

В тот самый зимний вечер «охов» и «ахов» в нашей семье было немало. До нас, детей, доходили лишь непонятные отрывки разговоров старших. И все о нем, о Сеилхане. Будто он в кого-то стрелял из двустволки, верхом на лошади за кем-то гнался, кого-то избил. Детское воображение рисовало эдакого разбойника с большой дороги, лохматого бородача, увенчанного оружием. И мне очень захотелось его увидеть.

Случай вскоре представился. Через несколько дней стало известно, что родители собираются к Каиржану на свадьбу, где главным сватом будет Сеилхан. На это мероприятие напросился и я:

— Хочу увидеть Сеилхана!

Родители посмеялись над моим желанием и согласились взять меня с собой.

Дом Каиржана был полон гостей. Свадьба была в разгаре. За низким и круглым столом на самом почетном месте, сидел, сверкая белками глаз, круглолицый, красный, видимо, от выпитого вина или от домашней духоты, полноватый крепыш-казах, лет сорока. На его бритой голове, вместо традиционной тюбетейки, был туго натянутый с завязанными уголками и потемневший от пота, носовой платок. Лицо лоснилось от жира. Засаленными руками с короткими пухлыми пальцами, он ловко выбирал с блюда куски конины с сочнем и переправлял их в большой рот. Ел он молча, и с видимым удовольствием, изредка бросая взгляды на окружающих. Это и был Сеилхан. Почти таким его я и представлял.

Рассказывали о его крутом характере. Сгоряча единственного сына-подростка, пасшего за него скот, стащил за ногу с лошади и ударил насмерть о землю только за то, что мальчишка допустил пограву посевов колхозной пшеницы.

Работал пастухом. Был предприимчив. Слыл хлебосольным хозяином, водил дружбу с районным начальством. Наверное, поэтому в начале шестидесятых, когда у многих в округе не было в хозяйстве и велосипеда, Сеилхан купил новый «Москвич-407».

На зависть многим с трудом, но постиг премудрости вождения автомобиля. Асфальтированных дорог тогда не было. По проселочным же в весеннюю и осеннюю распутицу, по снежным заносам зимой можно было проехать только на гусеничном тракторе. Это были времена, когда район обслуживали два-три милиционера, в служебные обязанности которых входил и контроль над немногочисленным автотранспортом.

Естественно, в такой ситуации автомашиной, к тому времени уже местами помятой и заметно потрепанной, пользоваться Сеилхану можно было только летом, да и то в сухую погоду. Что греха таить, за руль он нередко садился и под хмельком. Стражи порядка предупреждали его. Но не ездить он не мог.

В один прекрасный день в кабинет начальника районной автошколы Сеилхан явился с одной из своих совершеннолетних дочерей. Бросил на стол начальника пачку банкнот и, показывая пальцем на девушку, изрек:

– С этой дочка делай шопр! Понял?

В этой фразе был весь Сеилхан.

Фото Брежнева

В те годы газета «Целинная нива» – орган Целинского райкома Компартии Казахстана – версталась и печаталась в соседнем районном центре Тимирязевской типографии. Известие о кончине Генерального Секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева застало меня в корректорской. Хорошо помню, это было 10 ноября 1982 года, морозный день поздней осени. Около пяти часов, подписав номер в свет, собрался было домой, в Аксут. Но вдруг затренькал старый телефон. Поднимая трубку. Звонит зав.сектором печати обкома партии Николай Павленко. Как он меня нашел в корректорской другой газеты – ума не приложу.

– Ты подписал первую полосу?

– Да. Номер уже печатается.

– Снимай первую, делай ее в траурной рамке, с портретом. Информационное сообщение, заключение медицинской комиссии о причине смерти и другие документы возьмешь у Кусаинова, он их уже получил. Понял?

– Понял, – ответил я ему, ибо возражать тогда, было не принято, а про себя ругнулся крепко: столько труда наスマрку. Кроме этого предстояло несколько непростых часов напряженного труда, вместо предвкушаемого ужина в кругу семьи.

Получил распоряжение и редактор Тимирязевской районки Марат Кабдулович Кусаинов. Захожу к нему за материалами и застаю его за усердным листанием подшивки журнала ЦК КПСС «Партийная жизнь». Всегда уверенный в себе, энергичный Маке выглядел немного растерянным:

– Понимаешь, Серик, портрет Брежнева подходящий не могу найти...

– А клише тассовских нет?

– Есть вот один старый и Ильич здесь только с тремя звездами. А у него-то больше. Сколько, не помнишь?

– Кажется, четыре или пять, – напрягаю память, а проблема, что мне тоже срочно нужен снимок, не дает сосредоточиться.

– Четыре. Одна Звезда Героя Советского Союза, а три – Героя Соцтруда.

– Точно! – воскликнул мой коллега, – вот нашелся и портрет. С журнальной обложки на нас смотрел моложавый, с джокондовской улыбкой густобровый генсек.

– Маке, радуешься, будто клад нашел, может, обмоем сразу?

– Нет, Секе, давай сделаем номер, потом можно, – на полном серьезе отвечает Кусаинов на мой горький юмор.

В те годы в каждой редакции районной газеты клише со снимков изготавливали на специальной цинковой пластине с помощью станка-автомата ЭГА. Зачастую эта техника была не совсем отрегулированной и по этой причине оттиски с этих клише на газетной полосе без умелой ретуши были размазанными, грязными. А пластмассовые клише, присланные из ТАСС или КазТАГа, давали великолепные оттиски.

Фотокорреспондент, он же станочник, в одном лице, мигом справился с заданием. В типографии сделали пробный оттиск.

Брежнева узнать можно было только по необыкновенным бровям и четырем белым пятнам на груди, то были звезды.

Тем временем, не мудрствуя лукаво, для своей газеты я воспользовался тассовским клише, где Брежnev был с тремя Звездами. Уже поздно ночью, подписав перевернутую первую полосу в печать, собрался домой. Остановил Кусаинов:

– Секе, давай доедем на твоей машине до Сеитова (секретарь райкома партии по идеологии) надо посоветоваться...

Тиснув для верности еще раз первую полосу, свернув ее в трубочку, едем на квартиру Каракана Сеитовича. Повергнув полосу так и сяк, он спросил:

– А што дали целинники?

Вопрос сей означал: сколько звезд на груди у Брежнева в «Целинной ниве» будет в завтрашнем номере.

— С тремя. Номер уже печатается.

— Ты печатай с четырьмя! За искажение правды — отвечать им, — мудро изрек Сеитов. Он подстраховался: за размазанное на полосе фото наказания могло и не быть — нет технических условий, а за три Звезды, вместо четырех — выговор запросто можно было склонить.

Мой риск оправдался. В райкоме ошибку или не заметили, или не захотели выносить сор из избы. Портрет же Л.И. Брежнева на первой в траурной рамке странице смотрелся, как в «Правде», качество печати которой всегда было на высоте.

Вот такие были времена...

Шужук

Каждый раз за достарханом, в гостях или дома, когда вижу нашу традиционную домашнюю колбасу из конины — шужук, вспоминается вот эта картинка детства.

Как-то летом, родители, поднакопив денег, решили перекрыть деревянную крышу нашего дома рулероидом или, как называли его тогда, — толью.

Мы, пять-шесть подростков, принялись дружно сбрасывать с крыши на землю прогнившие остатки земляных пластов, уложенных на прутья местного тальника. Вдруг под одним из пластов нахожу твердое, как железо, черное и пыльное, морщинистое колесико диаметром сантиметров пятнадцать. По коротенькой, обструганной ножом палочке и затянутым ниткам, догадываюсь, что это шужук. Как он сюда попал?

Находку показываю бабушке:

— Ой, бай, айналайын, это действительно шужук. И это моя работа — видишь, завязка нитки какая? Сейчас я вам его отварю, мои золотые...

Происхождение неожиданной находки бабушка объяснила потом. Оказывается, лет десять назад, сломавшую ногу лошадь, пришлось прирезать. Было лето. В те годы морозильных камер и холодильников не было и в помине. Как сохранить такую массу мяса? Часть продали соседям, оставшуюся, бабушка по старым рецептам засолила, дала отстояться, подкоптила на березовом дыму и развешала в чулане и на чердаке. Один из многих шужуков так и остался незамеченным под пластами крыши.

... Уже вечером, управлявшись с работой, мы, подростки, за достарханом с аппетитом уплетали вкуснейшее жаркое из шужука десятилетней давности. Аромат копченой конины был, как всегда, неповторим. А бабушка только скромно улыбалась...

Как мы похожи...

Как порой похожи мы на своих братьев меньших.

Помню детскую картинку. Наш двор. Лето. Среди разномастных кур выделяется импозантный, с яркой окраской петух: лохмоногий, гордо несущий свой алый гребень, украшенный рубцами от старых ран.. Изредка разгребая ногами землю, он горделиво осматривал свой многочисленный гарем. В другом конце двора среди несушек старались быть незаметными два молодых его собрата. Когда старый петух начинал клевать что-то в земле, они тут же начинали приставать к курочкам и обычно добивались успеха.

Взрослые ребята, куражая ради, насильно напоили лохмоногого вином и отпустили. Оно ему явно не понравилось. Раскрыв клюв, он судорожно дергал шеей, мотал головой, сопел. Немного погодя – успокоился. Вдруг ни с того, ни с чего захлопал крыльями и закукарекал. Да, видимо, не совсем правильно, ибо все курочки дружно посмотрели в его сторону.

Хмель брал свое. Шаткой походкой импозантный кавалер, опустив одно крыло, стал кружиться возле одной из курочек. Та, бросив свои занятия, изумленно уставилась на старого ухажера.

Он явно принуждал ее к связи. Видимо, пьяных не терпят и куры. Не получив согласия, Петя отошел от своей избранницы и стал приставать к другой...

Этот эпизод из деревенской жизни я вспомнил недавно. На автобусной остановке седовласый, прилично одетый мужчина, явно «подшофе», подобно нашему Пете, приставал к женщинам.

Стало грустно: как мы похожи...

Слезы Красули

Купить Красулю меня уговорила мама. Она, как всегда, рассудила мудро:

— Жить в селе, растить детей и не иметь корову — негоже. Нет денег? Их всегда не хватает. Займи — потом постепенно рассчитаешься.

С Красулей в мой дом пришел достаток. Она была красной масти, крупной и солидной для животного этой породы. Покладистая, в меру упитанная, с аккуратными рогами, подобно обычному ухвату для горшков. Литров тридцать в сутки давала молока. Масла, сметаны, творога было вдоволь. Ежегодно в марте она приносила по теленку, а однажды, редкий случай, даже двойню.

Испокон веков корова была кормилицей многодетных семей. Кружка парного молока и ломоть пахучего свежеиспеченного домашнего хлеба для нас, босоногой детворы, были зачастую и сытным ужином и завтраком. А какой вкуснятины были остатки сметаны в запчастях сепаратора при его разборе после сепарирования!

Помню, у татарского народа, на свадьбах, был, сейчас уже подзабытый, красивый традиционный свадебный обряд. Это сейчас невесту в дом жениха привозят на шикарных лимузинах. А в шестидесятых свадебный кортеж состоял из гужевого транспорта. Наряженная разноцветными лентами, со звонким колокольчиком на дуге, тройка или пара лучших лошадей колхоза, запряженных зимой в розвальни, а летом — в легкий ходок с молодоженами, в сопровождении всадников, лихо подкатывала к дому жениха. И на землю сходила невеста, обязательно облокачиваясь на специально подведенную для этой цели корову, которую обычно держал на поводу мальчик. Обряд означал, что сноха должна быть покладистой, плодовитой, молочной как это благородное животное. Все это происходило в окружении родственников молодых, соседей, друзей, которые шумно выражали новобрачным свои добрые шутливые прибаутки-пожелания под темпераментную мелодию голосистой гармони...

Но вернемся к героине моего повествования. Прошло несколько лет. Красулю сглазили. Большое, с темно-синими прожилками вен, с крупными сосками вымя, притягивало взор и вызывало черную зависть у многих соседей. Кто-то, самый жестокий из них, однажды забредшую к нему во двор Красулю, бил, видимо, вилами,

стараясь попасть по вымени. Это ему удалось. Оно распухло, со-
ски кровоточили. Пригласили ветеринара. Он был немногословен:

— Вылечить можно, но молока не будет. Сдавайте в совхоз или
прирежьте на мясо, пока она не похудела.

Под нож пускать было жалко. На семейном совете решили:
сдать кормилицу в совхоз. С земельной кучи возле дома Красуля,
без понуканий, взошла в кузов грузовика. С подножки машины
пытаясь привязать поводок за угол борта и встречаюсь с огром-
ными фиолетовыми глазами Красули. По ее щекам текли крупные
горошины слез... У меня хватило сил только сказать ей:

— Спасибо тебе. Прости...

На взвешивание не поехал — не мог. После Красули все мои
попытки завести корову были тщетны: или заболеет, или оклеет.
Одну даже током убило. Еще один необъяснимый факт: со дня про-
дажи Красули моя двухлетняя дочь, сейчас уже взрослая, молоко
совсем не пьет.

Майтабан

На мокрого, дрожащего от холода, размером с рукавицу щенка,
в темноте дождливой осенней ночи Кабиден чуть не наступил но-
гой. Пожалев живую тварь, завернул его в подол своего брезенто-
вого дождевика и принес домой.

— Какая же это безжалостная душа выбросила его на верную
погибель в такую погоду? А, может, заблудился? — ворчал он, от-
ряхивая в сенцах от дождя верхнюю одежду.

Тридцатилетний Кабиден, мой будущий отец, был единствен-
ным оставшимся в живых сыном престарелых Ахмета и Тортай.
Они беззаботно любили своего последыша-копея и, естественно,
строили планы его женитьбы, негласно подыскивая подходящую
невесту из хорошей семьи. Выбор был. Одна из них весной долж-
на была войти в шанырак Ахмета долгожданной снохой. И сваты
были хорошие. А это обстоятельство было немаловажным, если не
главным.

Старики были суеверны и любое малозначимое событие в се-
мье соотносили к добрым знакам предстоящей свадьбы. По край-
ней мере, им очень этого хотелось. Поэтому найденышу они были
рады и тут же, словно сговорившись, назвали щенка Майтабаном,
дословно — масляная подошва, а в вольном переводе счастливая
нога.

— Ой бай, Тортай, налей в кумган скорей теплой воды и подай мне наш медный тазик,— командовал Ахмет, стараясь особо не показывать проснувшиеся вдруг родительские чувства: сын вырос, пора бы и внуков нянчить. А тут какой, ни какой, а детеныш.

— Ишь ты, папаша нашелся,— отвечала ему между делом Тортай,— посмотрю, как завтра своих-то внуков будешь купать!

— О, Аллах, дай мне возможность заниматься только воспитанием внуков всю оставшуюся жизнь!

Вот такова история появления в нашей семье Майтабана. И вправду, сбылись молитвы стариков, как и планировали: вскоре Кабиден женился. Моя будущая мама Жамал пришла ко двору моим предкам: пятерых внуков подарила она Ахмету и Тортай. И эту радость они связывали с появлением в их доме Майтабана. Поэтому он рос вольным. Беспородный пес был смуглым и добрым охранником. Ребятишкам он позволял все. Мы ездили на нем верхом, запрягали его в санки, катал он нас на буксире на лыжах. Забавных случаев с ним было немало, но особенно запомнился один.

Через улицу жили старики Тлямовы. Дед Нурагай со своей старухой держали корову. Летним вечером бабка, пропустив молоко через сепаратор, крынку со сметаной поставила в кладовку, дверь которой закрыть забыла. Этим и воспользовался Майтабан. Воришку за лакомством бабка застукала на месте преступления. Он был уже близок к завершению своего пиршества. И когда старуха огрела его клюкой, Майтабан рванулся, а вытащить голову из крынки не смог. Так и заметался он по кладовке, тычась во все стороны. Хозяйка, несмотря на свой почтенный возраст, оказалась проворной. С головы метавшегося ослепленного пса она ловко сняла посудину. Крынка была спасена. А белоголовый Майтабан, с капающими остатками сметаны, рванул из кладовки прочь.

Токал

Сразу за нашим огородом – озеро, заросшее джунглями камышей. Издавна здесь гнездятся, выводят птенцов и ставят их на крыло десятки видов пернатой дичи. Летом кваканье миллионов лягушек, крики быстрых чаек, гоготанье степенных гусей, уханье медлительной выпи, курлыканье длинноногих красавцев журравлей, кряканье юрких уток, посвист шустрых куликов – все это сливаются в единую неповторимую фантасмагорию. Нашли здесь пристанище и гордые пары лебедей, цапель, разных видов казарки.

Рядом с дикими собратьями росла и домашняя птица моих односельчан. В немалом подворье нашего хозяйства были две светло-коричневые уточки и крупный селезень с темно-фиолетовыми полосками на крыльях. Как-то по весне, в незаметном уголке старого сарая, украдкой, уточки облюбовали место и сели парить. Неделю селезень был во дворе. Одиночество, видимо, тяготило его. И однажды он исчез.

Дней через пять утром объявился. Да не один. За ним по протоптанной птицами тропинке, семенила маленькая, с рукавицу, серая шейка – дикая уточка кряква. Она настороженно крутила головкой по сторонам, готовая в любую секунду взлететь. Только уверенное селезиное «кря, кря»,казалось, успокаивало ее.

– Смотри, смотри, – увидев в окно любовную парочку, усмехнулся в усы отец, – токал – вторую жену – привел наш пропавший селезень. Ах, зараза, ах ловелас старый! Не выходите во двор – спугнете молодую. Пусть привыкнет.

Тем временем перед дверью сарая уточка в нерешительности остановилась. Кавалер ее что-то по-своему крякнул и медленно двинулся к двери. За ним покорно направилась и токал.

Прошло несколько дней. Ей, видимо, понравилось у нас.

По утрам влюбленные дружно шествовали на озеро, а вечером по тропинке топали домой. Вскоре токал под кучей старых досок, сваленных в углу сарая, тоже села парить. Жених был ей верен. Как истинный джентльмен сопровождал ее на кормежку, отгонял от нее любопытных кур. Своих старых подруг он уже не замечал.

Наш флегматичный селезень еще больше изменился, когда токал впервые вывела из-под досок восемь темненьких, с желтыми пятнышками, утят. Любовь к серой шейке, ежедневные семейные хлопоты, заметно активизировали его. Он явно сбросил вес, стал

энергичен и подвижен. Смело, шипя, бросался, распластав крылья, на своих старых друзей: нашего пса Майтабана или кота Барсика, когда они близко подходили к его семейству. Такое за ним раньше не замечалось.

Утятка росли быстро. Днем родители водили их на озеро, а вечером, как по расписанию, в одно и то же время, возвращались домой. Интересно было за ними наблюдать. Старые наши утки свои выводки водили вместе. А строй утят токал селезень возглавлял сам.

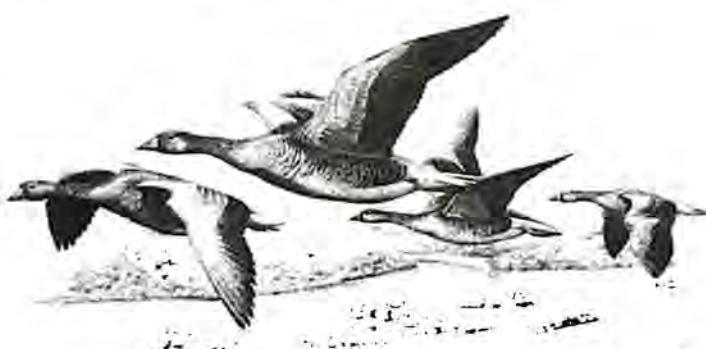
Близилась осень. Токалята заметно подросли и вскоре начали вставать на крыло. Все-таки природа берет свое. Объединившись в стаи, водоплавающая дичь на озере делала пробные облеты. В их числе была со своим выводком и наша серая шейка. Селезень так летать не мог. Это его явно тяготило.

Однажды вечером с озера он вернулся один. Поникший. Отказался от насыпанного в корытце зерна. К прежним подругам не подходил — держался особняком. На озеро не ходил. Спрятав клюв под крыло, подолгу простоявал в сторонке.

Прошло несколько дней. В обеденное время вдруг, как обычно, строем токал ввела во двор свое потомство. Уточки были удивительно похожи на мать. Различить их мог только отец, наш старый селезень. Это надо было видеть. Он радостно и часто закрякал, задергал головой, перебирая лапками. Не менее говорливы были и остальные. Но не прошло и пяти минут, как стая, словно по команде, подняв во дворе облако пыли, взмыла в небо. Надсадно тяжело замахал крыльями и наш селезень. Сил ему хватило только перелететь через низкий забор. Грузно упал он в бурьян.

Тем временем стая совершила прощальный круг над нашим домом и вскоре, набирая высоту, исчезла за крышами соседних домов.

Селезня я нашел мертвым...

Обувь надо метить

С Бирлесом Исмаиловым дружим давно, с комсомольской юности. Тот новый год встречали семейно, у меня дома. Кадиша, постаралась на славу – достархан был обильным. Было весело.

Поздно, перед встречей Нового года по Москве, к нам ввалились наши общие друзья – супруги Рахимовы с Амантаем – двоюродным братом Марата. Как говорится, еще посидели, попили, поели, попели. Вскоре, гости засобирались домой. Исмаиловы остались ночевать.

Утром после чаепития, вижу: Бирлес с трудом натягивает на ноги свои зимние сапоги. При этом что-то недовольно бормочет:

– Сапоги вроде мои, но не лезут. Пальцы не выпрямляются...

– Опухли, наверно, от водки, – язвительно замечает его жена Шолпан.

Бирлес молча сопит. Снимает оба сапога и поочередно внимательно их рассматривает со всех сторон. После нескольких минут детального изучения решительно заявляет:

– Мои. Но почему жмут?

– Пройдешься по улице – разойдутся. Наверно, рассохлись возле батареи. Или водочкой обрызгай – и у сапог сушняк бывает, – не удивляется Шолпан, с трудом удерживаясь от смеха.

– Всё-то ты знаешь, – вяло огрызается Бирлес.

На другой день разбудил ранний телефонный звонок. Поднимаю трубку – Бирлес:

– Сапоги жмут, ходить невозможно. Дай мне телефоны Марата и Амантая, может, они спутали сапоги?

Звоню упомянутым друзьям, мол, посмотрите, не чужие ли у вас сапоги. Каждый из них клянется и божится, что они ушли от нас в своей обуви. Обрисовывают детально стельки, замки, цвет и качество кожи, фурнитуру и так далее. Одни были куплены в Алматы, другие – на Петропавловской «колхозке». Не верить им невозможно. Но почему тогда жмут сапоги у Бирлеса?

Прошло еще несколько дней. В проверку обуви подключились жены и дети участников новогодних посиделок. Коллеги по работе заметили изменившуюся походку Бирлеса и раздраженность, что ему не присуще. Вскоре от боли в ногах он слег...

Так уж случилось, в середине января в фойе одного учреждения Бирлес случайно встретил Марата. Поздоровались. Разговор

не клеился. Бирлес посматривал на ноги Марата. Последний, заметив это, бросил взгляд на ноги товарища. Сапоги были абсолютно идентичны. Одного фасона, одной фабрики.

— Скидай сапоги, сволочь, — глухо произнес Бирлес, а сам тут же, присев на подвернувшийся стул вахтера, начал снимать свои.

И как потом вспоминал Марат, Бирлес, наконец-то, найдя свою обувь, переполненный чувствами, счастливо улыбаясь, только и произнес:

— Уф-ф!! Как хорошо-то моим ногам!

Оказывается, Марат, в отличие от Бирлеса, сапоги носит с толстыми шерстяными вязаными носками. И поэтому зимнюю обувь обычно покупает на два размера больше. По этой причине он на небольшое увеличение объема ботинок в силу своей флегматичности не обратил внимание. А сколько из-за этого настрадался Бирлес?

Мораль сей истории: обувь надо метить.

Трос

На день рождения моему другу автолюбителю подарили трос. Трос как трос – капроновый, пятиметровый, выдерживающий нагрузку до 5 тонн. Подарок был с намеком. Тому были основания, о которых за гаражным столом знали несколько близких ему людей.

И в моей жизни была история с тросом. Сразу вспомнился и тот погожий зимний день, и обильный казахский достархан гостеприимных родственников. На столе было всё. Но самое главное – была компания интересных людей. Мы хорошо отдохнули.

Начало бурана, естественно, мало кто заметил. В подобных ситуациях только водителям свойственно быть начеку. Они и заторопились. Гости из города поспешили по домам. А мы решили заночевать. Тем более, отказать хозяевам в гостеприимстве было невозможно. День завтрашний нас не беспокоил. Втайне я всегда надеялся на свой Кокдаул – девяностодевятую «ладовскую» модель – надежную, отличающуюся от других своей проходимостью.

Но погода разрушила мои надежды. Метель бушевала всю ночь. Снегу намело с полметра. Только еле слышный сквозь буран отдаленный перестук колес железнодорожных вагонов, да редкий петушиный переклич, напоминали о деревенской жизни. Домой, в город, надо было добираться.

Ситуацию разрешила сама жизнь. В то утро юному сельчанину стало плохо. Местная фельдшерица распознала аппендицит. Боль-

нного нужно было немедленно доставить в хирургию областной больницы. Родственник уговорил водителя «скорой» взять на бусир мою машину.

Водитель Николай, прикрывая лицо от метели мозолистой ладонью, кричал мне в ухо:

– Держись моей колеи, понял? Застрянем – моргай. Я тебя вытащу, понял? Учи, я тороплюсь – у меня больной. Понял? Проскочишь. У тебя подъем высокий. Резина, вижу, шипованная. Давай!

Мне было всё понятно и без его инструктажа. И когда Николай решительно рванул по знакомому только одному ему заметенному снегом белому полотну дороги, я, с включенными фарами, двинулся за ним. «Таблетку» Николая из-за бурана было не видно, только ее красные габаритные огни изредка высвечивались впереди в снежной круговерти. Но моим ориентиром был свежий след «Скорой», который тут же заметался снегом. Видимость была нулевая. Дворники работали на пределе. Шёл на ближнем свете. Остановись «Скорая» – столкновения не избежать. Конечно, был риск, но другого выхода не было. Переметы на грейдере кое-где достигали в высоту более полуметра. Снег был еще мягким, поэтому поначалу «девятка» по нарезанному следу шла легко.

Проблемы мои начались чуть попозже. Перед большим переметом с плотным настом скопилось несколько грузовиков и десятка два легковушек. Прижавшись к правой обочине, они решили не рисковать и переждать метель. Только мы с Николаем tandemом шли напролом. В середине перемета моя машина зависла «на брюхе». Я заморгал фарами. «Скорая», развернувшись, двинулась ко мне. Троса не оказалось ни у меня, ни у Николая...

Двухсотый «мерин», при запорошенных габаритах и работающем двигателе, стоял облепленный снегом. Через затененные стекла с трудом различаю водителя. Один. Бородат. Лет сорока. Европейской наружности. Пассажиров нет. Стучу по стеклу:

– Браток, трос есть?

– Есть.

Пока мой новый знакомый с заднего сиденья наматывал на руки длинный капроновый трос, узнаю, что из Владивостока он гонит себе в Москву праворукий «Мерседес». Стоит здесь уже часов восемь.

– Меня «скорая» вытащит и уедет, а я потом тебя потягаю, ладно?

Москвич устало махнул рукой в знак согласия.

Николай уже бежал мне навстречу:

— Там пацан больной плачет. Давай быстрее, — прокричал он в метель и, видимо, надеясь, что его не услышат, смачно матюкнулся, добавив:

— Твою мать, цепляй быстрей!

Трос был длинный, метров 20. Сложив вдвое, зацепил. Николай поддал газу. Такой езды на буксире ранее видеть не приходилось. Через переметы моя машина перелетала, как лодка-плоскодонка. Мне оставалось только ловить его след. Моргал ему фарами остановиться, ноль внимания.

Остановился Николай только у поста ГАИ при въезде в город. Пока я вылезал из машины, он отцепил трос, включил сирену и исчез в метели.

С тех пор прошло немало лет. Помнится то буранное утро, когда проновий трос и отзывчивость москвича. И каюсь, совесть мучает порой: передали ли ему на посту ГАИ тот трос? А может, за невозвращенную вещь осталась незаслуженная обида? А может за служенная?

Таран на посевной

Теперь о ходе посевной или хлебоуборки горожане узнают по телевизору. А совсем недавно тысячи горожан — служащие, рабочие, студенты и школьники добровольно, а то и принудительно командировались на посевную и уборочную компании в совхозы и колхозы. Наравне с сельчанами они и сеяли, и пахали, и хлеб убирали. Некоторые умудрялись и рекорды ставить по намолоту или на косовице зерновых. Одни шоferили, другие слесарили или токарничали в совхозных машинно-тракторных мастерских. И стар, и млад через «не хочу» выходил с вилами ворошить валки после затяжных осенних дождей. Работы хватало всем. И все равно, тысячи гектаров несжатых полей уходили под снег.

Трактористов и комбайнеров в те годы в городах и райцентрах готовили на бесплатных курсах механизаторов широкого профиля со сдачей экзаменов и выдачей соответствующих документов на право управления. Выпускники этих «университетов» знали лишь теорию, а самостоятельно практиковались в тех хозяйствах, в которые командировались.

В этом плане вспомнился грустно-забавный случай из жизни моего знакомого Дмитрия. Работал он на ответственной должности районного масштаба. Был исполнителен. Не отлынивал от общественных нагрузок. Как и все в те годы, верил в идеалы ком-

мунизма. И когда ему сказали: придется поехать на посевную в совхоз, он ответил: «Есть!».

Посевная кампания набирала обороты. Стояли погожие дни. И совхозное руководство решило увеличить темпы сева, организовав двусменную работу посевных агрегатов. Не хватало трактористов. Местные все были при деле. Кто не работал, тот пьянствовал. И когда из райцентра прибыла группа новоиспеченных механизаторов, больше всех радовались отделенческие бригадиры. Какая-никакая, а помощь. Среди них был мой знакомый Дмитрий. Его, рослого и спортивного сложения молодого парня, бригадир в будке «техпомощи» вместе с запчастями повез сменщиком к Лапшину. На то у него были свои причины. От первых предложенных помощников Лапшин отказался сразу. То были женщины. Привез ему других – ростом не подошли, дескать, мелковаты, не сдюжат. Третий сутки работал один. Его оранжевый ДТ-75 с развивающимся на весеннем ветру переходящим красным вымпелом, буксировал в цепе четыре сеялки. Закрепленный автозаправщик еле поспевал доставлять семена с совхозного тока лидеру совхозной посевной.

– Зовут-то как? – пожимая грязной мозолистой рукой руку нового напарника, прокричал, через гул тракторного мотора Лапшин, не выходя из кабины.

– Давай, залазь сюда. Права-то есть?

– Есть.

– Значит, ездить уметь должен.

– Не особо-то умею.

– Это очень просто. Смотри сюда. Вот два фрикциона и две педали – эти четыре штучки в сумме дают руль. Нажимаешь на левую педаль и тянешь левый фрикцион на себя – поворот налево. Аналогично поворот направо. Понял? А трогаешься вот так... И больше газу. Понял? Садись на мое место. Нажимай вот на эту педаль и, как я спрыгну, медленно отпускай её и добавляй газу. Понял? Не боись – научишься.

– Не понял.

– Ты чо, ума нема? Дай покажу, мать твою, траляля...

И Лапшин тут же, проворно пересев на свое место, плавно тронул «стального коня». В конце поля, на развороте, он спрыгнул с трактора, крикнув Дмитрию на прощание:

– Через два часа разбудишь. Спать пошел воо-он в тот лесок.

Когда Лапшин исчез как привидение, Дмитрий заметно растерялся – ему впервые в жизни пришлось самостоятельно управлять трактором. Нагужно гудел дизельный мотор. Дрожали стрелки датчиков. В зеркале заднего вида были видны сеялки, за которыми

тянулся шлейф пыли, а над ним кружилась стая белых чаек. Посевное поле простипалось между небольших березовых лесков. Поэтому поворотов было немало. Вдруг на выходе из-за леска, в метрах пятидесяти, на краю поля, прямо на пути движения трактора, Дмитрий увидел остановившийся «уазик». С водительской стороны машины неспешно вышел и пошел навстречу директор совхоза, который жестом руки просил остановиться. В тот миг урок Лапшина, красноречиво поданный всего десять минут тому назад, вылетел из головы. Как остановить трактор?! Дмитрий лихорадочно и попеременно задергал рычаги фрикционов, с силой давил на педали. Трактор вместо остановки начал вилять. Что делать?! Дмитрий высунулся из кабины и, перекрывая шум мотора, кричал шедшему навстречу директору:

— Убирай быстрей с дороги машину! Не могу остановить трактор! Быстрей!! Уходи-и-и!

Директор из-за шума не расслышал этих слов и удивленно смотрел на Дмитрия. Он знал, что на этом тракторе работает Лапшин, с которым ему и хотелось переговорить. Но вместо него из кабины испуганно высунулся этот белобрысый чужак и что-то орет, и зачем-то машет руками.

Трактор шел, виляя и не сбавляя скорости. Директор еле успел отскочить в сторону. До «уазика» оставались считанные метры. Дмитрий в отчаянии нажал на левую педаль и одновременно потянул на себя левый фрикцион. Трактор резко развернуло влево, и Дмитрий в ужасе видел, как правая крайняя сеялка таранит в лоб новенький директорский УАЗ...

Синие «Жигули»

Деду Коле не спалось. При малейшем движении треклятый «хондроз» острой болью заявлял о себе мгновенно. Мягкая пуховая перина казалась ему жестким солдатским матрацем, со скатанными кусками-буторками ваты. Так и не найдя удобной позы, старик, кряхтя и постанывая, осторожно, как мог, поднялся в постели и, свесив с кровати худые ноги, сел.

Он давно жил один. Было далеко за полночь. Тонкий серпик луны на звездном небе предвещал морозный день. Дед предчувствовал это и по другим, только одному ему известным признакам. Но не это его беспокоило, терзая и днем, и ночью душу. Не давала ему покоя и сна в сердце заноза, засевшая крепко и мучавшая его вот уже много лет. Покидала она его только при болях в спине.

Проходит боль и снова начинает ныть с оттяжкой сердце.

Зачем тогда он это сделал? Чем же думал в те годы? Семь раз отмерь, один раз отрежь. Хорошо подумай, прежде чем что-то на-думаешь сделать. Эх, напрасно порой забываем мы эти простые истины. А тут еще сосед, сам того не ведая, своим рассказом раз-бередил старую душевную рану Николая. Ему стало плохо. Притча была почти про него.

Тroe друзей-охотников в горах преследовали волка, средь бела дня напавшего на отару и прирезавшего четырех баранов. Долго они его гоняли. Серый разбойник, устав от погони, залез в узкую расщелину и затаился. Охотники, направив ружья, ждали выхода хищника. Долго ждали. Один из них, самый нетерпеливый, не выдержав, полез за волком. Друзья отговаривали его от этой опасной затеи. Но друг их был упрям. Просунув ружье и голову в темный зев расщелины, охотник вдруг дернулся и затих. Ни вперед, ни назад. Мало ли, много ли пролежал он без движения, пока друзья за ноги не вытащили его. Их товарищ был без головы.

- А где же его голова? – воскликнул один.
- У него ее и не было, – возразил ему второй.
- Как не было? Была, кажется...
- Не было.

До хрипоты спорили охотники. Пришли к старейшинам аула выяснить истину. Аксакалы выслушали их историю, покачали в задумчивости головами и вынесли решение:

– У вашего друга головы не было с рождения...

Не удовлетворившись ответом старцев, охотники пришли к жене погибшего друга.

– Не знаю, была ли у моего мужа голова, но папаху он каждый год заказывал себе новую, – ответила вдова и тяжело вздохнула.

Вспоминая эту горскую притчу, Николай поймал себя на мысли, что и у него в свое время не было головы. И тот поступок, совершенный пятьдесят лет назад, тому наглядное подтверждение.

Тогда, осенью сорок пятого, ему было двадцать пять. Как уж звал его фронтовой друг Василий поехать с ним в его родную деревню под Новосибирском!

– Затем будешь, сестру тебе отдам в жены, – уговаривал он Николая. – Пятистенку сосновую вам срубим. Загляденье будет! Живность, птицу дадим на развод. Как сыр в масле будешь кататься. А тайга! Охота, ягоды, грибы. А что и кто тебя ждет в твоем Северном Казахстане?

В ответ Николай молчал. Да, прав был Василий. Один он, дет-домовский. Война стала для него работой опасной и тяжелой. За

спинами однополчан не отсиживался. А как воевал, говорят боевые ордена и медали. От Москвы до Берлина, где пешком, где ползком – это только сказать просто...

С Победой пришли и проблемы. И главная из них – как жить дальше? Заманчивым было предложение друга. Николай не раз убеждался, что Василий слов на ветер не бросает. Сказал – сделает. Но ему, с боями прошедшему через всю Европу, повидавшему города и села многих стран, снились по ночам родные края голубых озер, белоствольных рощ, островков седого ковыля. И как наяву вдыхал он порой дикий запах чабреца и полыни. Но в родной стороне его действительно никто не ждал. Родители умерли от голода в начале тридцатых. А в семье он был единственным ребенком. Сердобольные соседи сдали его в детский приют.

Василий разговор на эту тему больше не затевал, надумает – сам скажет. Так оно и вышло

– Съезжу на родину, посмотрю. Не получится – приеду к тебе в тайгу, – сказал Василию однажды. – Николай, – давай адрес.

– Вот и правильно. А то молчишь, как в рот воды набрал? Сестренка-то тобой интересуется, понравился ты ей. Помнишь нашу с тобой фотку на танке под Берлином? Я ее домой выслал. А мать, знаешь, что сказала? Сыном, говорит, мне будет вместо погибшего Ванюшки. Похожи вы чем-то. Эх, заживем, Коля! Всевали вместе, и жить будем вместе.

Этот разговор состоялся перед демобилизацией. Пятьдесят лет прошло с того дня. А в памяти, как вчера. Поехал бы сразу с Василием – жизнь, наверняка бы, сложилась по-другому. Внуков и правнуоков сейчас бы нянчил. Впрочем, как знать. От судьбы не уйдешь, не уедешь...

Так и не удалось уснуть деду Коле. Воспоминания и мысли прочь гнали сон...

Оказывается, о предстоящей старости мало кто задумывается всерьез, если по молодости всё складывается удачно. О бренности бытия начинаешь думать только тогда, когда становишься от кого-то зависимым. Поздно приходят и другие простые истины, что закройщиком жизненного одеяла являешься ты сам и никто другой. И во всех ошибках своих надо винить прежде всего, опять-таки самого себя. Сироте всегда сложнее. Нет родных, некому посоветовать и поддержать. А друзья? Когда у тебя водятся деньги, тогда и приятелей много. Кончились деньги – их как ветром сдувают. Как говорится, дружба, рожденная за бутылкой вина, проходит с похмельем.

На мужиков после войны спрос был особый. Тогда фронтовиков уважали и ценили. У них было право выбора и работы, и женщин. В те годы и вдов, истосковавшихся по мужской ласке, и девок ядреных, незамужних было хоть пруд пруди. Прости, меня Господи. Погулял тогда. За себя и за друзей, не вернувшихся с войны. А в жены взял тихую и незаметную Надежду из дальней деревни. Тоже, как он, сиротинку. Встретил случайно, когда завозил с автоколонной в те края стройматериал. Она работала завскладом в совхозе. Разговорились, пригласил из жалости в гости. Думал не приедет, а она через месяц нагрянула к нему нежданно в самый раз под Новый год. Так и сошлись и больше не расставались. Сыграли скромную свадьбу. Молодоженам автобаза вскоре выделила квартиру. Шоферская братия скинулась вот на эти стол и шифоньер. Радости-то было сколько!

Женой Надежда оказалось домовитой. Всё она умела, всё в руках горело. Николай был счастлив. С радостью крутил барабанку своего ЗИСа, после командировок с радостью шел домой в своё уютное гнездышко. Первенаца назвал Василием, в честь фронтового друга. Отбил ему телеграмму. Тот телеграфировал, что скоро купит легковушку и на ней обещал приехать в гости.

Жили не лучше и не хуже других. Но хотелось лучше. У Васи машина будет, а я чем хуже? Эта зависть лишила его покоя и стала смыслом жизни. Начал копить деньги на машину. Как говорится шоферня «пахал, как папа Карло».

Из командировок приезжал поздно, когда Василий уже спал. Вставал с петухами. Тихо, боясь разбудить домашних, торопливо завтракал и бежал на работу. И так изо дня в день, из месяца в месяц.

В погоне за деньгами, Николай и не заметил, как подрос Василий. Общались они редко. Но плохого за ним он не замечал. Регулярно показывал отцу табель успеваемости, где тот, довольный отметками сына за четверть, неуклюжеставил свою подпись и давал ему двадцать пять рублей на карманные расходы. По тем временам деньги немалые. Ежедневно украдкой давала несколько рублей и мама.

Вот где он упустил Василия! Мальчика воспитывали улица и Надежда. Её кроткий нрав, чрезмерная любовь к единственному сыну и его гонка зашибить копейку – вот истоки начала потери сына. Это он понял слишком поздно. Надежда догадывалась, что сын уже в пятом классе начал покуривать. Мужу не говорила, боясь его гнева. Постарше Вася стал и выпивать. Все чаще поздно и с запахом спиртного стал приходить домой.

— Мама, да это так... Пива попили на день рождения. Только отцу не говори. Ладно?

Вот когда надо было тревогу бить! А жена, конечно же, молчала. Но не всегда молчанье золото. Надежда стала замечать и пропажу денег из кошелька. Тихонько спросила об этом у сына. Его ответ немного успокоил:

— Ты чо, ма? Наверно, потеряла, а на меня сваливаешь.

В то утро Николай, как обычно, подошел к диспетчерскому окну за путевым листом. Эта женщина работала в автобазе давно и знала всех и про всё.

— Путевку, Коля, я тебе не дам!

— Ты чего? — опешил Николай.

— Сегодня у тебя дела поважней есть.

— Не болтай. Давай путевку!

— Иди в профком, тебе «Жигули» дали по очереди. С тебя причитается за добрую новость.

Эх, знать бы тогда, какие проблемы с этой проклятой машиной я куплю на свои кровные...

Ровно через неделю, когда Николай был в рейсе, его Василий, его единственная кровинка, пьяный, без разрешения сел за руль новых «Жигулей» и на обгоне влетел под встречный грузовик...

Смерть сына Надежда не пережила. Её Николай похоронил через месяц после аварии...

...Заснул-таки деда Коля под утро. И впервые за последние годы он, как наяву, увидел своего улыбающегося сына, зовущего его прокатиться на машине. А на переднем сиденье тех синих «Жигулей» уютно разместилась его Надежда. Но почему-то по морщинистым щекам её катились слезы...

Осмыслить себя и время

«...Какие глубокие чувства вызывают воспоминания о предках, которые ушли, не так далеко, если учесть, что каждый из нас прибудет туда к ним...»

Знать и помнить об этом необходимо нам самим, и горсть земли, брошенная нами на их могилу – связующая нить.»

Чингиз Айтматов

Недавно «узун кулак» донес до меня информацию, что в нашем городском парке нашли место захоронения отца поэта Магжана – Бекена Жумабаева. Накануне 115-летия классика казахской поэзии это событие можно по праву считать сенсационным.

По официальной версии, Магжан Жумабаев последний раз был арестован в конце 1937 года, а 19 марта 1938 года был расстрелян в застенках алма-атинского НКДВ. Ему было всего 45 лет. По непроверенным данным, он был забит до смерти сотрудниками органов в Петропавловске. В любом случае точное место его захоронения пока не установлено.

У казахов есть хорошая поговорка: «Өлі риза болмай, тірі баимайды». В подстрочном переводе на русский это означает: «Пока усопшие не обретут покой, не будет сытной жизни у живых». И в этом плане, я уверен, душа поэта по сей день не нашла должный покой.

К чему я всё это рассказываю?

Потому, что об этих фактах из жизни человека, ставшего гордостью нашего народа, поэта Магжана Бекеновича Жумабаева, о которых расскажу далее, мало знают не только русскоязычные мои земляки, но и мои соплеменники – казахи. И сказано это не в укор. Верю и не исключаю, что в этом много объективных и субъективных причин, но твердо знаю – познавать Магжана никогда не поздно.

Род великого нашего земляка – аргын – атыгай – есентангрын, который входит в состав Среднего жуза. Жайляу этого древнего рода раскинулся в районе сегодняшнего Ерментау Акмолинской, ранее Кокчетавской области. У деда Магжана по отцовской линии Жумабая кажы и его жены Койдык было два сына – Нурмагамбет и Бекмагамбет, две дочери – Галия и Разия. От Нурмагамбета родились Мадий и Ахметжан.

Муслим, Каҳарман, Магжан, Мухамеджан, Салимжан, Калижан, Сабыржан – это сыновья Бекмагамбета и его супруги Гульсим. Кроме них были и две дочери – Куляндам и Гульбахрам. Отца Магжана – Бекмагамбета в быту звали Бекен. В памяти родных и земляков он остался статным, с волевым лицом, внушающим уважение красивым мужчиной с орлиным огненно-пронизывающим взором больших глаз. И все старшие сыновья характером и статью пошли в отца. Рассказывают, когда бабушка Магжана – Койдык была беременна Бекеном, ей очень захотелось волчатины. Желание её было исполнено. Поэтому в народе сыновей и потомков Бекена стали называть «қаскырдан тараған үрпак» – потомки волчьего племени.

Советской властью родовое гнездо Жумабая кажы было разорено основательно. Подверглись репрессиям и три родных брата Магжана. Салимжан вернулся, а Муслим и Каҳарман сгинули в сибирских лагерях. Два других брата Калижан и Сабыржан под другими фамилиями скрылись в соседней Киргизии. Подвергались гонениям родители, сестры и другие близкие и дальние родственники опального поэта.

И виною тому были талант Магжана и его байское происхождение. Остальное – зависть и злоба людей из его же окружения. По непроверенным данным, потомки тех, кто предал поэта и доносил на него, сегодня занимают высокие посты и в области, и в республике. Здесь нет их вины. Дети не отвечают за деяния отцов. Только секретные архивы КНБ могут внести ясность в эту информацию.

Из различных источников известно, что отец Магжана Бекен был назначен Омским губернатором волостным управителем Сарыайгырской волости. По воспоминаниям местных жителей, был он человеком образованным, справедливым, свободно говорил по-русски, знал арабский. Отмечают его красноречие, крутой, но отходчивый характер. Из многочисленных своих детей Бекен выделял Магжана за острый ум и особое прилежание к учебе. Поэтому и отдал его на учебу аульному мулле, затем учителю, обучавшему мальчика арабской грамоте.

Дома у Жумабаевых была солидная, по тем временам, домашняя библиотека. И она постоянно пополнялась. Бекен привозил книги из поездок в Kokшетау, Омск, Петропавловск. Умной и напитанной была и мать будущего поэта Гульсум-апай – дочь Аширбека, известного в Кызылжаре предпринимателя. Практически все новые журналы и книги, изданные в областном центре, Гульсум апай покупала для домашней библиотеки. С малолетства прививала она своим детям любовь к знаниям, книгам. Если старшие читали их самостоятельно, то младшим она читала вслух. К семи годам Магжан наизусть знал множество стихов Абая, историй из «Киссасы уль-Эмбия» (Библия).

Вот в такой среде воспитывался будущий поэт. В двенадцать лет Магжан уже в медресе Бегишева жадно читает труды Фирдоуси, Хаяма, Низами и других гениев Востока. Поэтому не случайно известный писатель, классик татарской литературы Г. Ибрагимов, восхищенный стихами Магжана, эпиграфом к своему роману взял его четверостишие из стихотворения «Луне», написанное им в четырнадцать лет.

Чем больше я узнаю творчество, биографию Магжана, тем больше меня интересуют его отношения с отцом Бекеном. Свою любовь к маме поэт не скрывает, и эта душевная тема проходит во многих его произведениях. Об отце же в своих стихах поэт упоминает реже. Почему?

Как было сказано выше, в двенадцать лет Магжан начал учебу в Кызылжарском медресе. Может быть, я ошибаюсь, но Бекен был не прочь видеть своего сына священнослужителем. В Степи это была особая, самая образованная каста. Кроме этого известно, что его дед Жумабай с братом Курманалы на верблюдах и лошадях совершили хадж в Мекку. Это в наши дни паломничество совершают партиями на воздушных лайнерах. Тогда же почетное звание кажы имели в Степи единицы. Это были высокочтимые люди.

В подтверждение моей версии говорит и тот факт, что после завершения трехгодичной учебы в Кызылжаре, Магжан едет в Уфу и поступает опять-таки в духовное заведение – медресе «Галия».

Видимо, не желая быть муллой, без отцовского благословения, через год, Магжан поступает в Омскую русскую семинарию. Бекен, недовольный поступком сына, объявляет ему об отказе в материальной поддержке.

Но здесь судьба улыбнулась Магжану. Один из состоятельных омичей выделил семинарии сумму для стипендии отличнику учебы, не имеющему средств. И под эту категорию попал М. Жумабаев, способный, но бедствующий семинарист. По другой версии,

учеба Магжана в семинарии финансировалась из фонда Потанина. В 1917 году русскую семинарию он заканчивает с золотой медалью.

Другой серьезный конфликт с отцом у Магжана был по поводу не состоявшейся свадьбы. Как известно, первой женой Магжана была Зейнеп Тастемирова – племянница Шокана Уалиханова. Это был брак по любви. В начале 1919 года при родах Зейнеп умерла. Почти в двухлетнем возрасте покидает мир и их общий ребенок – сын Граждан.

Спустя годы, Магжан был серьезно увлечен красавицей из Казани Гульсум Камаловой. Она вдохновляла поэта на многие лирические строки. Но можно предположить, Бекен был против их брака. И вскоре он сватает за Магжана дочь известного в Кызылжаре Д. Куанышева – Жамилю. Заплатил солидный калым. Накануне главного толя провел все традиционные предсвадебные казахские обряды.

В назначенный день в Кызылжар приезжают родственники Бекена, чтобы увезти жениха и невесту в Сартомар, где и была назначена свадьба. Но они не могли найти Магжана. Искали три дня и три ночи. Он исчез, как в воду канул. Сгорая от стыда перед сватами, родственники поэта вернулись домой без молодых. После случившегося, можно понять обиду Бекена, уважаемого в kraе человека.

Как потом стало известно, в те дни Магжан уже был серьезно увлечен другой женщиной, будущей женой – Зылихой. Они уединились в другом городе.

Просил ли тогда у отца прощения Магжан? Наверно, извинялся. Хотя он тоже был гордым. Но простил ли сына, оскорбленный Бекен? Он не мог не простить любимого сына... И тот факт, что уже потом, по приезду в Сартомар Магжана и Зылихи, он по старой отцовской традиции отдельноставил им у озера белую юрту и накрывал для гостей щедрый достархан, подтверждает его прощение. Бекен среди других своих детей фанатично любил Магжана и прощал ему любые шаловливые юношеские поступки.

Рассказывают, что каждому из своих семи сыновей он подарил по иноходцу редкой, пегой масти с черной полосой по спине. Собирали их люди Бекена по всей Степи. Покупали за деньги или меняли на целые табуны коней или крупный рогатый скот. Все сёдла, уздечки, недоуздки, подпруги были отделаны рукой искусного зерге черным серебром. По сегодняшним меркам такая лошадь, с такой сбруей была сродни новому «Мерседесу». Если все братья любили шумные компании, ездили по соседним аулам, байговали

и веселились, то Магжан с детства любил уединение. Летом он мог часами бродить по берегу Сасыкколя, по близлежащим березовым колкам. Братьям не нравились эти занятия, и они с издевкой посмеивались над ним. Тогда Бекен настрого запретил сыновьям:

– Занимайтесь, чем хотите, а Магжана не трогайте..

В конце двадцатых годов всё имущество, табуны лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, постройки, библиотеку Магжана Бекен добровольно отдал государству в обмен на жизнь своей семьи. Разорилось родительское гнездо поэта. Корни родового древа Жумабаевых были подрублены под корень.

Без детей, без средств к существованию Бекен и Гульсум остались на руках младшей снохи Бибизаип – жены сына Салимжана, который в то время тоже был арестован как «враг народа». Бибизаип доводилась Жумабаевым еще и дальней родственницей. Спасая себя и родителей Магжана от голода, эта женщина тайно, по совету поэта, перевозит их в Киргизию и спасает от ареста. Через несколько лет возвращается с ними в Петропавловск. Чтобы прокормить стариков, устраивается чернорабочей на мясокомбинат.

Жизнь постепенно налаживается. Но летом 1934 года скоропостижно скончался Бекен. Как хоронить? Прилюдно – опасно. Все были под страхом ареста за связь с родителями «врагов народа». Бибизаип с родственницей Фаридой ночью на кладбище, что в городском парке, готовят последнее пристанище Бекену. Выкопав могилу глубиной по грудь, женщины засомневались в её длине. Фарида примерно знала рост покойного. Мужественная женщина проявляет находчивость и смело ложится, вытягиваясь, в свежей могиле. Тайные похороны они закончили перед рассветом...

О месте захоронения Бекена Жумабаева знали немногие. Сын Салимжана аксакал Тасболат, присутствуя на «круглом столе», посвященном творчеству Магжана, выразил сожаление, что не может найти спонсора для установления памятника своему деду Бекену. И надо же тому случиться, слова аксакала услышал председатель областного суда Бекет Тургараев, открывший нам в позапрошлом году Токсан бия. Справедливости ради следует сказать, что этот еще один благородный шаг Б. Тургараева – добрый пример и хороший урок для местных «новых казахов».

Автор строк побывал на месте захоронения Бекена Жумабаевича Жумабаева. Порадовался, что завозятся стройматериалы, сделана разметка под памятник. Открытие его планируется во второй половине июня.

...Под беззаботное кукование кукушки прочел поминальную молитву. По детскому поверью, эта, лишенная материнского чув-

ства птица, отсчитывает каждому её слушателю количество оставшихся лет пребывания в этом небезгрешном мире. Верить ей? Это право каждого. И не только сегодня мы должны осмыслить себя и время, в котором живем. Бекен ата дал жизнь великому Магжану – Поэту нации. В моем понимании, Бекен как и Магжан, один из многочисленных, духовно питающих корней древнего, но крепкого дерева, имя которому – Алаш – казахский народ.

Встреча с Гафу Каирбековым

На республиканском уровне первое чествование Магжана Жумабаева, после реабилитации, на североказахстанской земле состоялось в июне 1989 года. И приурочено оно было ко дню рождения поэта. Естественно, торжества планировались в Сартомаре, на родине поэта и проходили под строгим оком обкома партии, где я тогда работал инструктором по печати. За каждой делегацией гостей, прибывающих из Алма-Аты и других городов, закреплялись ответственные работники областных ведомств.

В первый день небольшая группа поэтов и писателей из столицы должна была посетить совхоз “Минкесерский” Мамлютского района. Это километрах в 70-ти от Петропавловска. Мы с Розой Аскаровной Чулановой сопровождали их. В те годы она работала заместителем начальника областного управления культуры. И вот тогда мне посчастливилось ближе познакомиться и пообщаться с известными и уважаемыми деятелями культуры и искусства Казахстана, ныне уже покойными (пусть земля им будет пухом!) – Сакеном Жунусовым, Гафу Каирбековым и Еслямом Зикибаевым.

С ними я был знаком заочно и, в основном, по их произведениям. Но о каждом из них народная молва и казахский узун-кулак доносили всякие были и небылицы. Особенно о С. Жунусове и Г. Каирбекове.

Рассказывали, отдыхал как-то Гафу Каирбеков в одном из санаториев Борового. Поселили его в одноместном номере, а в соседнем – жил молодой человек по имени Абай. И каждое утро, встречаясь с соседом, Гафу-ага первым протягивал обе руки для приветствия, искренне приговаривал:

– Ассалямалейкум, Абеке!

Молодой человек, конечно же, знал, кто его так активно приветствует. При этом краснел, смущался и отводил глаза. И пока он приходил в себя, Гафу-ага быстро уходил. Так продолжалось несколько дней. Как-то, набравшись смелости, молодой человек обратился к Каирбекову:

– Гафу-ага, Вы же мне в отцы годитесь, а здороваетесь первым и не даете мне возможность раньше приветствовать Вас? Мне очень стыдно.

– Э, друг мой, я не с тобой здороваюсь, а приветствую имя твоё, имя великого Человека – Абая!

Гафу-ага был поэт божьей милостью. Песни на его стихи прекрасны и любимы народом и будут звучать в веках. Он мог мгновенно выдать экспромтом меткую эпиграмму, легко запоминающееся четверостишие, которые становились крылатыми и через запомнивших очевидцев «уходили» в народ.

Как рассказывал мой старший друг, поэт Муталлап Кангожин, группа казахстанских писателей и поэтов присутствовала на демонстрации, которая проводилась в честь очередной годовщины Великого Октября перед Домом Правительства в Алма-Ате. Известный писатель, наш земляк Иван Петрович Шухов в то время побаливал, и приступ стенокардии иногда снимал глоточком доброго грузинского коньяка из плоской солдатской фляжки. Гафу-ага стоял за его спиной и, заметив очередной прием народного лекарства, тут же выдал на казахском:

*Шухов деген мына қисі.
Артында салбыраган фляжқасы.
Сен ишпей ол иишкенде,
Келедекен кисіңің жилагысы!*

В моем переводе это звучит примерно так:

*Узнаете, это Шухов
С фляжкой на боку?
Он пьёт, а я – нет. И это видно.
До слез становится обидно!*

Невысокого роста, худощавый, незапоминающийся внешне Гафу-ага, был душой любой компании, на глазах преображался, когда начинал говорить, или читать стихи: и свои, и любимых авторов. Одухотворенным становилось его лицо, голос, слегка с хрипцой, набирал силу. Феноменальную память, остроумие, умение завораживать собеседника – отмечают многие, кто знал поэта.

При подготовке к 100-летию Г. Мусрепова специального выпуска своего литературно-художественного журнала «Кызылжар», мне пришлось изрядно покопаться в архивах, библиотеках. Выяснилась такая деталь, что на свою малую родину великий писатель редко приезжал без Гафу Каирбекова. Они были талантливыми художниками Слова. Видимо, это их сближало и роднило.

Помню, после торжественного закрытия Магжановских чтений, в большой юрте традиционно для гостей был накрыт достархан. Столы ломились от обилия закусок и горячительных напитков. Полуденная июньская жара и без этого разморила многих. Вижу, из юрты пошел на выход Гафу Каирбеков. Вышел следом и я.

— Чаю горячего хочу,— сказал Гафу-ага, показывая в сторону леска напротив, на опушке которого пожилая женщина голенищем кирзового сапога раздувала большой двухведерный старинный тульский самовар. Рядом стояла одноосная тракторная тележка с пятикубовой бочкой.

— Пойду один, ты не ходи.

— Может кумыс холодный будет?

— Рахмет, айналайын, чаю хочу.

До самовара метров сто, а то и больше. Вижу, как Гафу-ага неспешно дошел до цели. Речь была не слышна. Женщина показала рукой на бочку и после этого жеста Гафу-ага, развернувшись, направился обратно в нашу сторону.

— Оказывается, в ваших краях меня не знают, — в его голосе были нотки обиды.

— Как это не знают? — не понял я.

— Попросил женщину налить мне пиалку чая. Говорю ей, что я — Гафу Каирбеков и хочу пить. И вот что она ответила мне по-русски:

— Самовар, видишь, еще не вскипел. Не морочь мне голову. Никакого гафу-мафу я не знаю. А если мучает жажда, вон из того шланга напейся из бочки и не мешай мне...

Тогда, как мог, я успокоил поэта. Каюсь, было стыдно за необходимый тон той женщины. Но можно и её понять. Русская по национальности, она действительно не знала, кто такой Гафу Каирбеков. И это не её вина. Но затаи обиду и пожалуйся Каирбеков начальству об этом инциденте, тогда что? Времена-то были строгие. Но Гафу-ага, по крайней мере, до самого отъезда об этом случае и не вспоминал.

Два дня Магжановских чтений пролетели как одно мгновение. В памяти остались незабываемые встречи, яркие выступления мастеров искусств, айтисы акынов, короткие, но памятные беседы с

именитыми поэтами и писателями. И, как сейчас помню, одно из мудрых наставлений Гафу-ага, сказанное мне по дороге в Минкесер: «Умный и талантливый человек, независимо, какой бы он пост не занимал, зачастую прост в общении. Дурак же на любой должности чванлив и недоступен».

И не однажды жизнь подтверждала правоту этих слов мудрого Гафу-ага...

«Я всегда стремился быть первым...»

Сегодня ему восемьдесят четыре года. И он в прекрасной физической форме. Его серебристая «Тойота» в гараже не застается. Уверенная рука хозяина водит ее и по опасным горным дорогам Алатау, и по переполненным авто алматинским улицам. Водительский стаж Н. Жалыбина – почти семьдесят лет. Обходится без очков. Поражает цепкой памятью на события непростой, но интересной и кипучей жизни руководителя сталинской закваски. Умен и предприимчив. Талантлив. Умеет говорить, умеет и слушать. Справедлив и в меру упрям. Заслуженный рационализатор и изобретатель СССР и Казахской ССР. Ученые мужи всех степеней восхищались его изобретениями. На Западе он давно был бы миллионером. О нем написаны сотни статей, издана книга. Казалось бы, пора и успокоиться, но его неуёмная энергия до сих пор не дает ему покоя.

В сорок первом ему было восемнадцать. По дороге на фронт эшелон с новобранцами попал под бомбежку фашистской авиации. Раненого в ноги Жалыбина комиссовали под чистую. После госпиталя, в родной Алма-Ате выучился на шофера. Приняли на работу в наркомат колхозов и совхозов. И именно в этом коллективе судьбоносную роль в его жизни сыграл банальный случай. Директора наркоматовской автобазы сняли с должности за пьянство. Мужчины воевали, поэтому водителями грузовиков и легковушек были молодые женщины. Кого ставить директором? Кто-то предложил наркому Жалыбина. Побеседовав с этим безусым и белобрысым пареньком, нарком в тот же день подписал приказ о назначении Жалыбина директором предприятия и выдал ему печать. Тогда ему был всего 21 год...

...Мы сидим с Николаем Федоровичем за большим квадратным дощатым столом под густыми кронами урючного дерева. Это его любимое место. Рядом – большой яблоневый сад. Начало августа. В тени 30 градусов. Во дворе, на солнцепеке, алеют десятки кустов роз. Прохлада журчащего арыка. Чистейший горный воздух. Какая-то умиротворенность в природе и в душе. Все это располагало к неспешной беседе.

– Смотри, какая красота! Ну, разве можно было все это бросить и уехать? – спрашивает он у меня и добавляет: – Мне в конце восьмидесятых в подмосковном Звенигороде предложили возглавить завод по изготовлению профилей моего изобретения из листового железа. Как это сейчас говорят – ноу-хау. Поехал с женой посмотреть. Завод понравился. «А где жить буду?» – спрашиваю. А мне говорят: «Вот Вам и Вашим специалистам пятиэтажный благоустроенный дом. Живите и работайте. Соглашайтесь!».

Согласие-то я дал, но попросил время подумать. Приехали домой, в Тургень. Посоветовались. И я решил не ехать. И горы добро не дали. Вон, видишь, они до сих пор молчат... Здесь моя родина.

Теперь Жалыбина знают многие. Его лекарская слава шагнула далеко за пределы Алматинской области. Николай Федорович совместил, казалось бы, совсем не совместимое: инженер и целитель. Впрочем, пусть он сам расскажет об этом:

– По статистике каждый второй казахстанец в наше время умирает от сердечнососудистых патологий. В тоже время Казахстан единственное государство в мире, где уже более четверти века созданы и продолжают действовать лечебные методики, способные разжижать кровь до состояния ее нормальной проходимости.

Как создатель биоэнергетических методик лечения сердечно-сосудистых патологий, на основе 25-летнего опыта, утверждаю, что смерть в таких случаях исключается при любых болезнях, не требуя для этого ни уколов, ни систем и всего того, что применяет медицина в настоящее время.

Для этого необходимо, чтобы лечение и профилактика с помощью био-энерго-аккумуляторов («живой» и «мертвой» воды), скипидарных ванн, стали доступны каждому и в любое время.

При наличии этих лечебно-профилактических средств, будет возможным за 7-12 дней излечивать многие болезни.

На пятом Международном конгрессе целителей (Москва, 2003 г.), я впервые озвучил в своем докладе факт, что в селе Тургень успешно действует лечебница, созданная на базе лечебных методик по моим изобретениям. В ответ ученые Российской общественной Академии наук имени Нострадамуса, высоко оценивая мои це-

лительские результаты, избрали меня академиком. А сообщество целителей этого конгресса наградило меня золотой медалью «Лучший целитель третьего тысячелетия». Минздрав России, Академия энергоинформационных наук РФ присвоили мне звания лауреата премии имени А. Чижевского; лауреата премии имени Я.Г. Гальперина. Международной Академией экологии я избран Академиком НАЭ по специальности «Экология человека». Республиканский же научно-практический центр народной медицины РК присвоил мне звание «Профессиональный народный целитель – биоэнерготерапевт».

Этот список можно было бы и продолжить. Но не ради хвастовства я перечислил свалившиеся на меня награды. По факту это высокая оценка мировым сообществом созданных мной лечебных методик, способных без уколов и систем спасать людей от смерти, продлевая их трудовое долголетие на многие десятки лет.

А все началось с того, что четверть века назад меня, инженера, изобретателя, директора крупного завода металлоконструкций лучшие врачи, которые меня лечили, перевели в разряд безнадежного больного, спасти которого медицина уже бессильна. Ишемическая болезнь сердца, стенокардия напряжения, а через некоторое время стенокардия покоя, атеросклероз, кардиосклероз, гипертония, в итоге сердечная недостаточность плюс почти шестидесятилетний возраст, прогнозировали реальность моего возможного конца и не когда-нибудь, в отдаленном будущем, а в любой час любого дня. Это пробудило во мне тогда инстинкт самосохранения, а жизненный опыт подсказывал, что кроме уколов и систем, которыми был напичкан и отравлен, в природе и в народе найдется много других лечебных средств.

И тогда я занялся лечением, используя средства народной медицины. Ко мне привозили захарок, они шептали наговоры, по-или травяными отварами, а я сам себе чистил кишечник, печень, почки, лимфу. И к удивлению моих прежних врачей, через пару недель ожил и встал на ноги, не применяя для этого ни чего из медицинских препаратов. И хотя оставался еще нетрудоспособным, чувствовал, что и от края в небытие отошел.

Задолго до своей болезни, в средствах массовой информации, я прочитал о Вильгельме Райхе и его открытии биологической энергии, которую автор назвал ОРГОН. Это открытие нас (меня и двух моих сыновей) тогда заинтересовало. Вчитываясь в скучные строчки журнальной информации, где перечислялись полученные автором обнадеживающие лечебные результаты, я обратил внимание на способность энергии «ОРГОН», воздействуя на кроветворные

органы, нормализовать формулу крови, делая ее более текучей.

Вдумываясь в суть этого открытия, я пришел к мнению, что если научиться аккумулировать энергию, то многое во мне неизлечимое станет излечимым. Поэтому само создание аппарата, способного аккумулировать «Оргон», стало для меня надеждой, что с его помощью я смогу получить окончательное выздоровление и устойчивое состояние своего здоровья.

Схема и конструкция биоаккумулятора были созданы, а проблема сохранения своей жизни, которая висела на волоске, тогда заставила, не считаясь с расходами, такой биоаккумулятор сделать. Применяя ежедневно процедуры по 45 минут, уже через три дня я почувствовал улучшение. Перестали мерзнуть ноги, прошли боли в сердце, таблетки больше не требовались. Через две недели вышел на работу. Это было летом 1980 года.

Уникальные возможности оргонных биоаккумуляторов, проверенные и испытанные на себе, сделали меня целителем. В первые годы свои лекарские возможности я не афишировал, но при случае применял их на родственниках, соседях, друзьях и на незнакомых, но очень больных людях. Результаты исцеления были сказочными. Тогда же заметил, что наиболее эффективные результаты получались тогда, когда основные жалобы пациентов сосредоточивались на болезни сердечнососудистой системы.

Мое предвидение великого будущего открытого вида энергии, которую Вильгельм Райх назвал «Оргон», и созданный нами аппарат по аккумулированию этой энергии, в самом начале своего применения, показали, что мы получили небывалые целительские возможности всех заболеваний, связанных с нарушением сердечнососудистой системы и кроветворных органов.

Примером может служить следующий случай, взятый мной из обширной практики лечения биоэнергетическим аккумулятором.

Клара Щукенова, главный бухгалтер Кызылординской областной больницы, тяжело заболела: ИБС, стенокардия, сердечная недостаточность, расслоение аорты. Лечение в своей больнице результатов не дало. Сын, живший в Москве, договорился с Кремлевской больницей. Привезли, положили. Через 3 дня определили: терапевтическому лечению не подлежит, хирургическое лечение без гарантий. Больная распорядилась отвезти ее к Жалыбину, в село Тургень. Привезли в очень тяжелом состоянии, ходить не могла, задыхалась, спала сидя. Пришлось сразу с «колес» применить биоаккумулятор. На второй день спрашивала: «Как самочувствие?» – ответила: «Ничего, спала лежа».

После второго сеанса отвечала: «Одышики нет, таблетки не пила», после третьего состояние улучшилось, ходила на базар, после четвертого сеанса самостоятельно поднялась на пятый этаж к сыну. После пятого уехала домой. Прошло шесть лет, жива и здорова, живет нормальной жизнью.

Получилось так: все, что не удалось сделать в областной больнице г. Кызылорды и в чем проявила свое бессилие Кремлевская больница, было сделано в селе Тургень.

К сожалению, на сегодняшний день, эта лечебница в Казахстане единственная. Думаю, что единственная и в мире.

Впоследствии, при анализе полученных результатов, свой доклад на Конгрессе я издал, как брошюру, в которой рассказываю, какими методиками за прошедшие почти четверть века, я излечил от разных хворей более 20 тысяч своих сограждан, казахстанцев.

В последние годы я создал новые методики, способные возвращать людям здоровье, продлевая им трудовую деятельность и долголетие. Основой новых методик являются аппараты промышленного производства «живой» и «мертвой» воды. По словам специалиста в области физиотерапии доктора медицинских наук, профессора Николая Николаевича Савельева, такой ВОДОЙ можно лечить аденому простаты, аллергию, болезни суставов, гнойники, грибковые заболевания, гипертонию, радикулит, сахарный диабет, эрозию шейки матки, язву желудка и многое другое, всего более 70 заболеваний.

В настоящее время «живую» и «мертвую» воду используют в 11 странах мира, включая Японию, Германию, Китай и... село Тургень Республики Казахстан.

Что касается эффективности такой воды, то, по словам Н.Н. Савельева, более чем за 20 лет все рекомендуемые методики прошли клиническую апробацию, причем эти работы проводились под руководством академиков В.В. Вахидова и С.А. Алексина, а в Казахстане проводились и продолжают проводиться под моим руководством.

«Мертвая» вода (анолит) имеет кислую среду, оказывает мощное дезинфицирующее действие. В медицине для анолита – зеленая улица: дезинфекция и стерилизация скальпелей, шприцов, инструментария, пробирок и т.д. Анолит можно использовать для лечения язв желудка и кишечника, трофических язв и гнойных ран.

При производстве «живой» и «мертвой» воды аппараты не казахстанского производства изготавливают анолит крепостью 5-3 РН единиц. Те, что созданы в селе Тургень – крепостью 1,5-0,5 РН. Это дает возможность предотвратить эпидемию и излечить людей,

заболевших птичьим или другим видом гриппа, в течение одного дня.

На проходивших в разное время в Москве научных конференциях, посвященных применению электрохимических активированных растворов в медицине и других отраслях, говорилось, что «мертвая» вода способна избавлять от стафилококка, стрептококка, кишечной палочки, чесоточного клеща, возбудителей полиомиелита, туберкулеза, сальмонеллеза, СПИДа, лечить гангрену, трофические язвы, остеомиелит, пролежни и др.

Из докладов явствовало, что перечень болезней, поддающихся лечению «живой» и «мертвой» водой, в последнее время значительно расширился. Разработаны методические руководства по лечению многих болезней. «Живая» и «мертвая» вода безвредна, не вызывает привыкания, она показана всем.

Как эксперимент, в свои 83-84 года, я стал применять «живую» воду в виде ванн. Результаты оказались ошеломляющими. Резко повысился прилив сил, самочувствие, как у 40-летнего, продолжаю работать по 10-12 часов в сутки. Потребность в выходных и тем более в отпуске не проявляется.

Считаю, что созданный набор лечебных методик, взятых из практики 25-летнего стажа, в наше время является единственным лечебным комплексом, способным оздоровить наш народ, продлевая им среднюю продолжительность трудоспособности до 80 и более лет, не применяя при этом уколов, систем и другой химиотерапии. При соблюдении здорового образа жизни ее продолжительность может быть 100-120 лет.

Лечение созданными методиками способствует снижению количества смертей от сердечнососудистых патологий. Им можно обеспечить всех нуждающихся. Это не миф, а реальность, которую я берусь осуществить. Мне посильно это в мои 84 года, потому что созданные лечебные методики, применяемые профилактически, доводят мое общее состояние до положения 40-летнего мужчины, что и дает возможность продолжать работать, изобретать, совершенствовать лечебные методики еще много лет.

В разведку – хоть сейчас!

Госману Тулегулу – 60. Как стремителен бег времени! Задумешься, однако.

Нашей дружбе чуть меньше тридцати трех лет. Нас подружила журфак КазГУ. Тогда мы были молоды. Но за спиной каждого из нас была семья, работа, армейский и жизненный опыт. Помнится у Конфуция: «При встрече с достойным человеком думай о том, как сравняться с ним...». Откровенно говоря, в Госмане мне всегда импонировали простота и надежность.

Наверно, естественно, что каждый человек, достигший предпенсионного возраста, всё чаще и чаще вспоминает годы молодые. И воспоминания эти приходят порой без повода, нежданно, а порой какой-то случай навевает тебе милые картишки детства или юности. Но в любом случае радуешься им как ребенок, получивший в подарок желанную красивую игрушку.

Буквально на днях по главной улице Петропавловска мчался, оглушая прохожих клаксонами, очередной свадебный кортеж. Меня они всегда радуют. Но от многих виденных мною ранее, этот отличался тем, что кавалькаду из дорогих джипов и мерсов возглавлял наряженный ушастый «Запорожец»! Шел он ходко. Несмотря на преклонный возраст, на перекрестке лихо тормознул и резво рванул на «зеленый», оставив позади иномарки, вызвав этим бурю восторга у пешеходов...

Как меняется время! Конечно же, «Запорожец» был «изюминкой» процессии. Понятно, что смеха ради он был введен в этот небольшой спектакль. А мне взгрустнулось. Были времена, когда эта малолитражка была несбыточной мечтой многих...

Вспомнилась весна 1978 года. Алма-Ата. Буйно цветет сирень. Белая кипень яблонь. Мы с Госманом на очередной сессии. Бегаем на лекции и традиционно кружкой пива отмечаем каждый всегда успешно сданный экзамен или зачет в кафе «Шолпан», что было напротив гастронома «Столичный» на Коммунистическом проспекте.

В один из таких дней брат попросил меня помочь в переезде на новую квартиру. Когда был загружен в самосвал его нехитрый скарб, нас с Госманом до нового дома попросили доехать на си-

нем «Запорожце», стоящем у подъезда. Это была последняя модель народной легковушки. Машина была новой. Хозяин – Марат родственник жены брата, с гордостью обкатывал её по весенным улицам столицы. Подзадоривая, спрашиваю у Госмана:

– Хотел бы иметь такую тачку?

Мой друг, без всякой иронии, мечтательно закатив глаза, выдохнул:

– Ты что! Другой машины и не надо!

Что скрывать, мечтал тогда о «Запорожце» и я. И сегодня, когда уже наши дети катают нас, родителей, на своих иномарках, та давняя наша мечта кажется смешной и наивной...

Как-то на официальной встрече с работниками СМИ один уважаемый человек заметил, что журналиста после трех лет работы в газете можно рекомендовать на любую руководящую должность. И доля правды в этом есть. Госман прошел основательную газетную школу, увлеченно работал в районной, областной, республиканской печати. И этот опыт газетчика, ответственность за слово, постоянная готовность помочь людям разобраться, где реальная жизнь, а где демагогия, где объективность, а где показуха – уверен, всегда помогали ему на партийной работе в прошлом, помогают и в эти дни на государственной службе.

Ещё одна из сильных сторон моего друга его двуязычие. Он прекрасно владеет языками двух великих народов – казахского и русского. Я читал его прозу, художественные и официальные переводы. Они превосходны и заслуженно отмечались на республиканском уровне. Думаю, что сегодня уместен вопрос: почему кокшетауское отделение Союза писателей до сих пор не принимает Тулегурова в свой творческий союз?

Написал «Союз писателей» и вспомнил Олжаса Сулейменова во времена его руководства этой организацией. Помните всесоюзный переполох, вызванный его книгой «Аз и Я»? Тогда мы учились в КазГУ. И именно тогда, восхищаясь талантом и мужеством Сулейменова, Госман как-то поделился сокровенным: две дочери у меня, но мечтаю о наследнике. Если родится сын, назову Олжасом.

Аллах ниспослал ему мальчика. С его рождением связан забавный случай. Тогда Тулегуловы жили в Зеренде. Госман отбил телеграмму О. Сулейменову с просьбой благословить поэта назвать сына его именем. Ответа сразу не последовало.

– Наверно спустя месяц, – как потом рассказывал мой друг, – как-то вечером иду с работы домой. Вдруг слышу крик: «Госман! Госман! Подожди!»

Смотрю, бежит ответсекретарь редакции и, размахивая какой-то бумажкой, радостно кричит на всю улицу:

— Госман, тебя в Алма-Ату забирают! Вот телеграмма! Ты только свою квартиру мне отдашь! Ладно?

Разворачиваю листок: телеграмма-молния, правительенная, с красной полосой: БЛАГОСЛОВЛЯЮ ТЧК ПУСТЬ БУДЕТ ДОСТОЙНЫМ СЫНОМ СВОЕГО НАРОДА ТЧК ОЛЖАС.

Как говорили наши предки: «Живи в молодости так, чтобы быть счастливым в старости». Мой друг не стар, ему только 60. Думаю, что он счастливый человек. И в этом немалая, если не главная, заслуга его верной подруги жизни Кульзагили. Вдвоем они воспитали прекрасных детей. Растут и внуки.

Я благодарен судьбе, что она подарила мне надежного друга Госмана. И всегда рад, когда в трубке слышу его бодрый голос:

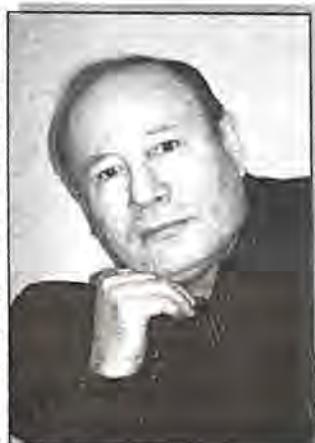
— Ай, Секе, хал қалай? Амансынба?

С юбилеем, дружище! Здоровья тебе и удачи всегда и во всем!

Без права на ошибку

Недавно случайно встретил давнюю знакомую Г. Омарову. Не виделись мы с ней лет пятнадцать. Тогда она работала бухгалтером на областной базе материально-технического снабжения. Давно на пенсии. Разговорились. Спрашиваю, с коллективом-то связь поддерживаете?

— Двадцать семь лет проработала я на базе МТС, — рассказывала Гульназ Габдуловна. — Если бы не Курман Белялович, не известно была бы я сейчас жива. После тяжелейшей операции выжила благодаря ему. 17 лет я на пенсии и столько же лет он меня поддерживает и помогает. И не только мне одной. У меня же нет здесь родственников. А он мне, как младший брат. Душевный он человек, порядочный, сейчас мало таких руководителей. Всегда перед сном молю Аллаха дать ему здоровье. Недавно прислал приглашение на юбилей — 20 лет как он директором базы работает...

По правде, мне было приятно слышать такой отзыв о Курмане Исаеве, с которым я давно знаком. А Гульназ-апа, сама того не ведая, дала мне и тему, и пишу для размышлений о бренности нашего бытия.

Общеизвестно, что успех любого предприятия в первую очередь зависит от его руководителя. От него же зависит и микроклимат в

коллективе. В былые годы опыт работы толкового руководителя обобщался, публиковался в печати и исполнительной властью рекомендовался для внедрения. Искусство управлять производством, это, прежде всего, искусство управлять людьми. В этом плане есть талантливые управленцы от Бога, есть и с наработанным опытом. На крупных предприятиях в районах, в области всегда был кадровый резерв из умных, преданных делу профессионалов. И сколько блестящих организаторов производства, руководителей областного, городского, районного масштаба дал региону такой подход в подборе и воспитании кадров! Примеров тому можно привести немало. Это благодаря труду этих талантов во многом закладывался фундамент дня сегодняшнего.

Грустно, но это факт, что при рыночных отношениях на законном основании руководителем коллектива может стать бездарь или хам, но с деньгами и связями. Какую социальную ответственность можно ждать от таких руководителей? Успокаивает, что их не большинство.

Как не вспомнить здесь библейский афоризм из Ветхого завета, что «не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но Время и Случай для всех их».

Да, Время и Случай, в жизни каждого из нас играют весьма важную роль. И в этом случае мы обычно говорим: «судьба».

Вот этой судьбе и было угодно, что 20 лет назад – 3 февраля 1988 года – Курмана Исаева назначили управляющим областной базы материально-технического снабжения облагропромкомитета. Хозяйство было огромное и хлопотное. Главные потребители – более 150 совхозов и колхозов области, не считая сотен предприятий и организации районов и областного центра. Десятки крупнейших заводов-поставщиков с разных уголков Советского Союза. Сельскохозяйственная техника, оборудование, агрегаты и запасные части, более тысячи наименований, поступали планово железнодорожными вагонами круглые сутки.

И эта, отлаженная годами, система централизованного обеспечения, рассыпалась как карточный домик, вместе с распадом нерушимого Союза ССР. Конечно, не в одночасье. И от этого было еще сложнее.

Поставки прекратились. Но жизнь продолжалась, и спрос на запасные части к сельхозтехнике оставался. Запасы базы истощались. При рынке, если есть спрос, то будет и предложение. Появились конкуренты. Это были девяностые годы. Галопирующими темпами шла инфляция, процветал бартер. Когда нечем было

платить зарплату, молодой руководитель брал немалые суммы под расписку в долг у знакомых предпринимателей. Своевременно возвращал.

И в такой сложной ситуации надо было найти единственно правильное решение, чтобы сохранить коллектив, материальную базу и профиль предприятия и т.д. Не секрет, что желающих приватизировать базу МТС, было немало. Ошибиться он тогда не имел права, ибо решалась не только его судьба, но и каждого члена коллектива и их семей. И Исаев нашел выход, и еще тогда точно определил вектор перспективы развития. Сейчас это называют удачным бизнес подходом или бизнес-планом. Рынок есть рынок, поэтому и суть подхода – коммерческая тайна.

Как говорится, всё познается в сравнении. Не выдержали испытаний перестройкой и попросту перестали существовать базы МТС Костанайской, Кокчетавской, Павлодарской и других соседних областей.

Неспешно, но верно предприятие становилось на ноги, крепло и, как говорится, с каждым годом набирала обороты. Бывшая облбаза материально-технического снабжения в свое время акционировалось в АО «Есильагротехника». В настоящее время преобразовалось в ТОО «АгроВекторСнаб». Менялись вывески, но коллектив оставался прежним. И все эти, порой непростые двадцать лет, предприятие по праву возглавляет Курман Исаев.

Что изменилось за это время на предприятии? Что может записать в свой актив его руководитель? Согласитесь, вопросы не праздные. И с кем бы из членов коллектива мне не пришлось беседовать на эту тему, мнение было единодушное:

Во-первых, всем своим работникам он решил жилищный вопрос. Нуждающимся выдавал беспроцентные ссуды на строительство жилья, вкладывал средства в долевое строительство, «пробивал» очередников в общей очереди на получение квартир. 16 членов коллектива получили новое жилье или улучшили свои жилищные условия. Это практически каждый второй работник.

Во-вторых, в коллективе созданы все условия для нормальной работы. Построено двухэтажное административное здание с удобными кабинетами, с актовым залом, бытовкой, пунктом питания. Проезд работников на работу и с работы – за счет предприятия.

В-третьих, благоустроенная и ухоженная территория предприятия, новая проходная.

В-четвертых, в последние годы своевременно выплачивается заработная плата. Кстати, она на 10 процентов выше средне-областного показателя. Разработаны меры материального стимулирования.

В-пятых, отлажена и стабильна забота и конкретная помощь ветеранам труда. Связь с ними – постоянная.

В-шестых... А впрочем, может достаточно?

Думаю, да. Так и должно быть. И в этом плане ониозвучны словам Главы нашего государства Н.А.Назарбаева, адресованным предпринимателям на недавнем республиканском форуме по вопросам социальной ответственности бизнеса:

– Ваша социальная помощь обществу – это прямые инвестиции в собственное будущее. Ведь если помогаешь кому-то сейчас, ты фактически протягиваешь руку самому себе, своему будущему. Не забывайте об этом...

Это действительно так. Социальная ответственность бизнеса предполагает не только благотворительность, но и своевременное внесение налогов, выплату заработной платы, создание новых рабочих мест, обеспечение работникам адекватных условий работы и жизни: повышение квалификации, профилактическое лечение, строительство жилья, развитие социальной сферы.

Как известно, приоритет развития агропромышленного комплекса – сегодня общенациональная задача. И своё место в этом деле должны найти и представители агросервиса, к которому относится и ТОО «АгроВекторСнаб».

– Наш потенциал далеко не исчерпан. Мы продолжаем расширять сферу услуг товаропроизводителям, – рассказывает К.Б. Исаков. – Есть задумка на базе наших производственных помещений открыть торговый дом с максимальным видом услуг. А это предполагает и открытие новых рабочих мест, обучение персонала. Мы понимаем, что в область поступают новейшие модели западной техники. Им тоже нужны запчасти. С одним из петропавловских заводов прорабатываем вопросы импортозамещения отдельных ходовых деталей к современным сеялкам. Скоро запустим в эксплуатацию и железнодорожный тупик. Для этого имеются свой козловой кран, мотовоз...

Курман Белялович рассказывает о перспективах своего предприятия, а я, зная, что он вырос в сельской многодетной семье фронтовика, вспомнил старую казахскую легенду.

... Бывший батрак Аяз многое достиг своим умом, воинским мастерством. Народ избрал его своим ханом. Будучи в расцвете своего могущества, над дверью своей ставки он повесил старый рваный полушибок и облезлый малахай своей юности. В минуты гнева или при принятии важных решений и указов, Аязу бий эти одеяния напоминали о его происхождении, о простом народе. И он приговаривал про себя фразу, которая стала в Великой Степи кры-

латой: «Эй, Аяз, не кичись, что ты богатый, не пыжься, что ты хан! Знай, как муравей, свою дорогу и думай о своем завтра!».

Курман Белялович Исаев не понаслышке знает эту тернистую дорогу жизни. И социальная ответственность для него тоже не пустой звук. Это он доказывает конкретными делами.

Такой он и сегодня...

У моего любимого поэта Расула Гамзатова есть такое мудрое высказывание: «Когда тебя спрашивают, кто ты такой, можно предъявить документы, паспорт. Если же у народа спросить, кто он такой, то народ, как документ, предъявляет своего ученого, писателя, художника, композитора, полководца». Так и мы, североказахстанцы, когда нас спрашивают, кто ты и откуда родом, то мы с гордостью отвечаем: «Я земляк Махтая Рамазановича Сагдиева». Как рассказывали, после этой фразы собеседник мгновенно проникается к тебе уважением. Особо магически действует такой ответ в высоких государственных учреждениях, ибо редкий чиновник в Казахстане не знает это имя. И оно действует как мандат или беспрепятственный пропуск в любое заведение.

Единственный раз судьба свела меня с М. Сагдиевым в Алматы. Это было лето начала восьмидесятых. Тогда мы с братом Сакеном Нурлановым, прогуливаясь вечером возле дома, случайно встретились с Махтаем Рамазановичем. Запомнились сразу его колоритная внешность, богатырский рост и крепкое мужское рукопожатие. Оказывается, они были знакомы. Женеше по каким-то причинам дома отсутствовала, и брат осмелился пригласить земляка на чай. В квартире был небольшой творческий беспорядок, но Маке как будто этого и не заметил, вел себя просто и добродушно, много шутил, рассказывал забавные истории из детства. От предложенного коньяка отказался категорически. Тогда я был молод. И мне в голову не могло прийти, что министр республики, а в то время он был в таком ранге, может так скромно себя вести. Вот это запомнилось.

А недавно вспомнил забавную, но поучительную историю, не помню кем и когда рассказалую. Тогда М. Сагдиев работал первым секретарем Соколовского райкома партии. А самым боевым

– организационно-инструкторским отделом райкома – заведовал самолюбивый фронтовик. Имел боевые награды. И ими порой козырял. Поручения первого исполнял, как говорится, из-под палки. Уважая его прошлое, Махтай Рамазанович пытался поговорить с ним по душам. Не получилось. Орденоносец вскоре по обоюдному согласию был переведен в исполком райсовета, на должность заворга. Но этот перевод, как оказалось, ему не понравился. И он затаил обиду...

И здесь, как показали дальнейшие события, сгодился его боевой опыт. Однажды зимним вечером в доме первого секретаря райкома взрывом разворотило пышущую жаром русскую печь. Из многочисленных домочадцев Сагдиева, к счастью, никто не пострадал. Пока приехали огнеборцы, своими силами затушили начавшийся пожар.

Это было ЧП не районного масштаба. Дело имело политическую окраску. По этому факту было возбуждено уголовное дело. Надо было найти террориста и наказать его.

При изучении места взрыва, следователи обнаружили обгоревший, плотно скрученный бумажный ком, чем-то напоминающий ружейный пыж. Оказалось, что он сделан из плотной, мелованной, высококачественной бумаги, которая в те годы использовалась для издания немногих всесоюзных журналов. Это была хорошая зацепка и важная улика.

Остальное было делом техники. В доме бывшего заворга райкома был обнаружен журнал «Советский воин» с оторванной страницей, которую нашли на месте происшествия...

Как потом признался подозреваемый, в березовом полене он просверлил отверстие и наполнил его порохом. Запыживал плотной журнальной бумагой. Как смог замаскировал. И ночью незаметно положил самоделку в поленницу дров во дворе дома Сагдиева. Остальное – известно.

Так было раскрыто это преступление. Наказание могло быть суровым. И когда стал вопрос о передаче дела в суд, М. Сагдиев настоял на его прекращении:

– Он осознал свой поступок и попросил прощения. Я простил его. Он не потерянный человек и у него семья...

Думается, в этом поступке весь Махтай Рамазанович – мудрый, скромный и порядочный. Таков он и сегодня. И мы, земляки, этому рады. Дай, Аллах, ему здоровья!

Чингиз с Оксаной поют Гимн

В мире немало развитых стран, целенаправленно формирующих у граждан патриотические чувства,уважительное отношение к своим национальным символам – Флагу, Гербу, Гимну, национальным праздникам. Пример тому – США. Наша Отчизна – Казахстан. Знаем ли мы свои государственные символы? Это не праздный вопрос.

Вспоминается прошлогодний триумф российских волейболисток. Они впервые в истории стали чемпионками мира. На пьедестале почёта девчата со слезами на глазах пели Гимн своей страны. Оказывается, раньше они даже не знали слов Гимна. И новый тренер – итальянец, шокированный этим, еще в прошлом году буквально заставил выучить спортсменок текст Гимна.

Ушли в историю времена, когда мы стоя пели «Интернационал», Гимн Союза нерушимых республик свободных. Что было, то было. Как и у любого государства, у СССР была своя символика. И надо отдать должное, была она не худшая в мире.

Суверенный Казахстан сейчас признан мировым сообществом. Нас узнают по Президенту, по флагу, по Гимну.

Помнится в Дубаи, втором по величине городе Объединенных Арабских Эмиратов, в начале девяностых меня арабы не пускали в мечеть. Дескать, ты не мусульманин. Разговаривали мы на языке жестов. Не найдя других аргументов, я объяснил «на пальцах», что в моей стране Президент Назарбаев. Реакция седобородых старцев была мгновенной:

– О, Назарбаев!

Они, улыбаясь, стали похлопывать меня по спине ...

Путь в мечеть для меня был открыт благодаря международному авторитету нашего Президента. Конечно, было приятно в те минуты.

Пятнадцать лет моей Республике. Это миг в истории. Пройдут десятки, сотни лет, визиткой казахстанца за границей будет наш флаг, или герб, или гимн.

Мне вспоминается прочитанный, кажется, в «Казахстанской правде» один грустно-забавный, но исторический случай.

Делегация казахстанских деятелей культуры в начале девяностых в Париже была принята на официальном уровне. На приёме один из французов, впервые увидев казахов из неведомого для него Казахстана, спросил:

– Вот вы говорите Казахстан, Казахстан... Напойте, пожалуйста, мне мотив вашего гимна.

Как вспоминает очевидец этого случая, было секундное замешательство среди членов нашей делегации: гимна тогда нашего еще не было. Был гимн Казахской ССР. Выручила находчивость Олжаса Сuleйменова. Своим известным басом он запел на казахском «Қаламқас» Абая, а делегация дружно подхватила ...

Знающие толк в искусстве, французы были в восторге от мелодии. Слов они все равно не понимали...

Когда заходит речь о государственных символах, мне вспоминаются американцы – победители Олимпийских Игр, мировых чемпионатов. Когда под гимн США поднимается их флаг – операторы ТВ крупным планом показывают лицо победителя. Видно, как новый чемпион поет гимн своей страны, не стесняясь слез ...

Не только по дипломатическим каналам, но и через наших спортсменов мир узнает и признает Казахстан. Все чаще казахстанцы поднимаются на пьедесталы мировых первенств. Все чаще в их честь исполняется наш гимн и поднимается лазурный флаг моей республики. И в эти минуты, как сказал поэт, сердце бьется в упоенье.

Кстати, о цвете казахстанского флага. Предки казахов – тюрки поклонялись Небу, считая, что именно оно – Бог Тенгри – породило все живое на Земле и денно и нощно следит за человеческими деяниями. Небо, его лазурный цвет для нас – символ честности, чистоты, верности и высоких помыслов.

Все мы свидетели, какое внимание сегодня уделяется патриотическому воспитанию. Есть специальная государственная программа, которая мощно подкреплена финансово. В учреждениях, предприятиях оформлены стенды и уголки государственной символики Республики Казахстан. Во всех школах области учебная неделя начинается с исполнения гимна. Проводятся различные конкурсы, выставки по этой тематике. Это нужно всем нам и, прежде всего, подрастающему поколению. Отношение к государству, гражданином которого являешься, определяется отношением с госсимволам. Это должно быть свято.

Бывает обидно, когда реющий над зданием флаг уже выцвел, а древко укреплено небрежно. О многом может сказать этот факт.

К государственной символике следует подходить с особым вниманием. Они должны отвечать Госстандарту. Единственное предприятие в стране, которое специализируется на выпуске флагов, гербов – это ЗАО «Алматыгороформление». Продукция этой фирмы качественная и проходит проверку Госнадзора.

Наверное, мало кто знает, что цвет флага должен соответствовать номеру 3125 С, а золото рисунка – номеру 810 С международного атласа цветов PANTONE.

А пока жизнь продолжается ...

Когда черноглазый пятилетний Чингиз – сынишка моей коллеги, в автобусе напевает гимн моей республики, а синеокая Оксана подпевает, я искренне рад и по-доброму завидую их поколению, и как сказал наш великий поэт Магжан Жумабаев: «Я верю молодым». Ибо любовь и уважение к государственным символам начинаются с детства. Кстати, Чингиз, оказывается, посещает детский сад «Салтанат». Хвала и честь его воспитателям.

Возвращение Яростного кулака

Древнеказахский рукопашный бой – жұдырықтасу выведет ли нас на мировую арену, где происходят популярные турниры по единоборству в системе «М-1 Глобал»?

Бои без правил, вероятно, своими истоками уходят в глубокие века. Достоверно известно, они в начале XX века были популярными по всему миру и имели самые жесточайшие законы, т.е. являлись боями без правил в самом полном смысле этого слова. В одном из таких турниров участвовал легендарный Кажы Мукан, когда он в кровавой схватке не на жизнь, а на смерть, ценою невероятной силой воли победил жесткого японского борца стиля джиу джитсу Саракики Жиндофу.

К сожалению, продолжателей побед Кажы Мукана у нас не так уж и много.

Помнится позорное поражение наших единоборцев от российского клуба «Легион». Победил «Легион» (и побеждает почти во всех своих боях, также как российский клуб «Пересвет») благодаря базовым достижениям. То бишь основной состав файтеров названных клубов, являются представителями самбо, по праву считающегося российским национальным видом спорта. Смешанный стиль боевого и спортивного самбо дал миру такого мастера как Федор Емельяненко простого парня из старинного города Старый Оскол. То же можно сказать о бразильских файтерах во главе семьи Грейтс, которые благодаря национальному единоборству валитудо вот уже несколько десятилетий не отдает лавры победы никому. Японское бушибо, этот смешанный вид, состоящий из элементов каратэ, джиу джитсу и современных видов борьбы прославил в мире имя таких панчеров как Токада. И французы пошли таким

путем, адаптировав свой национальный бокс к условиям турниров по единоборству.

С уходом из арены организации Прайд, и приходом вместо неё организации «М-1 Глобал», существенно изменилась картина и в мире единоборств. Уходят турниры, проводимые панкратионе, пяти- и восьмиугольниках, уступая место рингу. То есть, единоборство постепенно выходит из потайных залов ночных клубов, одновременно выявляя миру силу и мощь, упорство и характер разных народов. Стиль стал более смешанным, в нем есть и бои на стойках, и бои на партере, которые, естественно, требуют особенности навыков национальных единоборств. Побеждают те, которые активно и эффективно используют все виды, оставаясь на генетически заложенных базовых основах, т.е. универсалы, взращенные на национальном единоборстве.

Нам кажется, перспектива развития жұдырықтасу именно в этом направлении – выход на арену смешанных единоборств. Только так мы можем пропагандировать и развивать этот древнеказахский рукопашний бой и показать миру, что и мы тоже «не лыком шиты».

А история жұдырықтасу такова. В степях и предгорьях на территории нынешнего Казахстана жили многочисленные племена саков, массагетов, исседонов, аргипеев. Это были сводолюбивые народы. Историки древности были потрясены гибелью персидского царя Кира за попытку покорить массагетские земли: воины бились врукопашную, копьями, кинжалами, голыми руками. Завоеватели были поражены искусством рукопашного боя, которое демонстрировали саки, массагеты. Оказывается, эти навыки приобретались с детства в народных школах, где изучались приемы борьбы, самообороны. Такая длительная, постепенная подготовка и позволила кочевникам выдержать рукопашную битву, которая продолжалась несколько дней, и массагеты одержали победу. Это была одна из самых ярких побед народов, проживающих на земле древнего Казахстана.

В колониальный период было сделано все возможное, чтобы исключить наиболее эффективную часть единоборств и самозащиты из остатков боевых единоборств. И в советский период власти не хотели, чтобы простой народ владел таким грозным оружием. Все эти запреты выхолостили боевой раздел казахша курсес и в настоящем виде осталась самая безобидная её часть.

Только после обретения Казахстаном независимости возрос интерес к истории, культуре и всем богатейшим нравственным ценностям наших предков. Не остался в стороне и спорт. Куста-

найский ученый Бекайдар Тойлыбаев после многолетних поисков, на основании архивных материалов и документов доказал, что у древних казахских воинов-кочевников был более грозный вид единоборства, чем ныне существующая борьба казахша курсес. И называется он – жұдырықтасу. Сохранили этот вид единоборства лишь казахи-эмигранты.

Боевое искусство тюрков имело свою историческую основу, философию, глубокую духовность, основанную на национальных традициях и тенгрианстве, свою тактику и стиль. В эпоху Чингис-кагана тюркское боевое искусство называлось «кара моротон» (черные всадники), а позднее – курсес, жұдырықтасу.

Любопытно, что ни в одном из известных нам боевых искусств средневековья и современности воины не обладали таким высоким уровнем мастерства обращения с лошадью и использования ее в бою, как в «кара моротон». Одним из испытаний, проводивших раз в пять лет, был экзамен для лошадей и наездников. В программу входило: лошадь защищает от пеших и конных воинов своего наездника, лежащего на земле, не разрешая никому приближаться и пытаясь поразить недругов ударами копыт; лошадь взваливает себе на спину и уносит в укрытие или родное стойбище раненного и потерявшего сознание хозяина. При этом она старательно обходит различные ловушки и избегает встреч с людьми, которые могут оказаться врагами её хозяина. В программу экзамена входило и множество боевых трюков, используемых наездником и лошадью в унисон, своего рода «парное катание».

Заключительным этапом являлось трехмесячное пребывание наездника с лошадью в пустынном месте, где они должны были найти себе пропитание и дожить до испытательного боя с несколькими воинами. Во время такого «выживания» всадник должен был продемонстрировать множество навыков и знаний, начиная от поимки на скаку волка для изготовления одежды, заканчивая постройкой тайного подземного жилища, где укрывались лошадь и человек.

Существовал и ритуал посвящения в воины: испытуемый, раздетый по пояс, приходил ночью в обусловленное место, где его ждала засада. Из темноты на испытуемого обрушивались жесткие удары руками, бичами, он же должен был защищаться любыми доступными ему способами. Вот тут нужны были владение приемами жұдырықтасу.

Наши предки, отстаивая свою землю от набегов неприятеля, в бою умело применяли приемы рукопашной схватки, используя при этом различные виды оружия: саблю, копье, дубинку-шокпар. Не

только скачки, стрельба из лука, но и удары ногами, руками, логтями, коленами, броски – эти смертоносные приемы оттачивались до совершенства.

В мирное время соревнования проходили на рукотворном ковре – кошме. Бойцы по традиции дрались по пояс обнаженными, с косынками на головах. Шаровары подворачивались до колен, а на руки наматывались полосы шкуры с подкожным жиром, вырезанные из шейной части жертвенного быка. Предпочтение отдавалось ударам руками и броскам. Атаковать лежачего было запрещено. Судили состязания уважаемые аксакалы. Победитель мог получить до 50 голов крупного и мелкого рогатого скота.

Помимо техники рукопашной схватки, бойцы демонстрировали силу удара. Мы сегодня видим как крашут кирпичи и доски бойцы восточных единоборств. Наши же предки для демонстрации силы ломали бараньи или бычьи кости. Попробуйте, и вы убедитесь – это посложнее. Этот раздел жұдырықтасу назывался жіліксындыру – популярный и по настоящее время. После традиционно обильного праздничного дастархана не только джигиты, но и дети, женщины и аксакалы, пробуют силу удара, ломая кость лошади голыми руками.

Жұдырықтасу – это не просто набор приемов, которые можно легко выучить за короткое время. В основе заложен глубокий духовный аспект. Семь принципов древних тюрских единоборств включали три земных и три небесных качества, уравновешивающих срединной гармонией: твердость или мягкость, устойчивость или подвижность, постоянство или внезапность, проявляются в гармонии с внешней и внутренней ситуацией.

Такова вкратце, история возвращения нашего национального достояния – жұдырықтасу. На это ушло ровно семь лет. Думаю, не лишним будет напомнить, что вопреки всем препонам чиновников, это состоялось благодаря энтузиастам, фанатам древнеказахского рукопашного боя, истинным патриотам Казахстана – Бекайдара Тойлыбаева, Шакана Нургалиева, Ергали Мухитдинова, Сабыржана Махметова, Кайрата Закирьянова, Касыма Жакып-Сейтулы, Кайрата Сатыбалды, Садыбека Тугеля и других.

Останется в истории республики и тот факт, что первый чемпионат Казахстана среди молодежи по жұдырықтасу и первый в республике турнир среди взрослых профи «Пояс Абылай хана» состоялись в Костанае в августе 2009 года. А второй уже был международный – в 2011 году в Астане.

Возвращение жұдырықтасу состоялось. Действует Федерация РК этого вида спорта, президентом которого является А.Кожапов.

Проводятся республиканские и региональные соревнования. Планируются и международные чемпионаты. Это радует. Но самое главное по словам Шакана Нургалиева: «Нам бы хотелось, чтобы начинающие бойцы преклонялись не только перед зарубежными идолами и непонятными иероглифами, а своими батырами, олимпийскими чемпионами. Для этого нужно изучать свои традиции, познавать свою культуру, знать своих бойцов... Чтобы ни говорили о жұдырықтасу, мы считаем, что у нас есть в руках ниточка, которая связывает с корнями прошлого, историей наших предков, а, имея прошлое, у нас будет и будущее.»

«Стреляют пусть другие»

Мамлютской редакции, где я работал литсотрудником, райплан выделил на реализацию мотоцикл «Урал», в те годы – страшный дефицит. Моя очередь была первой. Формально решал этот вопрос профком. Но хозяином положения был, конечно, редактор. Без согласования со мной он порекомендовал местному продать мото заместителю редактора. Мотив был простой: ты молод, еще успеешь купить, а замреду скоро на пенсию. Но такой расклад меня не устроил.

Конфликтную ситуацию тогда дипломатично развел секретарь райкома по идеологии Маркен Сандыбаев.

Хотя «Урал» достался мне, но обида все-таки осталась.

И в это время освобождалось место председателя райкома ДОСААФ. Моего друга детства Тагира Иксанова переводили в областной центр. По его рекомендации согласие руководства облкомитета было получено. Осталось только пройти утверждение на бюро райкома партии, ибо должность была в номенклатуре района. Помнится, первый секретарь Михаил Иванович Кузьмин на заседании бюро огорошил меня вопросом:

– Ты твердо решил перо сменить на винтовку?

Что это был продуманный вопрос, до меня дошло потом. А пока от шутливого тона первого члены бюро заулыбались. Пока я собирался с ответом, Михаил Иванович тут же:

– Товарищ Айкенов (председатель райисполкома), у Вас найдется Серику работа?

– Найдется. Заворг мне нужен.

– Ну, вот и договорились. Поздравляю с новой должностью! У тебя, Серик, всё еще впереди. Пиши больше, вижу, получается у тебя, а стреляют пусть другие...

С тех пор прошло немало лет. И за тот отечески мудрый совет Михаилу Ивановичу я благодарен безмерно.

Вскоре из райисполкома меня снова перевели на журналистскую работу. Но это уже другой фрагмент моей жизни...

Вот такие были времена

В один из январских вечеров восемьдесят второго года на рабочем столе моего кабинета затренькал старый телефон. Вызов был явно междугородний. Поднимаю трубку и узнаю по голосу заведующего отделом агитации и пропаганды обкома партии С.М. Преснякова:

— Завтра утром на автобусе поедешь в новый Целинный район. Ты назначен заместителем редактора районной газеты...

— Сергей Михайлович, — растерянно пытаюсь возражать, — я же работаю. Надо подумать, посоветоваться.

— Возражения не принимаются. Разыщи председателя райисполкома и передай ему наш разговор: чтобы сегодня же тебя расчитал и выдал трудовую, а утром переправил до Петропавловского автовокзала...

— А если он не отпустит?

— Тогда вместо тебя поедет он. Так и передай ему. Всё.

Вечером следующего дня я уже был в Аксуате — райцентре нового района, что в 260 километрах от Петропавловска.

Вот такие были времена...

Четыре редактора

И сейчас, а во времена Советов особенно, редакции в журналистах нуждались постоянно. Районная газета выходила три раза в неделю, её четыре полосы надо было чем-то заполнять.

Так уж случилось, что в одно время в нашей редакции работали три бывших редактора городских и районных газет из племени, как их тогда называли, «попов-растриг». Это были мужчины средних лет, имеющие университетские образования и приличный опыт работы. Как цыгане, кочевали они по всему Союзу. Недостаток у них был один — пьянство. Они держались и обычно плодотворно работали до первой получки. Потом — уходили в запой..

Как-то по этой причине был сорван выпуск очередного номера газеты. Весь коллектив из пяти человек был вызван на ковер к

первому секретарю райкома партии А. Базарбаеву. Подняв и выслушав биографии каждого, он воскликнул в недоумении:

– Слушайте, вас там четыре редактора и один зам. редактора! И вы впятером не можете газету выпустить! Чем вы там занимаетесь?!

Одни раньше...

Недавно ездил на похороны родственницы в казахский аул Карагай. Умерла она в преклонном возрасте. Сыновья и дочери достойно проводили её в мир иной. На кладбище чувствовалась забота живых о мертвых. Здесь был достойный порядок. По периметру – аккуратно покрашенная металлическая изгородь. Как по линейке, ухоженные могилки с надгробными гранитными камнями с Жаман-тау.

И резкий контраст – состояние аула. Картина – удручающая. Развалины разобранных производственных помещений и оставы жилых домов, уличные колдобины, неухоженные питьевые колодцы.

– Мы к этому привыкли, – заметив мой немой вопрос, рассказывает местный аксакал, – всё это временно, а там, на кладбище порядок должен быть. Он есть благодаря нашему мулле. А стараемся потому, что все будем там. Одни раньше, другие позже...

Так пахнет сладко

В тени многолетних кленов, устроившись удобно, гвоздодером завершаю «стрижку» еще одного бруса-ежика с многочисленными гвоздями. Думаю, эти качественные «сотки» советских времен еще послужат и при капитализме. Вижу: с другой стороны усадьбы ко мне бежит внучка двухлетняя Айнур. Спокойно она ходить не может. Всё бегом. В легкой разноцветной «разлетайке» она похожа чем-то на порхающую бабочку на зеленой лужайке.

– Атапка, папа маму ругает.

– Тебе жалко её?

– Да, она же моя мама. Я люблю её. И потом, у неё подмышкой так пахнет сладко ...

Главное – не жадный

Осень 2008 года. Строительство времянки в Заречном поселке близится к завершению. Каждый день с утра и до позднего вечера все при деле. Стается помогать и Айнуре. Ей уже три годика. Сбегает и откроет или закроет водопроводный кран, знает, где какой инструмент искать и при этом успевает фантазировать:

- Аташка, жених ко мне приехал!
- Да ну? – включаюсь в предложенную игру.
- Да! Сейчас покажу тебе его.
- А где он был-то?
- В Астане живет. Банкиром работает.
- Ух, ты! Банкиршей, наверно, будешь и нас забудешь?
- Нет, не забуду, помогать вам буду.
- А жених-то хороший?
- Красивый такой! Не жадный. Не пьет, не курит. Цветы и шоколад дарит мне.
- Любит тебя, наверно?
- Аташка, ты какой-то смешной. Ты же сам говорил, что меня невозможно не любить!

Не влюбленными

Лето. Вечер. За традиционным вечерним чаепитием Кадиша, заметив, что я в мыслях витаю неизвестно где, огорожила меня вопросом:

- Что ты на меня так смотришь?
 - А на кого же мне смотреть? Уж сорок лет смотрю.
Это я уже приземлился.
 - А взгляд-то явно невлюбленный...
- Я от души расхохотался. Подметила-то точно.

Мужа

Зимой в кусочке кристального льда увидел замершую муху. Занес домой. В тепле ледышка растаяла и пленница освободилась. Наблюдаю дальше. Минут через пять в лужице она задвигала ножками. Мало-помалу выбралась на сухое место. Задними конечно-

стями сверху и снизу сноровисто почистила крыльшки, передними лапками умыла личико и — полетела к окну.

Подумалось, вот бы нам, людям, в трудные времена, подобно мухе, заледенеть и ожить лет, эдак, через двадцать...

Завтра будет утро

Моему внуку Руслану тогда было три годика.

Зима. Ночь. Мягкий свет абажура. Готовимся спать, а Руслан традиционно прибегает в нашу спальню понежиться в постели. До подбородка натянув одеяло, между аташкой и апашкой, смотрит в наоконную темень ночи и, удивленно разводя ручонками, восклицает:

— Опять темно! Опять ночь! Опять спать!

И через секунду, поблескивая карими глазками, радостно восклицает:

— А завтра будет утро!

И тут же, с хитринкой вопрос:

— Правда, аташка?

Он знает мой ответ, он уверен, что я ему скажу:

— Да, правда, мой золотой. Завтра обязательно будет утро...

Содержание

От автора.....	3
Когда взошла Звезда народа	5
Айтиев.....	11
Он отстоял Мангышлак	18
Маленков.....	23
Последний Император	38
Ужин при свечах у министра	44
Вкус курта	46
Ерулик.....	49
Тайна старой конюшни.....	53
Три наказа	56
Мамлютка	59
«Крес на крес»	62
Лысуха	63
Мой ангел хранитель	65
Спектакль	66
Когда бастуют доярки	68
Арест.....	69
Сеилхан	72
Фото Брежнева.....	74
Шужук.....	76
Как мы похожи.....	77
Слезы Красули	78
Майтабан.....	79
.....	80

Токал.....	81
Обувь надо метить	83
Трос.....	84
Таран на посевной.....	86
Синие «Жигули»	88
Осмыслить себя и время	93
Встреча с Гафу Каирбековым	98
«Я всегда стремился быть первым...»	101
В разведку – хоть сейчас!	107
Без права на ошибку	109
Такой он и сегодня.....	113
Чингиз с Оксаной поют Гимн.....	115
Возвращение Яростного кулака	117
«Стреляют пусть другие».....	121
Вот такие были времена	122
Четыре редактора	122
Одни раньше.....	123
Так пахнет сладко	123
Главное – не жадный.....	124
Не влюбленными	124
Муха.....	124
Завтра будет утро	125

373,33 тг.

Серик Муканов

Вкус курта

Рассказы, эссе, очерки

ISBN 978-601-7461-91-1

A standard 1D barcode representing the ISBN 9786017461911.

9 786017 461911

Ответственный за выпуск - АО “Алматы-Болашак”

Руководитель творческой группы - Ы.С. Кененбай.

Директор типографии - И.У. Акбасов.

Художественный редактор - В.В. Стенякин.

Редактор - Г.Е. Ержанова

Верстка - А.С. Рахманбай

Подписано в печать 07.08.2020. Формат издания 84x108, 1/32

Усл. печ. л. 6,72. Заказ № 963. Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии АО “Алматы-Болашак”, г. Алматы,
ул. Муканова 223 “В”. Тел.: 378-40-08, 378-42-00.

E-mail: almatybolashak@kz

Муканов Серик Кабиденович
родился в 1949 году в городе
Мамлютка Северо-Казахстанской
области. Трудовую деятельность
начал инструктором райкома
комсомола. Работал в партийных,
советских, исполнительных
органах. Редактировал районные
газеты, областные и
республиканские издания. Окончил
факультет журналистики
Казахского государственного
университета им. С.М. Кирова.
Член Союза журналистов
Казахстана. Проживает в Астане.
Настоящий сборник – первая
книга автора и посвящает он её
своему 70-летнему юбилею.

"Алматы-Болашак" АА